

1629.3
Ф 27 / Ф. Н. Фаткуллин

40x
~~2/5~~ 2

ИЗМЕНЕНИЕ
ОБВИНЕНИЯ

2752

МЦ

Холд. 3
343.10

25.03.88

ОР. 274

кр 88

Ф. Н. Фаткуллин

385178

ИЗМЕНЕНИЕ ОБВИНЕНИЯ

код экземпляра

334684

«Юридическая литература»

Москва — 1971

Проверено 1988 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Научная разработка сложной проблемы изменения обвинения в различных стадиях советского уголовного процесса представляет не только познавательный, но и большой практический интерес. В настоящее время по отдельным делам наблюдается еще изменение первоначального обвинения в том или ином виде, и правильное решение связанных с этим вопросов во всех стадиях уголовного судопроизводства является одним из важных условий дальнейшего повышения качества работы органов предварительного следствия, прокуратуры и суда, усиления гарантий прав обвиняемого и развития демократических основ социалистического правосудия.

Разумеется, что неуклонное улучшение всей деятельности органов следствия и дознания повлечет постепенное уменьшение удельного веса дел, по которым в дальнейших стадиях уголовного процесса приходится изменять предъявленное лицу обвинение. Однако этим не снимается с повестки дня сама проблема, ибо в силу ряда объективных и субъективных причин определенные изменения обвинения в различных стадиях судопроизводства останутся неизбежными. Не случайно, что в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 30 июня 1969 г. «О судебном приговоре» этому вопросу уделяется значительное внимание¹.

Проблема изменения обвинения в уголовном процессе пока еще в нашей юридической литературе освещена явно недостаточно. Единственная брошюра, написанная М. И. Бажановым на данную тему, вышла в свет в 1954 году и уже не отвечает современным требованиям теории и практики советского уголовного судопроизводства. В работах других авторов вопросы изменения об-

¹ См. «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1969 г. № 4, стр. 11.

винения затрагиваются лишь частично, ибо они рассматриваются попутно — в связи с разработкой других процессуальных проблем.

К тому же в большинстве опубликованных работ, где в какой-то мере анализируются отдельные вопросы изменения обвинения, отсутствует общая трактовка сущности, видов и структуры обвинения, его отличия от смежных процессуальных институтов, критерия допустимости изменения обвинения в различных стадиях советского уголовного процесса и некоторых других принципиальных положений, без которых не представляется возможным правильное решение проблемы в целом.

Неполнота научной разработки отрицательно сказалась и на правовом регулировании некоторых вопросов данной проблемы в действующем уголовно-процессуальном законодательстве, особенно в части изменения обвинения следователем, прокурором, судом в распорядительном заседании и вышестоящим судом.

Все это в свою очередь обуславливает определенные трудности в практической деятельности органов предварительного следствия, прокуратуры и суда по изменению обвинения в соответствующих стадиях уголовного процесса.

Цель настоящей работы — стремление отчасти восполнить такой пробел и привлечь внимание советских процессуалистов к дальнейшему изучению проблемы изменения обвинения в уголовном судопроизводстве.

Книга является, по существу, продолжением нашей работы «Обвинение и судебный приговор», выпущенной издательством Казанского университета в 1965 году. Поэтому в ней специально не рассматриваются соотношение обвинения и уголовной ответственности, принципы обвинения, отношение суда к обвинению, влияние разрешенного судом обвинения на определение объективных пределов законной силы приговора и ряд других вопросов, нашедших отражение в упомянутой монографии.

Данная книга также не претендует на исчерпывающее освещение всех затронутых вопросов темы. В ней более подробно анализируются главным образом те вопросы, которые недостаточно освещаются в советской процессуальной литературе, но в то же время представляют значительный практический и теоретический интерес.

**ПОНЯТИЕ, ВИДЫ И СТРУКТУРА ОБВИНЕНИЯ
В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

**§ 1. ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ОБВИНЕНИЯ
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

В Программе КПСС поставлена задача искоренения всяких нарушений правопорядка, ликвидации преступности и устранения причин, ее порождающих¹. Успешное выполнение ее предполагает дальнейшее улучшение всех форм воспитательной работы, совершенствование и усиление всей системы профилактических мероприятий по предупреждению нарушений советского закона и правил социалистического общежития, а равно дальнейшее усиление борьбы непосредственно с самими преступными проявлениями на базе правильного и эффективного сочетания мер государственного принуждения и общественного воздействия.

Одним из неперемennых условий неуклонного усиления борьбы с преступностью является своевременное и полное раскрытие каждого противоправного и общественно опасного деяния, изобличение и осуждение каждого совершившего такое деяние лица. Это непосредственно вытекает из указания В. И. Ленина о том, что предупредительное значение наказания обуславливается главным образом его неотвратимостью.

Определяя задачи советского уголовного процесса, Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и со-

¹ См. «Программа Коммунистической партии Советского Союза», М., 1967, стр. 106.

юзных республик 1958 года подчеркивают, что такими задачами в первую очередь являются именно «быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый, совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден». Аналогичное указание содержится также в ст. 2 УПК РСФСР¹.

Осуществление этих задач органически связано с предъявлением лицу, совершившему преступное деяние, соответствующего обвинения, с изобличением его в инкриминируемом преступлении и обоснованием его ответственности за данное общественно опасное действие или бездействие. Без четко сформулированного по делу обвинения и своевременного ознакомления с ним обвиняемого не представляется возможным обставить отправление правосудия надлежащими процессуальными гарантиями, успешно выполнить его гуманные задачи.

Известно, что обвинение всегда относится к числу центральных процессуальных категорий. Оно составляет необходимый элемент любого типа и формы уголовного судопроизводства, хотя его юридический смысл и процессуальные последствия не всюду одинаковы².

Ввиду своей важности и сложности обвинение давно привлекает к себе внимание многих криминалистов.

Еще в конце прошлого и в начале нашего столетий большинство буржуазных процессуалистов, ставя знак равенства между обвинением и уголовным преследованием, пытались трактовать их как уголовный (публичный) иск, означающий «требование о взыскании с преступника наказанием». При этом многими из них различались понятия «уголовного иска в материальном и формальном смыслах», «иска первоначального и окончательного», а во все эти термины подчас вкладывались не только различные, но и не совместимые содержания³.

¹ В дальнейшем при ссылках на статьи Уголовно-процессуального кодекса РСФСР будут подразумеваться и соответствующие нормы уголовно-процессуальных кодексов других союзных республик, если иное не оговорено особо.

² По этому поводу подробно см. Ф. Н. Фаткуллин, Обвинение и изменение его в суде, Казань, 1963, стр. 7—13.

³ См. В. Е. Случевский, Учебник русского уголовного процесса, СПб, 1892, стр. 195, 217; М. В. Духовский, Русский уголовный процесс, М., 1908, стр. 166; И. Я. Фойницкий, Курс уголовного судопроизводства, СПб, 1910, стр. 1—8; Л. И. Фенин,

Концепция уголовного (публичного) иска бытует и в современном уголовном судопроизводстве ряда стран. Так, в УПК Франции 1958 года обвинение именуется публичным иском (ст. ст. 1, 2, 6 и др.). По мнению американского юриста В. Дугласа, «стержнем судебной дуэли», «судебного поединка» по уголовным делам служит «иск», поддерживаемый «сильными прокурорскими ударами». Аналогичные по существу рассуждения приводятся в работах и английских юристов¹.

Такое положение в буржуазной юриспруденции с объяснением одного из важнейших явлений уголовного судопроизводства не случайно. Буржуазным юристам невыгодно показать действительное назначение обвинения как специфического средства обеспечения классового господства. При помощи бесплодных постулатов они стремятся внушить, будто уголовное обвинение является субъективным делом отдельной личности, оно выражается в обыкновенном споре о праве и разбирается «ни от кого не зависимым арбитром» с соблюдением «равноправия» обвинителя и обвиняемого, будто поэтому связывать уголовное преследование и обвинение с чьими-либо классовыми интересами и усматривать в них средство защиты экономического и политического господства невозможно. При этом имеется в виду и цель усиления в уголовном судопроизводстве начала диспозитивности, частного усмотрения, столь выгодного в условиях капиталистического общества для имущей части населения. Рассуждениями об уголовном иске, о процессуальном равенстве «сторон» и о недопустимости вмешательства суда в ход их борьбы прикрываются волчьи правила, которые узаконяют всемогущество капитала и ставят в фактически беззащитное положение негодных ему людей в современном буржуазном обществе.

Совершенно ясно, что для советской юриспруденции подобные конструкции неприемлемы. Советское государство правовыми средствами обеспечивает интересы трудового народа, выполнение задач коммунистического строительства. Юридические нормы разрабатываются при непосредственном участии широких масс трудящихся. Все институты уголовного и уголовно-процессуального права советским законодателем рассматриваются как средство защиты социалистического строя и интересов народа от антиобщественных посягательств, как инструмент дальнейшего укрепления социалистической законности и установленного в стране правопорядка.

Обвинение имеет ярко выраженное общественное, публичное назначение. Оно в условиях социалистичес-

Уголовный процесс, Харьков, 1911, стр. 81—84; Г. С. Фельдштейн, Лекции по уголовному судопроизводству, М., 1915, стр. 2 и др.

¹ См. Douglas W. Weis judges. New-York, 1956, pp. 372—374; Nokes G. D. An introduction to Evidenc, London, 1956, p. 433.

кого строя не служит осуществлению чьих-либо «прав на наказание» и не может использоваться в качестве субъективных притязаний одних лиц к другим. Как его этимологический смысл, так и представления советских людей далеки от тех толкований, над которыми упражняются буржуазные юристы в попытках создать выгодное для своих хозяев учение о характере и служебной роли обвинения в уголовном судопроизводстве. Поэтому подавляющее большинство советских процессуалистов решительно отвергают концепцию «уголовного иска», всячески подчеркивая, что советский законодатель никогда не рассматривал обвинение в качестве какой-либо разновидности иска и не давал для этого никакого повода¹.

По своей природе обвинение производно от уголовной ответственности. Оно необходимо постольку, поскольку речь идет об ответственности определенного лица за совершение преступления. Советский законодатель не случайно рассматривает привлечение к уголовной ответственности и предъявление обвинения как взаимообусловленные акты. Этим вполне резонно оттеняется неразрывная связь между понятиями «уголовная ответственность» и «обвинение».

В логическом плане обвинение в первую очередь означает определенную деятельность, направленную на изобличение лица в совершении преступного деяния и обоснование его уголовной ответственности. Именно в таком смысле применяется данное понятие советским законодателем, когда он говорит, например, о государственном обвинении (ст. 248 УПК РСФСР), о частном или частно-публичном обвинении (ст. ст. 88—89 УПК Казахской ССР) и т. д. Это — обвинение в процессуальном смысле. Оно представляет собой многогранную дея-

¹ См. М. А. Чельцов, О недопустимости перенесения буржуазных конструкций в советскую уголовно-процессуальную теорию, «Ученые записки ВЮЗИ», вып. VI, 1958, стр. 55, 76—77, 84—90; Ф. Н. Фаткуллин, указ. работа, стр. 7—13.

Иное мнение по данному вопросу встречается в работах: Н. Н. Полянский, Очерки общей теории уголовного процесса, М., 1927, стр. 110—125; М. Л. Шифман, Прокурор в уголовном процессе, Юриздат, 1948, стр. 33—36; Н. Н. Полянский, К вопросу о юридической природе обвинения перед судом, «Правоведение» 1960 г. № 1, стр. 106—112.

тельность, которая покоится на четко определенных правовых началах и протекает в установленном законом порядке.

В советском уголовном процессе эта деятельность носит строго официальный характер, основывается на фактических данных, тщательно проверенных специальными государственными органами, и состоит из процессуальных действий и отношений, указанных в законе. Она не может вестись произвольно, по усмотрению отдельных частных лиц, или в формах, не предусмотренных в процессуальном законодательстве.

На осуществление обвинения уполномочены лишь определенные органы и должностные лица, участвующие в уголовном судопроизводстве и обладающие правом признавать его несостоятельным или даже отказаться от него, если имеются к тому законные основания. Вне уголовного судопроизводства или со стороны лиц, не являющихся его участниками, обвинение недопустимо.

Обвинение осуществляется в отношении конкретного лица, официально поставленного в положение уголовно ответственного. Это лицо, признаваемое обвиняемым, ставится в известность о начале и предмете обвинения, а также о всех последующих изменениях в фактических и юридических признаках вменяемого ему в вину преступного деяния. Обвиняемый наделяется широкими, прочно гарантированными процессуальными правами, для него создаются необходимые условия для защиты, опровержения или оспаривания тех отрицательных явлений, которые ему инкриминируются. Нарушение этих прав, равно как односторонность, необъективность и неполнота в исследовании фактического материала, лежащего в основе обвинения, пресекаются законом.

— Свое непосредственное выражение обвинение находит в изобличении такого лица в совершении инкриминируемого преступления, в обосновании его уголовной ответственности с тем, чтобы добиться публичного его осуждения. В зависимости от стадий процесса могут меняться, в указанных законом пределах, конкретные формы и методы обвинения. Однако при всех условиях основное направление деятельности, которую мы называем обвинением в процессуальном смысле, остается одним и тем же от ее начала до конца.

Требование о наказании обвиняемого, изобличаемого в преступном деянии, хотя и характерно для обвинения в процессуальном смысле, но не является его неотъемлемым элементом. В советском уголовном процессе признание вины человека в совершении преступления и осуждение его не всегда влекут за собой обязательное назначение уголовного наказания. Если компетентные органы в силу предусмотренных в законе обстоятельств сочтут возможным ограничиться применением к правонарушителю мер воспитательного характера или мер общественного воздействия, то из этого нельзя заключить, что обвинение по данному делу было бесцельным.

Соответственно обвинением достигается не обязательно судебное осуждение и наказание лица, совершившего преступление. Обоснование уголовной ответственности обвиняемого при некоторых, точно указанных в законе условиях может иметь место в связи с теми формами публичного осуждения, которые не предполагают постановления обвинительного приговора с назначением уголовного наказания. Поэтому обвинение в процессуальном смысле не может быть сведено только к изобличению обвиняемого и обоснованию его ответственности перед судом, а достигаемое им публичное осуждение должно трактоваться как более широкое понятие, охватывающее все те случаи, когда уголовное судопроизводство завершается признанием факта совершения обвиняемым преступного деяния, порицанием его со стороны общества.

Не составляет элемента непосредственно самого понятия обвинения и процессуальное принуждение, допускаемое законодателем для обеспечения целей и задач уголовного судопроизводства. Меры такого принуждения всегда выступают как категории, обусловленные обвинением, однако ни одна из них, в том числе любая мера процессуального пресечения, не есть свойство самого обвинения, его отличительный признак. По этой причине нельзя судить о наличии обвинения в уголовном судопроизводстве только исходя из того, применены к кому-либо (скажем, к подозреваемому) меры принуждения или не применены. Возможно, что указанные меры предшествуют началу обвинения или, наоборот, отсутствуют на протяжении всего процесса, хотя обвинение осуществляется вполне успешно.

Все отмеченные признаки (черты) в совокупности

позволяют понимать под обвинением в процессуальном смысле основанную на законе процессуальную деятельность компетентных органов и лиц по изобличению обвиняемого в инкриминируемом ему преступлении и по обоснованию его уголовной ответственности с тем, чтобы добиться публичного его осуждения.

Но содержание обвинения не исчерпывается изложенным. В законе, теории и практике это понятие употребляется для обозначения и тех противоправных фактов, которые вменяются обвиняемому в вину как основание уголовной ответственности. Такое значение придается понятию в случаях, когда говорится о формулировании и предъявлении обвинения, об изменении его, об отношении лица к предъявленному обвинению, о его праве знать сущность обвинения (ст. ст. 46, 143, 148, 150, 154 УПК РСФСР) и т. д. Здесь имеется в виду уже обвинение в другом, материальноправовом смысле.

В таком плане обвинение — не просто тезис (утверждение) о виновности обвиняемого в совершении преступления, как это порою указывается в нашей литературе¹. Законодатель, говоря о предъявлении или изменении обвинения, о разрешении его в суде, о более тяжком обвинении и т. д., подразумевает не столько чье-либо субъективное утверждение о вине другого лица или краткое изложение выдвинутого им положения (тезиса), сколько те объективные общественно опасные факты, те противоправные явления в их фактическом и социально-правовом выражении, которые вменяются обвиняемому в вину и могут вызвать его осуждение. В советском уголовном процессе обвинение формулируется не по субъективному утверждению того или иного лица, а по тем фактам, которые уже установлены.

При этом нужно подчеркнуть, что обвинением в материальноправовом смысле охватываются не все факты, подлежащие установлению по уголовному делу. Доказательства, а равно те порицаемые обществом факты, которые хотя и отрицательно характеризуют личность об-

¹ См. М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, изд-во АН СССР, 1958, стр. 100; Н. Н. Полянский, К вопросу о юридической природе обвинения перед судом («Правоведение» 1960 г. № 1, стр. 110); П. С. Элькин, Сущность советского уголовно-процессуального права, изд-во ЛГУ, 1963, стр. 61.

виняемого или облегчают осуществление им преступного намерения, однако индифферентны с точки зрения данного конкретного состава преступления, не могут быть включены в понятие обвинения. Доказательства составляют не содержание, а фактическое основание обвинения; данные из прошлого лица, привлеченного к уголовной ответственности, имеют значение лишь при индивидуализации наказания; условия и обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, важны для профилактики.

Обвинение в материальноправовом смысле есть процессуальное выражение фактических, юридических признаков и правовой квалификации того конкретного преступления, совершение которого вменяется лицу в вину. Поэтому его содержание определяется в зависимости от уголовного законодательства и состоит только из тех противоправных и общественно опасных фактов, которые учитываются законодателем при конструировании им соответствующего состава преступления в уголовноправовой норме. Если эти факты рассматриваются в качестве признаков самого состава преступления, усматриваемого в содеянном, значит они охватываются понятием обвинения в материальноправовом смысле. В остальных же случаях, когда выявленные по делу отрицательные, отрицаемые со стороны общества обстоятельства находятся за рамками состава преступления, нельзя подвести их под понятие обвинения, хотя такие факты с точки зрения общих задач уголовного судопроизводства могут иметь значение.

Обвинение в материальноправовом смысле всегда отражает единичные черты каждого отдельного преступного деяния, выражает конкретные признаки усматриваемого по делу состава преступления в том виде, в каком они установлены следствием и сформулированы в специальном процессуальном документе.

В силу этих соображений под обвинением в материальноправовом смысле следует понимать совокупность установленных по делу и вменяемых обвиняемому в вину общественно опасных и противоправных фактов, составляющих существо того конкретного состава преступления, за который это лицо несет уголовную ответственность и должно быть осуждено. Иначе говоря, в этом смысле обвинение есть своего рода модель раскрытого

органами следствия преступления, выражающая фактические и юридические признаки определенного состава преступления со ссылкой на соответствующую норму уголовного закона.

Как видим, действующему законодательству и теории известны два понятия обвинения — обвинения в процессуальном и обвинения в материальноправовом смысле. Каждое из них имеет относительно самостоятельное значение. В то же время они тесно связаны между собой, и потому важно правильно определить их соотношение.

Рассматривая этот вопрос, некоторые авторы расценивают обвинение в материальноправовом смысле как содержание обвинительной деятельности¹. При этом, однако, упускается из виду, что эта деятельность не является только формой, а имеет свое процессуальное содержание; его составляют в своем единстве те процессуальные действия и отношения, из которых она состоит.

Хотя различные смысловые значения понятия обвинения связаны между собой, они не находятся в том соотношении, какое характерно для формы и содержания. Каждое из них имеет свою форму и собственное содержание. Их соотношение должно определяться тем, что обвинение в материальноправовом смысле есть предмет обвинительной деятельности.

Между обвинением в материальноправовом и обвинением в процессуальном смысле существует неразрывная связь и по моменту их возникновения по делу. Вызывают возражения попытки обосновать возможность существования или обвинения в материальноправовом смысле задолго до начала обвинительной функции или, наоборот, обвинительной деятельности до формулирования первоначального обвинения по делу².

Всякая обвинительная деятельность неразрывно связана со своим предметом — обвинением в материально-

¹ См. Н. М. Давыдов, Ю. Г. Левин, Обвинение в советском уголовном процессе, «Ученые записки Свердловского юридического института», т. VI, 1958, стр. 101.

² См. Р. Д. Рахунов, Участники уголовно-процессуальной деятельности, Госюриздат, 1961, стр. 46—58; П. С. Элькин, Сущность советского уголовно-процессуального права, изд-во ЛГУ, 1963, стр. 55—68; М. С. Строгович, Система основных принципов советского уголовного процесса, «Ученые записки ВЮЮ», вып. VI, 1947, стр. 120.

правовом смысле. Эти категории не могут существовать в отрыве друг от друга. Обвинительная функция без формулы обвинения беспредметна, а формула обвинения без обвинительной деятельности мертва. Поэтому, с одной стороны, возникновение функции обвинения немислимо, пока по уголовному делу не сформулировано обвинение в материальноправовом смысле, пока соответствующее лицо не привлечено к уголовной ответственности в качестве обвиняемого. С другой стороны, обвинение в материальноправовом смысле формулируется, предъявляется обвиняемому лицу, обосновывается и поддерживается посредством действий и отношений, составляющих функцию обвинения.

§ 2. ВИДЫ ОБВИНЕНИЯ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Для наиболее полного уяснения смысла обвинения и правильного подхода ко многим вопросам, связанным с изменением обвинения в различных стадиях уголовного судопроизводства, необходимо иметь четкое представление о различных видах обвинения.

По тем или иным признакам может подразделяться на определенные виды как обвинение в процессуальном, так и обвинение в материальноправовом смысле.

Так, истории советского уголовного процесса известны государственное, общественное, частное, общегражданское и ведомственное обвинения, причем два последних в настоящее время не применяются, практически они встречались в первые годы Советской власти. Это деление относится к обвинению в процессуальном смысле, производится оно в зависимости от того, кем и от чьего имени поддерживается обвинение в суде.

Когда обвинение поддерживает прокурор, выступающий как представитель высшего надзора за точным исполнением законов, мы говорим о государственном обвинении. Под общественным обвинением подразумевается обвинение, которое в судебном заседании поддерживают представители общественных организаций трудящихся, выступающие от имени советской общности. Если обвинение по делу поддерживается в суде самим потерпевшим от преступления или его представителем, то речь идет о частном обвинении.

Существует и иное деление обвинения в процессуальном смысле на отдельные виды. В основу этой классификации кладется другой признак — характер уголовного правонарушения и обусловленные им отличительные моменты, особенности судопроизводства. По данному признаку обычно различают публичное, частно-публичное и частное обвинение¹.

Частное обвинение осуществляется по делам о таких преступлениях, как причинение умышленных легких телесных повреждений, побои, оскорбление личности и клевета без отягчающих обстоятельств. Эти дела, как правило, возбуждаются по жалобе потерпевшего и могут прекращаться за примирением потерпевшего с обвиняемым. По ним предварительное расследование считается необязательным, акт возбуждения дела совпадает с привлечением к уголовной ответственности и преданием суду, обвинение формулируется непосредственно по первичным материалам, приобщенным к жалобе потерпевшего.

В порядке частно-публичного обвинения преследуются две категории преступлений — изнасилование без отягчающих вину обстоятельств и нарушение авторских или изобретательских прав (ч. 1 ст. ст. 117, 141 УК РСФСР).

Главная их особенность заключается в том, что эти дела тоже возбуждаются лишь по жалобе потерпевшего. Но в отличие от частного обвинения по преступлениям, преследуемым в порядке частно-публичного обвинения, проводится предварительное следствие, все судопроизводство ведется в обычном порядке, за примирением потерпевшего с обвиняемым оно не может прекращаться, а обвинение в суде поддерживается прокурором.

Публичное обвинение имеет место по всем остальным уголовным делам, которые возбуждаются, расследуются и рассматриваются в суде независимо от жалобы потерпевшего.

¹ Отметим, что эта терминология в уголовно-процессуальном законодательстве большинства союзных республик не употребляется; она использована лишь в ст.ст. 88—89 УПК Казахской ССР. В теоретическом отношении ее тоже можно взять под сомнение. Поэтому мы пользуемся упомянутыми терминами только для условного и сокращенного обозначения определенных видов обвинения в процессуальном смысле, отнюдь не отрицая их недостатков.

Виды обвинения в процессуальном смысле, различаемые по первому из указанных признаков, могут встречаться одновременно, дополняя друг друга по одному и тому же делу. Например, государственное обвинение нередко дополняется общественным, а по законодательству некоторых союзных республик оно может сочетаться и с частным обвинением (ст.ст. 48, 102 УПК Армянской ССР, ст.ст. 27, 49 УПК УССР и др.).

Но этого нельзя сказать в отношении различных видов обвинения в процессуальном смысле, определяемых по другому признаку — в зависимости от характера правонарушения и обусловленных им особенностей судопроизводства. По поводу одного и того же преступления здесь невозможно одновременное существование публичного, частно-публичного и частного обвинений. Эти виды при определенных условиях могут переходить друг в друга, но в такой ситуации обязательно возникает вопрос об изменении обвинения в процессуальном смысле.

Обвинение в материальноправовом смысле тоже имеет свои виды. По своему содержанию оно может быть простым или сложным, причем четкое уяснение особенностей каждого из этих видов, а равно последовательное разграничение простого и сложного обвинений имеет принципиальное значение, ибо с этим связано решение ряда важных вопросов уголовного судопроизводства (изменение обвинения, отграничение его от частичного прекращения дела, определение объективных пределов законной силы приговора и т. д.).

Простое обвинение формулируется по делам, где одному обвиняемому инкриминируется совершение единого преступного деяния, состоящего из единственного противоправного акта и квалифицируемого по одной уголовноправовой норме.

Для данного вида обвинения специфичны сразу три признака: во-первых, рассматриваемое преступление образуется из одного конкретного действия или бездействия; во-вторых, оно совершено одним лицом, не имеющим такой судимости, которая позволила бы квалифицировать содеянное по правилам специальной повторности; в-третьих, вменяемое лицу преступное деяние полностью охватывается одним пунктом (частью) уголовноправовой нормы. Таковыми, скажем, являются

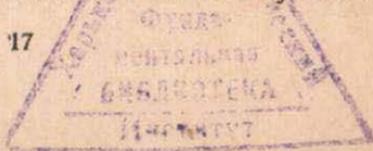
обвинения в однократной краже чужого имущества, совершенной впервые (ч. 1 ст. 144 УК РСФСР), в недонесении о совершенном разбойном нападении (ст. 190 УК РСФСР) и иные аналогичные обвинения.

385478

Сложное обвинение встречается по делам, где либо несколько преступных действий обвиняемого расцениваются как единое преступное деяние, либо в одном его действии (бездействии) усматриваются признаки одновременно двух и более статей уголовного закона, либо два самостоятельных преступных деяния обвиняемого в силу правил специальной повторности квалифицируются по одной уголовноправовой норме, либо ввиду прежней судимости лица, привлекаемого к уголовной ответственности, совершенное им деяние расценивается как повторное. Рассмотрим это подробнее.

По фактическому составу обвинение в материально-правовом смысле бывает сложным в двух случаях. Во-первых, при условии, если совершенное обвиняемым преступление состоит из ряда относительно самостоятельных противоправных и общественно опасных действий или бездействий, признаваемых *единым* преступным деянием. Это характерно для продолжаемых, составных, длящихся и собирательных преступлений. Во-вторых, по фактическому составу обвинение становится сложным в случаях, когда лицу вменяется в вину совершение двух однородных преступлений, дающих специальную повторность. Причем в первом из отмеченных случаев сложное обвинение обуславливается одним, но сложным преступлением; во втором — фактическим составом одного сложного обвинения сразу охватываются два самостоятельных преступления, подпадающих в силу правил специальной повторности под действие одной уголовноправовой нормы (например, две кражи, квалифицируемые только по ч. 2 ст. 144 УК РСФСР).

По юридическим признакам обвинение считается сложным, если в качестве одного из его признаков фигурируют прежние судимости обвиняемого. Когда лицо, недавно отбывшее наказание, допустим, за хулиганство, вновь совершает аналогичное преступление, то ввиду законной силы приговора прежнее преступное деяние само в обвинение по новому делу не входит, однако судимость за него становится одним из важных юридических признаков нового обвинения и указывает

ся наряду с признаками вновь совершенного преступления. Сходное положение имеет место и при обвинении, формулируемом в отношении особо опасного рецидивиста, поскольку здесь тоже в юридические признаки этого обвинения входит судимость обвиняемого за прежние преступления.

Наконец, сложное обвинение наблюдается при идеальной совокупности преступлений, которые совершаются одним и тем же действием, но последствия содеянного выходят за рамки одной уголовноправовой нормы и для своей квалификации требуют одновременного применения двух и более статей особенной части уголовного кодекса. В подобных случаях одним обвинением охватываются два и более состава преступлений, так как они совершены одним и тем же действием.

Однако одно сложное обвинение никогда не в состоянии объединить реальную совокупность преступлений. Представляется глубоко ошибочным утверждение, будто «иногда сложная формулировка обвинения влечет и сложную квалификацию преступления, что бывает чаще всего при так называемой *реальной совокупности преступлений*»¹.

При реальной совокупности преступлений надо говорить не о сложном обвинении, а о множестве, или о совокупности, обвинений по делу, поскольку каждое из преступлений, входящих в реальную совокупность, требует формулирования самостоятельного обвинения в материальноправовом смысле.

Если любое единичное преступление, в том числе сложное, составляет содержание одного обвинения в материальноправовом смысле, то некоторые разновидности сложного обвинения охватывают идеальную совокупность или специальную повторность преступлений. Множественность преступлений не обязательно предполагает несколько обвинений. Нельзя говорить о совокупности обвинений лишь на том основании, что к действиям обвиняемого применены две и более статей уголовного закона. Лишь реальная совокупность пре-

¹ См. Д. А. Постовой, К вопросу об элементах и структуре обвинения в советском уголовном процессе, «Научная конференция профессорско-преподавательского состава Харьковского юридического института», 1968, стр. 155.

ступлений или единое преступное деяние, совершенное несколькими лицами, способны дать множество обвинений по делу. Поэтому уголовноправовое понятие «совокупность преступлений» и процессуальное понятие «совокупность обвинений» не всегда коррелятивны.

Нельзя не заметить и нетождественность понятий «несколько обвинений» и «обвинение по нескольким статьям», употребляемых законодателем (например, ст. 315 УПК РСФСР). Первое из них включает все случаи совокупности обвинений по делу, причем независимо от того, чем эта совокупность обусловлена — реальной совокупностью преступлений или соучастием, т. е. совершением одного единого преступления несколькими лицами. Второе же должно применяться для обозначения такого обвинения, которое сложно по своим юридическим признакам и потому охватываемое им преступное деяние квалифицируется по различным статьям уголовного закона. Обвинение по нескольким статьям логически мыслимо только при идеальной совокупности преступлений или при конкуренции законов, когда одно преступное деяние ошибочно квалифицировано по двум уголовноправовым нормам (например, получение взятки само по себе, без совершения в дальнейшем других неправомερных действий, расценено как должностное злоупотребление и взяточничество с применением ст. ст. 170, 173 УК РСФСР, хотя фактически последний из этих составов преступлений полностью исчерпывает содеянное).

§ 3. СТРУКТУРА ОБВИНЕНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Важное теоретическое и практическое значение имеет анализ структуры обвинения как в процессуальном, так и в материальноправовом смысле. Успешное решение этого вопроса является необходимой предпосылкой для исследования многих сторон темы настоящей работы.

С точки зрения своей структуры **обвинение в процессуальном смысле** состоит из ряда элементов, под которыми подразумеваются наиболее важные этапы осуществления данной функции, основные моменты деятельности по изобличению обвиняемого в преступном деянии.

Обвинение, как одно из направлений уголовно-процессуальной деятельности, заключается не вообще в раскрытии преступления, охватывает не все действия по изобличению совершивших его лиц, а имеет более узкое содержание — изобличение уже привлеченного в качестве обвиняемого лица в инкриминируемом ему преступлении, обоснование его уголовной ответственности.

Первоначальным этапом этой деятельности являются *формулирование обвинения по делу и привлечение лица, изобличаемого в совершении преступления, к уголовной ответственности в качестве обвиняемого*. По всем делам, по которым производится предварительное расследование, эти действия выражены предельно четко, и предпринимаются они следователем (если по делу проводится только дознание, то дознавателем). С этого момента процесса лицо, изобличаемое в совершении преступления, становится обвиняемым (ст. 46 УПК РСФСР).

Затем в сроки, указанные в ст. 148 УПК РСФСР, обвиняемому официально *предъявляется сформулированное по делу обвинение, и он допрашивается в качестве обвиняемого*. Эти действия, составляющие второй элемент обвинительной функции, тоже совершаются лицом, производящим предварительное расследование по делу.

В ходе дальнейшего следствия нередко устанавливаются новые преступные действия обвиняемого или выявляются ранее неизвестные отягчающие вину обстоятельства. В связи с этим следователь *дополняет ранее предъявленное обвинение или изменяет его на более тяжкое* (ст. 154 УПК РСФСР), т. е. совершает действия, которые носят, безусловно, обвинительный характер.

Следующий этап — *составление обвинительного заключения*, в котором подробно излагается сущность обвинения, приводятся доказательства, подтверждающие совершение обвиняемым инкриминируемого преступления, указываются отягчающие вину обстоятельства (ст. 205 УПК РСФСР).

Все эти элементы обвинения в процессуальном смысле слова характерны для деятельности органа предварительного расследования, составляют одно из важных ее направлений. Они никоим образом не могут сказаться отрицательно на объективности, полноте и всесторонности следствия или дознания по делу, поскольку вся конструкция предварительного расследования в советском

уголовном процессе построена с учетом отмеченных факторов¹.

Далее дело с обвинительным заключением поступает прокурору, который при наличии к тому законных оснований *утверждает обвинительное заключение* с соответствующими изменениями или без таковых. Тем самым прокурор официально соглашается с предъявленным обвиняемому обвинением, констатирует его законность и обоснованность, выражает свою готовность изобличать обвиняемого перед судом и добиваться публичного его осуждения.

В случае необходимости прокурор *обосновывает обвинение в распорядительном заседании суда, высказываясь за предание обвиняемого суду* (ст. 225 УПК РСФСР). Если суд без достаточных оснований не соглашается с таким мнением, прокурор приносит протест на определение распорядительного заседания, добиваясь предания обвиняемого суду.

Наконец, *в стадии судебного разбирательства прокурор поддерживает государственное обвинение*, строго руководствуясь при этом требованиями закона и своим внутренним убеждением, основанным на судебном рассмотрении всех обстоятельств дела в совокупности (ст. 248 УПК РСФСР).

Каждый из перечисленных этапов осуществления обвинения в процессуальном смысле имеет специфические формы и методы. На некоторых из названных этапов в обвинительной деятельности принимают участие потерпевший и общественный обвинитель. Но так или иначе основное направление этих конкретных действий остается вполне определенным — изобличение обвиняемого в инкриминируемом ему преступлении, обоснование его

¹ Некоторые процессуалисты отрицают элементы обвинения в деятельности органов предварительного расследования (см. Р. Д. Рахунов, Участники уголовно-процессуальной деятельности, Госюриздат, 1961, стр. 127—128; П. С. Элькин, Сущность советского уголовно-процессуального права, изд-во ЛГУ, 1963, стр. 55—68 и др.). Однако в действительности указанные выше действия следователя по своему существу и назначению не могут не расцениваться как участие в осуществлении обвинения. Являясь частью многогранной деятельности органа предварительного расследования, они характеризуются теми признаками, которые присущи обвинению как одному из направлений этой деятельности.

уголовной ответственности в целях достижения публичного его осуждения со всеми вытекающими отсюда последствиями. Поэтому такие действия, составляя отдельные элементы обвинения в процессуальном смысле, в своем единстве характеризуют его в целом, образуют его примерную структуру.

Структура обвинения в материальноправовом смысле определяется его отдельными составными частями, под которыми следует подразумевать такие его наиболее важные элементы, которые могут быть логически обособлены друг от друга, характеризуются относительной целостностью и имеют определенное самостоятельное значение.

Изучение, обобщение и логическое осмысливание конкретных уголовных дел позволяет путем научной абстракции выделить три составные части всякого обвинения в материальноправовом смысле — фабулу обвинения, его юридическую формулировку и правовую квалификацию.

В законе наряду с понятием обвинения иногда встречается термин «формулировка обвинения» (например, ст. 205 УПК РСФСР). Так законодатель обозначает обвинение в целом, а не какую-либо отдельную часть его. Понимаемую таким образом «формулировку обвинения» нельзя отождествлять ни с его фабулой, ни с юридической формулировкой, ни тем более с правовой квалификацией.

Фабула обвинения — это реальное содержание инкриминируемого обвиняемому деяния, те установленные по делу факты, в которых усматриваются признаки соответствующего состава преступления. Она всегда строго индивидуальна, никогда в точности не повторяема. Поэтому невозможно определить раз и навсегда все возможные конкретные проявления фабулы обвинения в материальноправовом смысле.

В то же время фабула обвинения, имея строго ограниченные рамки, включает в себя далеко не все фактические обстоятельства дела и не весь тот фактический материал, который приводится в соответствующих процессуальных документах (постановление о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительное заключение и др.). Ею объединяются лишь те установленные по делу факты, из которых состоит непосредственно сам состав

преступления, усматриваемый в действиях или бездействии обвиняемого. Все остальные обстоятельства и фактические данные, входящие в доказывание по уголовному делу, находятся за пределами фабулы конкретного обвинения в материальноправовом смысле. Этим ничуть не умаляется значение таких фактов и обстоятельств, а лишь проводится объективно существующая грань между ними и содержанием каждого конкретного обвинения по уголовному делу.

При определении фабулы обвинения мы всегда отправляемся от тех правовых признаков, которые присущи типичному понятию всякого вида преступления — умышленного убийства, грабежа, хулиганства, спекуляции и т. д. Эти признаки в своей совокупности образуют вторую составную часть обвинения в материальноправовом смысле — его *юридическую формулировку*.

Бесспорно, что фактические и правовые признаки преступного деяния тесно переплетаются между собой и всякое противопоставление их друг другу недопустимо. Внутренняя правовая сущность фактов в уголовном процессе устанавливается по их юридическим признакам. Правильное познание фактических обстоятельств дела невозможно без выявления их общественно-политической сущности, их юридических свойств и признаков. Однако при всем этом нельзя не согласиться с тем, что «имевший место в действительности факт и его правовая значимость — разные стороны явления»¹. Соответственно тому и юридическая формулировка обвинения полностью не сливается с его фактической фабулой, может в какой-то мере обособляться от нее и рассматриваться как одна из составных частей обвинения в материальноправовом смысле:

Законодательство, очерчивая контуры каждого отдельного состава преступления, выделяет специфические только для него правовые признаки (основные и факультативные). Ориентируясь на них, органы следствия и суд из установленных ими по делу общественно опасных фактов извлекают соответствующие правовые призна-

¹ А. С. Шляпчиков, К вопросу об объективной истине в советском уголовном праве и процессе, «Ученые записки ВЮОН», вып. 12, 1961, стр. 55.

ки, присущие данному конкретному преступлению. Такие признаки содержатся в фактах реальной действительности и при условии своей истинности носят объективный характер. Из них складывается своего рода юридическая модель содеянного, которая в составе обвинения и занимает место его юридической формулировки.

Юридическая формулировка обвинения в отличие от его фабулы для данного состава преступления едина. Фактические признаки мошенничества, должностного злоупотребления, спекуляции или любого другого преступного деяния разнообразны, а правовые признаки каждого из них при всех условиях одни и те же, пока не изменен закон. Таким образом, по различным делам, по которым лица привлекаются в качестве обвиняемых за один и тот же вид преступления, юридическая формулировка обвинений может быть идентичной.

В то же время никогда полностью не совпадают правовые признаки разных составов преступлений. Последние отличаются друг от друга либо по всем признакам (спекуляция и изнасилование), либо по нескольким (бандитизм и разбой), либо даже по одному (кража и грабеж). Но такое различие между ними непременно существует. Поэтому можно считать, что если фактическая фабула каждого обвинения отграничивает его от всякого другого, то по своей юридической формулировке обвинение индивидуализируется лишь по составам преступления. В то время как обвинения, к примеру, в неосторожном убийстве и мошенничестве различны и по фактическим и по юридическим признакам, два обвинения в неосторожном убийстве не сходны только по своей фабуле.

В отдельных случаях юридическая формулировка обвинения может оказаться шире его фактической фабулы. Если, допустим, лицо привлекается к уголовной ответственности хотя и за одно преступное действие, но последнее из-за прежних непогашенных и не снятых судимостей данного лица квалифицируется по признаку повторности или особо опасного рецидива, то юридическая формулировка обвинения окажется такой же, как и при привлечении в качестве обвиняемого сразу за два и более однородных преступлений. В подобной ситуации одним из признаков юридической формулировки последнего обвинения становится прежняя судимость, т. е. признак,

вытекающий из обвинительного приговора по другому делу. Хотя фактическая фабула такого обвинения все равно состоит лишь из одного, вновь совершенного преступного деяния, однако его юридическая формулировка включает признак, выходящий за пределы этого деяния, и гласит: «совершил повторно», словно обвиняемому ставится в вину одновременное совершение двух и более преступлений.

Установление фактов, составляющих фабулу обвинения, и выявление их юридических признаков создают необходимые предпосылки для следующей составной части обвинения — *правовой квалификации*.

Конечно, практически правовая квалификация не существует обособленно от исследования фактов и их признаков. В широком смысле квалификация — это одновременно и определенный процесс, во время которого тщательно анализируются и сопоставляются конкретные обстоятельства дела и признаки уголовноправовой нормы, уточняются фактические и юридические признаки содеянного. Но когда речь идет о правовой квалификации как о части обвинения, имеется в виду не сама эта деятельность, а ее результат — официальное признание и закрепление в соответствующем процессуальном документе, что инкриминируемое обвиняемому деяние с такой-то юридической формулировкой подпадает под такую-то уголовноправовую норму.

Если фабула обвинения является фактической, а юридическая формулировка — правовой моделью раскрытого по делу преступления, то правовая квалификация есть подведение его под ту или иную статью (часть, пункт) особенной части уголовного кодекса. Она обозначается точным указанием соответствующей статьи уголовного закона, ее части и пункта, а также наименования самого закона или подзаконного акта, если они еще не кодифицированы. Эта часть обвинения должна вытекать из его фабулы и юридической формулировки, правильно отражать их существо. С этой точки зрения предыдущие части обвинения обосновывают правовую квалификацию, ибо они раскрывают все те факты и признаки, по которым можно судить о ее обоснованности и законности.

Таковы составные части обвинения в материально-правовом смысле. Повторяем, они тесно переплетаются

между собой, и проводить между ними непроходимую грань нельзя, тем более что в реальной действительности вообще трудно найти резкие пограничные линии между различными явлениями, так как часто они связаны между собой неуловимыми оттенками, незаметно переходят друг в друга. Установление органами следствия и суда имевших место в прошлом фактов и событий, их общественно-правовая оценка, выявление объективно присущих им признаков и юридическая квалификация в конечном счете представляют собой единый процесс с общими выводами, и всякое их расчленение носит в какой-то степени условный характер.

Тем не менее четкое разграничение различных частей (элементов) обвинения имеет как познавательное, так и практическое значение. Это важно для правильного формулирования обвинения по делу, для полного отражения его в соответствующих процессуальных документах, для решения тех или иных вариантов изменения обвинения в различных стадиях уголовного судопроизводства и многих других процессуальных вопросов.

Не следует упускать из виду и то, что различные части обвинения в материально-правовом смысле неодинаковы также по степени своей устойчивости. Если однажды обозначенная фабула обвинения, соответствующая объективной действительности, может выдержать все испытания временем, то относительно юридической формулировки и правовой квалификации безоговорочно сказать об этом невозможно: они более подвижны, с изменением законодательства или обстановки могут пересматриваться.

**ФОРМУЛИРОВАНИЕ И ОБЩИЕ ВОПРОСЫ
ИЗМЕНЕНИЯ ОБВИНЕНИЯ
В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

**§ 1. ФОРМУЛИРОВАНИЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО
ОБВИНЕНИЯ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

В советском уголовном процессе первоначальное обвинение формулируется и предъявляется в стадии предварительного расследования. Лишь по таким несложным преступлениям, как побои, нанесение легких телесных повреждений, оскорбление, клевета без квалифицирующих признаков и простое хулиганство (ст. ст. 112, 130, ч. I ст. 131, ч. I ст. 206 УК РСФСР), оно формулируется непосредственно в суде, поскольку эти дела возбуждаются судьей и по ним предварительное расследование не производится.

Формулируется обвинение в постановлении о привлечении лица к уголовной ответственности в качестве обвиняемого. Эта деятельность считается прерогативой того органа следствия (дознания), который принял данное дело к своему производству в соответствии с существующими правилами подследственности. Если дело расследуется бригадным способом, первоначальное обвинение формулируется тем следователем, в чьем производстве находится дело.

Прокурор непосредственно сам формулирует и предъявляет обвинение только при условии, если он ведет расследование по делу.

В остальных случаях он может давать следователю или органу дознания свои письменные указания по поводу формулировки обвинения, которые в установленных

законом пределах учитываются ими при привлечении лица к уголовной ответственности в качестве обвиняемого (ст. ст. 120, 127 УПК РСФСР).

Для формулирования обвинения необходимо, чтобы были известны все те факты, из которых складывается соответствующий состав преступления. Сюда при всех условиях относятся противоправное и общественно опасное деяние, совершение его определенным лицом и уголовная вина последнего. Кроме того, важно установить время, место, способ, мотив и цель преступного действия (бездействия), вредные последствия, предмет посягательства и отягчающие вину обстоятельства, если они либо предопределяют преступность и наказуемость содеянного, либо влияют на его квалификацию, т.е. лежат в рамках конструктивных признаков состава преступления.

Пока не собраны доказательства об указанных фактах, формулирование обвинения и привлечение лица к уголовной ответственности в качестве обвиняемого были бы преждевременными. Вряд ли можно согласиться с мнением, что некоторые из упомянутых фактов, в частности квалифицирующие признаки преступного деяния, могут устанавливаться после предъявления обвинения¹. Такой подход можно еще как-то оправдать по тем делам, при расследовании которых сами сведения об этих обстоятельствах появляются позднее. Но когда подобные сведения уже имеются, без исследования их нельзя решить вопрос об основании уголовной ответственности. Так, если есть данные о совершении убийства из корыстных побуждений, кражи с применением технических средств, грабежа особо опасным рецидивистом и т.п., то до тщательной проверки этих данных невозможно правильно сформулировать первоначальное обвинение по делу, поскольку в таких случаях эти факты являются неотъемлемой частью обвинения.

При формулировании обвинения факты, входящие в конструктивные признаки данного конкретного состава преступления, должны быть достоверными. Следует возразить тем процессуалистам, которые считают, что привлечение к уголовной ответственности в качестве обви-

¹ См. «Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР» под ред. В. А. Болдырева, Госюриздат, 1963, стр. 294.

няемого и предъявление обвинения вполне возможны по вероятным фактам¹.

В советском уголовном процессе формулирование обвинения и предъявление его обвиняемому по приблизительным знаниям или по субъективной вере совершенно недопустимы. Разбираясь в собранных по делу доказательствах, объективно и всесторонне оценивая их, следователь должен твердо убедиться в том, что факты, образующие основание уголовной ответственности и содержание формулируемого им обвинения, установлены в соответствии с действительностью, что принимаемое по ним решение единственно правильное, законное и обоснованное. Только при этом условии он вправе формулировать по делу обвинение и привлечь лицо к уголовной ответственности в качестве обвиняемого. Предъявление обвинения при наличии сомнений в совершении лицом преступления или при неполном доказательственном материале относительно существа состава преступления не может обеспечить надлежащим образом интересы социалистической законности, не ограждает советских граждан от возможности необоснованных обвинений и не преграждает (путь иным нарушениям закона.

Обвинение с самого начала должно формулироваться предельно четко, чтобы обвиняемый, ознакомившись с ним, ясно представлял фактические и юридические признаки, а равно правовую квалификацию инкриминируемого ему преступления. Оно прежде всего должно быть полным и достаточным.

Применительно к фактической фабуле обвинения требование полноты означает, что оно должно включать все

¹ См. М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, изд-во АН СССР, 1958, стр. 300; Н. Н. Полянский, Очерки развития советской науки уголовного процесса, изд-во АН СССР, 1960, стр. 133; Р. Д. Рахунов, Участники уголовно-процессуальной деятельности, Госюриздат, 1961, стр. 194; В. А. Стремовский, Предварительное расследование в советском уголовном процессе, Госюриздат, 1958, стр. 316; Его же, Участники предварительного следствия, изд-во Ростовского университета, 1966, стр. 133; З. М. Онищук, Следователь в советском уголовном процессе, автореферат дисс., Харьков, 1964, стр. 13—14; Л. Г. Крупаткин, Оценка доказательств в стадии предварительного расследования в советском уголовном процессе, «Ученые записки Харьковского юридического института», вып. 9, 1957, стр. 75 и т. д.

те установленные по делу факты, которые для данного состава преступления имеют непосредственное уголовно-правовое значение. Если деяние складывается из нескольких преступных действий (эпизодов), то они указываются все. Когда для состава преступления важны мотив и цель содеянного или данные, характеризующие прошлое привлекаемого к уголовной ответственности, они также обязательно описываются в соответствующей части обвинения. Например, Ф., имея судимость за разбойное нападение, вновь совершил преступление — убил двух женщин с целью завладения их имуществом. В обвинении по этому делу четко указываются оба действия виновного, корыстное побуждение и факт прежней судимости, поскольку они влияют на квалификацию и на признание обвиняемого особо опасным рецидивистом.

Так же следует поступать в отношении места, времени, способа преступного деяния и его вредных последствий. Их надо обязательно отразить в формулировке обвинения, если это необходимо для определения существа инкриминируемого обвиняемому состава преступления. В таких случаях обвинение не может формулироваться, пока точно не установлены время, место, способ совершения деяния и его вредные последствия.

Соответственно этому в подобных случаях всякие «уточнения» мотива, цели, способа, места и времени совершения преступления, а равно характера и объема его вредных последствий означают изменение первоначального обвинения, тогда как по остальным делам, где подобные обстоятельства лежат за пределами конструктивных признаков состава преступления, такие уточнения могут вовсе не сказаться на существе предъявленного обвинения.

В то же время не всегда обязательна фотографическая точность в описании всех фактов, охватываемых обвинением. Для полноты достаточно, если охвачены все существенные моменты (признаки) преступных действий (бездействия). Так, в обвинении по делу о циничном хулиганстве нет надобности в деталях излагать каждое действие виновного, приводить полностью все его выражения и циничные действия, а достаточно указать основные моменты, характер и существо их.

Если лицо привлекается в качестве обвиняемого за спекуляцию в виде промысла, занятие запрещенным про-

мыслом или другое собирательное преступление, то также необязательно перечислять в фабуле обвинения все многочисленные противоправные действия, которые совершались обвиняемым на протяжении длительного периода времени.

Аналогичное положение возможно даже при некоторых продолжаемых преступлениях. Если, например, органы следствия установили, что обвиняемый, работая в должности заведующего складом, в течение двух лет систематически занимался хищением вверенных ему материальных ценностей, доказали десятки конкретных эпизодов хищения и общий объем причиненного материального ущерба, то необязательно перечислять в обвинении все без исключения факты, из которых складывается данное хищение в целом. Достаточно, если приводятся такие несомненные факты, которые убедительно подтверждают, что хищение было систематическим, продолжалось в течение двух лет, материальный ущерб является результатом только хищения¹.

Следовательно, по таким делам ссылка в дальнейшем на какой-либо отдельный противоправный факт, который хотя в первоначальном обвинении прямо и не фигурировал, но в нем, безусловно, подразумевался, не может рассматриваться в качестве изменения обвинения.

Применительно ко второму элементу обвинения полнота предполагает отражение в нем всех наиболее существенных юридических признаков, которые характеризуют преступные свойства данного деяния и отличают его от остальных составов преступлений. В той мере, в какой это требуется для правильного уяснения существа содеянного, в формулировке обвинения должны применяться и узкоюридические термины, ибо иначе порою невозможно показать правовые признаки инкриминируемого обвиняемому деяния. Если, например, действия

¹ Сказанное не имеет ничего общего с теми, встречающимися на практике отдельными случаями, когда органы предварительного расследования предъявляют человеку обвинение в хищении в крупных размерах на основании двух-трех незначительных фактов, установленных по делу. Эти случаи ничем оправданы быть не могут, они связаны с нарушением требования полноты, всесторонности и объективности следствия по делу, создают возможность необоснованного привлечения граждан к уголовной ответственности и должны быть искоренены из нашей следственной практики.

изобличаемого лица подпадают под ст. 104 УК РСФСР, то нельзя не указать, что хотя убийство и является умышленным, однако совершено в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного тяжким оскорблением со стороны потерпевшего. При действиях, квалифицируемых по ст. 109 УК РСФСР, надо указать в обвинении, что умышленное телесное повреждение, причиненное потерпевшему, не опасно для жизни, относится к категории менее тяжких и т. д.

Важность описания в обвинении четких юридических признаков деяния особенно очевидна при смежных составах преступления, когда встречаются затруднения в их разграничении. По делу, где, к примеру, содеянное квалифицируется по ст. 145 УК РСФСР, должно быть ясно видно, почему обвинение предъявляется именно в грабеже, а не в краже или разбойном нападении, а это можно делать лишь путем прямого указания, что обвиняемый завладел чужим имуществом открыто, не предпринимая мер остаться незамеченным, и примененное им насилие не представляло опасности для жизни и здоровья потерпевшего.

То же самое можно сказать относительно дел, где обвинение формулируется по уголовноправовой норме, которая предусматривает несколько возможных вариантов данного состава преступления, совершаемых различными действиями, способами, намерениями, с разными последствиями и т. д. Например, ст. 110 УК РСФСР объединяет умышленное тяжкое и менее тяжкое телесные повреждения, причиненные в состоянии сильного душевного волнения; ст. 92 УК РСФСР охватывает три формы хищения — присвоение, растрату и завладение государственным или общественным имуществом путем злоупотребления служебным положением. В подобных случаях без максимальной конкретизации в обвинении юридических признаков совершенного преступления невозможно формулировать его так, чтобы обвиняемому и другим участникам процесса было предельно ясно его существо.

Полнота правовой квалификации выражается во включении в обвинение всех тех статей уголовного закона (их частей, пунктов), по которым должно квалифицироваться расследуемое преступление. Практически требование полноты квалификации важно при условии, если в содеянном имеются признаки нескольких пунктов соответ-

ствующей уголовноправовой нормы (например, пп. «а», «б», «в» ст. 146 УК РСФСР) или идеальной совокупности преступлений. В таких случаях обвинение признается неполным и подлежит изменению, если в нем не указаны те или иные статьи закона (их пункты), подлежащие применению.

При формулировании любого обвинения необходима его индивидуализация. Когда по делу к уголовной ответственности привлекаются несколько лиц, в отношении каждого из них обвинение формулируется отдельно, в особом постановлении, с максимальной конкретизацией роли и степени вины каждого соучастника преступления. Если одним лицом совершено несколько самостоятельных преступных деяний, содержащих реальную совокупность, по делу формулируется ряд обвинений, предъявляемых одному обвиняемому. Каждое из таких обвинений носит самостоятельный характер, изменение или отпадение одного из них при одних условиях может повлиять на остальные, при других — не влияет. Хотя в этих случаях все обвинения, подлежащие предъявлению обвиняемому, излагаются в одном постановлении, тем не менее они должны быть четко отграничены друг от друга, поскольку каждое из них выражает собой отдельное преступление.

В уголовно-процессуальном законодательстве специально подчеркивается, что «если обвиняемому вменяется совершение нескольких преступлений, подпадающих под действие разных статей уголовного закона, в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого должно быть указано, какие конкретно действия вменяются обвиняемому по каждой из статей уголовного закона» (ст. 144 УПК РСФСР).

Это, однако, органами предварительного расследования иногда не учитывается. В некоторых постановлениях о привлечении в качестве обвиняемого сначала без какого-либо разграничения описываются все совершенные лицом преступные деяния, а затем в резолютивной части этих документов подряд перечисляются уголовноправовые нормы, по которым квалифицируются деяния. Формулируются, например, обвинения в хищении, злоупотреблении служебным положением, должностной халатности и получении взятки, но нигде не конкретизируется, какие именно действия (факты) подпадают под каждую

из ст. ст. 92, 170, 172, 173 УК РСФСР. Между тем такая практика ведет к осложнению осуществления права на защиту и создает дополнительные трудности в решении вопросов, связанных с изменением обвинения в различных стадиях процесса. К тому же в ряде случаев она способствует тому, что следователь, детально не анализируя признаков каждого из установленных по делу противоправных фактов, допускает ошибку в применении уголовного закона, прибегает к квалификации «с запасом».

Следует признать совершенно необходимым, чтобы при реальной совокупности преступлений обвинения всегда формулировались отдельно, чтобы органы предварительного расследования еще в описательной части постановления, последовательно излагая фактические и юридические признаки каждого преступного деяния отдельно, тут же указывали и его правовую квалификацию и не ограничивались перечислением соответствующих статей уголовного закона в резолютивной части постановления. Это в большей мере обеспечивает законность и обоснованность обвинения, усиливает гарантии прав обвиняемого в уголовном судопроизводстве.

Важное значение имеет и вопрос о мотивировке первоначального обвинения. Закон требует, чтобы постановление о привлечении к уголовной ответственности, где формулируется первоначальное обвинение по делу, было мотивированным (ст. 143 УПК РСФСР). Тем не менее в следственной практике не без влияния неоправданных рекомендаций некоторых ученых, выступающих против требования ссылаться на необходимые доказательства при формулировании обвинения¹, многие постановления органов следствия и дознания совершенно не мотивируются, выглядят голословными. Как бы сложно и серьезно ни было обвинение и на каких бы косвенных доказательствах, требующих специального анализа

¹ См. Н. Я. Калашникова, Обеспечение обвиняемому права на защиту, «Ученые записки ВЮЗИ», вып. VI, 1958, стр. 154—156; Л. М. Карнеева, Привлечение в качестве обвиняемого, Госюриздат, 1962, стр. 57—58; М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, Госюриздат, 1962, стр. 308; «Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР» под ред. В. А. Болдырева, Госюриздат, 1963, стр. 294—296 и т. д.

и сопоставления, оно ни строилось, формулировка «достаточно изобличается» нередко составляет «всю мотивировку» таких постановлений. Между тем речь идет не просто о технике оформления процессуального документа (хотя это тоже важно), а об усилении гарантий законности и обоснованности первоначального обвинения по уголовным делам, об одном из действенных средств искоренения из следственной практики тех ненормальных явлений, когда за общей фразой «достаточно изобличается» скрывается недоказанность предъявляемого обвинения. Мотивированность усиливает обоснованность предъявляемого обвинения, сообщает ему внутреннюю и внешнюю убедительность, облегчает обвиняемому осуществление права на защиту. Она должна рассматриваться как один из реальных путей дальнейшего повышения качества работы органов предварительного расследования, предотвращения в их деятельности возможных ошибок.

Следователь волен в выборе доказательств, на которые целесообразно сослаться при мотивировке обвинения по делу. Однако он по каждому делу должен мотивировать формулируемое им обвинение с указанием лежащих в его основе фактических данных и доводов, в то же время не подменяя этими данными и их источниками существа самого обвинения. Это — не только право, но и обязанность органа следствия и дознания, вытекающая из закона и имеющая принципиальное значение.

§ 2. ФАКТОРЫ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЕ ВОЗМОЖНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ОБВИНЕНИЯ

Хотя первоначальное обвинение по уголовному делу формулируется по доказанным фактам, тем не менее законодатель исходит из принципа допустимости его изменения. В ходе дальнейшего расследования дела или в других стадиях судопроизводства иногда возникает необходимость внесения в обвинение тех или иных коррективов, восполнения имеющихся в нем пробелов или устранения допущенных при его формулировании ошибок. В таких случаях вполне возможны определенные изменения предъявленного лицу обвинения, производимые в

соответствии с законом и в интересах объективной истины по делу.

Изучение следственной, прокурорской и судебной практики позволяет выявить те факторы, в силу которых по различным делам приходится решать вопрос об изменении обвинения. Научный анализ этих факторов имеет не только познавательное, но и практическое значение.

Факторы, обуславливающие необходимость изменения обвинения в тех или иных стадиях уголовного процесса, весьма разнообразны. Одни из них носят преимущественно **объективный характер**, поскольку они не могут охватываться сознанием соответствующего должностного лица в момент формулирования им первоначального обвинения, зависят не только от его воли и внимания. Сюда могут быть отнесены следующие обстоятельства.

Прежде всего в ходе дальнейшего следствия иногда выявляются такие факты, которые хотя и являются частью инкриминируемого обвиняемому сложного преступления, однако были неизвестны следователю при формулировании по делу обвинения.

Сундуков был привлечен к уголовной ответственности в качестве обвиняемого по ч. 2 ст. 92 УК РСФСР за то, что он, работая счетоводом-кассиром колхоза, присвоил 2567 руб. кооперативных средств, полученных в разное время из госбанка по трем чекам. В момент предъявления обвинения никаких данных о других фактах хищения не было, хотя по делу проводилась тщательная документальная ревизия. Однако позднее поступили дополнительные сведения о том, что Сундуков путем подделки подписей двух колхозников в расчетных ведомостях присвоил еще 168 руб. колхозных средств. Следствием эти данные подтвердились, в связи с этим возникла необходимость изменить первоначальное обвинение по делу.

Следственной и судебной практике известны случаи, когда после предъявления тому или иному лицу обвинения обнаруживается другое самостоятельное, но однородное преступное деяние обвиняемого, которое либо раньше не было известно следователю, либо совершено во время расследования или судебного рассмотрения данного дела.

Ляпунов был привлечен к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 146 УК РСФСР за разбойное нападение, имевшее место в марте 1968 года; а через некоторое время

следователь получил сообщение о том, что в соседнем областном городе есть приостановленное производством дело по факту другого разбойного нападения, совершенного Ляпуновым в декабре 1967 года.

В ходе расследования уголовного дела, по которому Сизову предъявлялось обвинение в краже по ч. 1 ст. 144 УК РСФСР, он совершил повторную кражу. В подобной ситуации, безусловно, встает вопрос об изменении первоначального обвинения — о расширении его фактуры за счет вновь выявленного факта и соответствующей пере-квалификации содеянного.

При определенных условиях необходимость внесения тех или иных коррективов в обвинение может быть вызвана изменением действующего законодательства или практики его применения.

По делам частного обвинения, возбужденным в суде по жалобе потерпевшего, изменение характера обвинения в процессуальном смысле может быть связано с вступлением в дело прокурора. Согласно ст. 27 УПК РСФСР прокурор «вправе в любой момент вступить в возбужденное судьей по жалобе потерпевшего дело о преступлениях, предусмотренных ст. 112, ч. 1 ст. 130 и ст. 131 Уголовного кодекса РСФСР, и поддерживать обвинение в суде, если этого требует охрана государственных или общественных интересов или прав граждан». Хотя вступление в дело прокурора не лишает потерпевшего предусмотренных в законе прав, тем не менее обвинение меняет свои процессуальные свойства, приобретая публичный характер.

В качестве одного из объективных факторов, оказывающих влияние на точность обвинения по уголовным делам, следует признать определенные трудности в квалификации ряда преступных деяний, особенно при различных формах конкуренции закона. В уголовно-правовой литературе пока не выработаны в должной мере единые принципы квалификации некоторых разновидностей совокупности преступлений, а равно общественно опасных деяний, подпадающих под конкуренцию нескольких статей Особенной части Уголовного кодекса. В отношении некоторых из таких деяний (например, мошенничество, совершенное должностным лицом) можно встретиться с разным подходом также в следственной и судебной практике. Вследствие этого

иногда органы предварительного расследования при формулировании обвинения по делу сталкиваются с трудностями, которые выходят за пределы их объективных возможностей.

Было бы неправильно отрицать объективный характер и тех сложностей, которые наблюдаются при применении отдельных уголовноправовых норм, определяющих те или иные признаки соответствующих составов преступлений при помощи оценочных категорий. Такие указания закона, как «состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения», «тяжкое оскорбление со стороны потерпевшего», «материальная или иная зависимость от виновного», «жестокое обращение с потерпевшим» (ст. ст. 104, 105, 108 УК РСФСР) и т. п., применительно к конкретным фактическим обстоятельствам некоторых уголовных дел могут пониматься различными лицами не всегда одинаково: то, что следователь по своему внутреннему убеждению считал состоянием сильного душевного волнения, жестоким обращением, тяжким оскорблением и т. д., иногда судьями может оцениваться иначе.

Как свидетельствует обобщение практики, различные изменения первоначального обвинения, обусловленные подобными объективными факторами, имеют значительный удельный вес. Специальные подсчеты, произведенные нами при изучении нескольких сот уголовных дел с измененным обвинением, подтвердили, что около 23% этих изменений связано именно с указанными объективными факторами.

Но все же большинство изменений обвинения в тех или иных стадиях уголовного судопроизводства происходит в силу других причин, за которыми кроются определенные упущения органов следствия, дознания, прокуратуры и суда при расследовании или судебном рассмотрении дел. Здесь, естественно, речь идет уже о **субъективных факторах**, зависящих главным образом от самих следственных, прокурорских и судебных работников.

Эти субъективные факторы тоже разнообразны. К ним в первую очередь относятся недостаточная полнота и односторонность проводимого по делу следствия. Из практики можно привести далеко не единичные примеры, когда весьма поверхностно исследуются сами

противоправные действия (бездействия) обвиняемого, мотив и цель совершения этих действий, конкретные формы вины и некоторые другие важные обстоятельства, необходимые для правильного формулирования обвинения. Например, человек привлекается к уголовной ответственности в связи с выявлением у него крупной недостачи товарно-материальных ценностей, ему предъявляется обвинение в систематическом хищении на всю сумму недостачи, а подлинные ее причины устанавливаются лишь частично; предъявляется обвинение в убийстве, а мотив совершения преступления остается неизвестным и т. д. В результате сформулированное по делу обвинение оказывается неточным и подвергается различным изменениям в ходе дальнейшего расследования и судебного рассмотрения дела.

Иногда те или иные ошибки в обвинении объясняются неумелой оценкой отдельных фактов, входящих в его фабулу, с точки зрения их доказанности.

Так, Шалину предъявлялось обвинение в истязании жены (см. 113 УК РСФСР) с вменением в вину пяти конкретных эпизодов нанесения побоев, а впоследствии было признано, что три из них достоверно не установлены, включены в обвинение лишь на основании противоречивых показаний потерпевшей.

В таких случаях органами предварительного расследования недостоверное принимается за истинное или наоборот, а результат тот же — неправильная формулировка обвинения, нуждающаяся в соответствующем изменении в ходе дальнейшего движения дела.

Нередко вопрос об изменении первоначального обвинения возникает из-за недостатков в правовой оценке установленных по делу фактов, ввиду поверхностного анализа содержащихся в них юридических признаков.

Кузину было предъявлено обвинение по ч. 2 ст. 90 УК РСФСР в том, что он в течение одного дня трижды открыто увозил домой бревна, принадлежащие домостроительному комбинату. Примерно в 10 час. утра он на своей моторной лодке подъехал к плотам комбината, в присутствии рабочих вытащил четыре бревна, привязал их к лодке и угнал. Через несколько часов снова вернулся и увез еще пять бревен, не считаясь с

предупреждениями рабочих комбината. Спустя три часа после этого Кузин в третий раз подъехал к тем же плотам, привязал к своей лодке шесть бревен, отчалил от берега, однако вскоре был задержан охранниками.

Все эти действия обвиняемого не вызывали сомнения, они подтверждались бесспорными доказательствами. Признав их установленными в том же виде, суд тем не менее не согласился с их правовой оценкой, указав следующее: «Кузин в течение нескольких часов трижды похищал принадлежащие комбинату бревна березовой породы, но все эти хищения совершались из одного источника, одинаковыми методами и при одних и тех же обстоятельствах. Материалами дела устанавливается, что у подсудимого был общий преступный замысел, реализованный в несколько приемов из-за невозможности увезти сразу весь тот лесоматериал, кража которого входила в намерение Кузина. При таких обстоятельствах действия виновного неправильно расценены как повторное преступление и ошибочно квалифицированы по ч. 2 ст. 90 УК РСФСР. Эти действия образуют одно продолжаемое преступное деяние и подпадают под ч. 1 ст. 90 УК РСФСР». Таким образом, уточнение юридических признаков содеянного повлекло за собой изменение обвинения, сформулированного органами предварительного следствия.

В качестве одного из факторов, обуславливающих изменение обвинения, в отдельных случаях выступает просто недостаточное знание уголовного закона.

Сизов был привлечен к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 92, ч. 1 ст. 156 УК РСФСР. Ему вменялось в вину то, что он, являясь заведующим складом сельпо, 19 мая 1968 г. при отпуске в магазин сливочного масла обманным путем в накладной завысил его цену на 112 руб. и за счет этого списал с себя другие товары, взятые бесплатно для себя.

Все эти действия обвиняемого подтверждались полностью, их правовые признаки были ясны: присвоение вверенного общественного имущества путем обмана потребителя при оптовом отпуске товаров. Однако квалификация не соответствовала существу содеянного, поскольку здесь обман потребителя служил способом совершения другого, более опасного преступления —

хищения, и дополнительная квалификация по ч. 1 ст. 156 УК РСФСР не требовалась. Суд соответственно изменил обвинение, исправляя ошибку, допущенную при формулировании его органами предварительного расследования.

Следственная практика знает и такие факты, когда некоторые работники органов предварительного расследования в сложных и сомнительных ситуациях, не имея достаточно твердой уверенности в уголовноправовой оценке установленных ими фактов, квалифицируют их «с запасом» на возможное изменение в суде, чтобы суд без возвращения дела на дополнительное расследование смог исправить неточность — перейти на закон о менее тяжком преступлении или исключить из обвинения неприемлемую по данному делу уголовноправовую норму. Такие факты тоже являются результатом либо неполноты исследования фактических и юридических признаков содеянного, либо недостаточного знания уголовного законодательства и официальных разъяснений по поводу его применения.

Значительная часть изменений обвинения падает на долю тех дел, по которым первоначальное обвинение органами следствия и дознания формулируется неполно и неконкретно, без должной индивидуализации и мотивировки. В практике все еще нередки случаи, когда в обвинении не оттеняются существенные юридические признаки содеянного, а фабула сложного обвинения, состоящая из ряда конкретных противоправных фактов (действий), формулируется при помощи различных обобщающих утверждений: «неоднократно завышал цены», «систематически присваивал», «длительное время спекулировал» и т. п. — без тщательной детализации таких положений. Многие обвинения, как уже отмечалось, совершенно не мотивируются, не подкрепляются деловым анализом имеющихся в распоряжении следователя доказательств. Все это способствует различным отклонениям при формулировании обвинения от требований закона.

Некоторые из указанных факторов могут встречаться одновременно, дополняя друг друга. Но при всех условиях для правильной оценки причин и характера изменения обвинения, имевшего место в той или другой стадии уголовного судопроизводства, необходимо по

любому делу выявлять и анализировать такие факторы. На этой основе можно наметить конкретные меры по устранению недостатков при формулировании и изменении первоначального обвинения в советском уголовном процессе.

§ 3. ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ ИЗМЕНЕНИЙ ОБВИНЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Под **изменением обвинения** понимается внесение в него официальными лицами тех или иных поправок, сказывающихся на существе, объеме и характере обвинения по делу и поэтому требующих соблюдения определенно-го законом процессуального порядка. Эти коррективы могут выражаться в восполнении имеющихся в обвинении пробелов, исключении из него ненужного или в замене одних фактов, признаков и норм другими. Но они означают изменение обвинения только при условии, если отражаются на содержании, объеме и характере обвинения, вносятся компетентными лицами (органами), в официальном порядке и с соблюдением установленных законом процессуальных правил. Если эти условия отсутствуют, то нет достаточных оснований для признания изменения обвинения при тех или иных изменениях в позиции отдельных субъектов уголовно-процессуальной деятельности.

Изменения обвинения, возможные в различных стадиях уголовного процесса, довольно разнообразны. Наука не вправе удовлетвориться простым их перечислением. С учетом общих и специфических черт этих изменений она должна свести их в определенную систему, сгруппировать и расположить в строго логической последовательности.

Все изменения обвинения могут классифицироваться по нескольким признакам, имеющим и теоретическое и практическое значение.

Во-первых, их можно группировать *по субъекту*, т. е. в зависимости от того, кем они осуществляются.

По данному признаку правомерно различать: изменения обвинения, производимые органами предварительного расследования; изменения, осуществляемые прокурором

как лицом, надзирающим за законностью в уголовном судопроизводстве;

изменения со стороны судей при предании обвиняемого суду, при судебном разбирательстве уголовного дела или в ходе проверки законности и обоснованности приговора.

Такая классификация помогает последовательно различать отношение органов предварительного расследования, прокуратуры и суда к обвинению, дифференцировать допустимые пределы изменения обвинения каждым из этих органов и конкретизировать процессуальный порядок таких изменений применительно к каждому органу.

Во-вторых, возможные изменения обвинения можно классифицировать по их отношению к *объему и содержанию* первоначально предъявленного обвинения. По этому признаку представляется целесообразным различать:

сужение обвинения, связанное с исключением из него отдельных фактов, юридических признаков или уголовноправовых норм (их пунктов);

расширение обвинения, сопровождаемое включением в него дополнительных фактов, юридических признаков или уголовноправовых норм (их пунктов);

видоизменение обвинения, соединенное с заменой одних фактических обстоятельств, юридических признаков или правовых норм (их пунктов) другими. Видоизменения эти в свою очередь могут быть существенными или несущественными, связанными с переходом на другой вид обвинения или не связанными.

Данная классификация имеет значение для группировки различных изменений обвинения по их характеру с тем, чтобы это могло учитываться при рассмотрении критериев допустимости тех или иных изменений в соответствующих стадиях уголовного процесса.

В-третьих, изменения обвинения могут подразделяться на группы по их отношению к *отдельным составным частям* обвинения. По этому признаку представляется необходимым различать:

изменения обвинения, связанные с его фактической фабулой, т. е. происходящие ввиду установления новых фактов или признания недоказанными тех, которые фигурировали в предшествующих стадиях судопроизводства;

3
иные изменения обвинения, т. е. такие, которые имеют место при полном тождестве фактов, при той же фактуле обвинения и касаются лишь его остальных частей — юридической формулировки и правовой квалификации.

При такой классификации наиболее отчетливо вырисовываются конкретные причины производимых по уголовным делам изменений обвинения и степень их влияния на систему защиты обвиняемого.

Наконец, есть определенный смысл классифицировать все изменения обвинения еще по одному признаку — в зависимости от того, допускаются они на любом этапе дальнейшего движения уголовного дела или не допускаются. В этом плане можно различать:

изменения обвинения, допустимые на любом этапе судопроизводства, без возвращения дела на соответствующий этап;

изменения, хотя и требующие возвращения дела на более ранние этапы процесса, однако не обязательно в стадию предварительного расследования;

изменения, предполагающие направление дела на дополнительное расследование для повторного предъявления обвинения обвиняемому.

Научное и практическое значение данной классификации вполне очевидно, так как здесь речь идет о решении важного процессуального вопроса, при каких конкретно изменениях обвинения дело подлежит возвращению и на какую стадию судопроизводства.

При анализе различных вариантов изменения обвинения в тех или иных стадиях советского уголовного процесса возможно сочетание отмеченных классификационных признаков, если это диктуется интересами полноты исследования.

§ 4. ОТЛИЧИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ОБВИНЕНИЯ ОТ СМЕЖНЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ

Нередко при дальнейшем расследовании или судебном рассмотрении дела после предъявления определенному лицу обвинения происходят значительные измене-

ния как в имеющихся фактических материалах, так и в выводах, вытекающих из собранных материалов. Однако не все они влекут за собой изменение сформулированного по делу обвинения, многие из них подчас имеют совершенно иную юридическую природу, и поэтому очень важно четко отличать их от изменения обвинения в уголовном процессе.

Прежде всего в ходе дальнейшего движения дела могут устанавливаться новые факты и обстоятельства, хотя и входящие в предмет доказывания, но лежащие за пределами какого-либо отдельного состава преступления. В одних случаях они характеризуют условия, способствующие совершению преступления, в других — материальные последствия содеянного, в третьих — личность обвиняемого и т. д. Но все же такие факты и обстоятельства не отражаются непосредственно на самом обвинении по делу, поскольку они не охватываются конструктивными признаками соответствующего состава преступления.

После формулирования первоначального обвинения по делу могут обнаружиться и такие фактические данные, которые несколько меняют доказательственную его основу.

Так, Саранов обвинялся в том, что он вечером в безлюдном месте подкараулил буфетчицу Н. и пытался ее изнасиловать. При предъявлении обвинения он виновным себя не признал, объясняя, что с потерпевшей Н. знаком давно; в тот вечер провожал ее домой, по дороге они поссорились; обозлившись, он несколько раз ударил ее и сбил с ног. Обвинение основывалось на показаниях потерпевшей, на факте наличия на ее руке и шее следов насилия и на показаниях двух свидетелей, подошедших к месту происшествия как раз в тот момент, когда Саранов одной рукой держал за грудь лежащую на земле потерпевшую Н., другой — замахнулся для удара. В ходе дальнейшего следствия Саранов, настаивая на своей не вполне опровергнутой версии, стал утверждать, что он в прошлом даже сожительствовал с потерпевшей, когда она временно расходилась с мужем. В связи с этим потерпевшая Н. заявила ходатайство о вызове в качестве свидетелей ее мужа, близких знакомых и сослуживцев. После допроса этих лиц стало бесспорным, что потерпевшая никогда с супругом не расходилась,

живут они дружно, имеют ребенка, с обвиняемым она незнакома. Тогда Саранов признался в инкриминируемом преступлении, и, таким образом, в основу обвинения был положен ряд новых доказательств, которые не фигурировали при его формулировании следователем.

В подобной ситуации меняется не содержание, а основание первоначального обвинения. Такие изменения никакими пределами не ограничены, ибо органы следствия и суд вправе основывать свои выводы на любых доказательствах, полученных правомерным способом из допустимых законом источников и исследованных соответствующим образом.

Затем могут выявиться фактические данные о совершении каким-либо лицом другого самостоятельного преступления, обособленного от инкриминируемых обвиняемому общественно опасных действий.

При расследовании дела, по которому Сидоркину предъявлялось обвинение в хищении дефицитных строительных материалов, вскрыли факт хищения Ивановым пяти кубометров досок, совершенного несколько раньше с другого стройучастка. Здесь речь идет о новом обвинении в отношении новых лиц; такое обвинение формулируется по отдельному делу, выделенному в особое производство с соблюдением требований ст. 26 УПК РСФСР.

Следователем или судом иногда вскрываются факты совершения кем-либо из лиц, не являющихся соучастниками обвиняемого по данному делу, такого преступления, которое в какой-то мере связано с действиями обвиняемого. Таковы, например, случаи выявления недонесения о преступлении, заранее не обещанного укрывательства, приобретения добытого заведомо преступным путем имущества, посредничества в получении или даче взятки (ст. ст. 174¹, 189, 190, 208 УК РСФСР) и т. п. В подобных случаях вновь выявленные факты тоже не отражаются на существе сформулированного по делу обвинения, речь идет о новом обвинении в отношении новых лиц, хотя при определенных условиях они могут привлекаться к уголовной ответственности по тому же делу.

В процессе дальнейшего расследования или судебного рассмотрения дела могут быть обнаружены также доказательства о наличии у обвиняемого соучастника в пре-

ступлении, не привлеченного к уголовной ответственности.

Например, по делу Валидова, обвиняемого по ч. 2 ст. 144 УК РСФСР в повторной краже личного имущества нескольких граждан, следователь достоверно установил, что у обвиняемого был соучастник — некий Являмпеев, который выбирал объекты для кражи, помогал прятать и реализовывать украденное, а равно пользовался частью добытых преступным путем средств. При таких обстоятельствах имеет место новое самостоятельное обвинение в отношении другого лица, однако это обвинение может повлечь за собой изменение ранее предъявленного, если привлечение к уголовной ответственности соучастника сказывается на квалификации действий перво обвиняемого по делу, предполагая ее изменения.

Иногда в ходе дальнейшего следствия обнаруживается невинность одного из лиц, привлеченного к уголовной ответственности как соучастника в совершении преступления. Это — одно из возможных проявлений частичного прекращения дела (в судебном заседании — частично оправдательного приговора), хотя здесь тоже возможно попутное изменение обвинения в отношении другого обвиняемого, если в связи с таким исходом дела требуется переквалификация его деяния.

Хотя и весьма редко, но всё же в следственной практике встречаются и такие факты, когда после предъявления кому-либо обвинения в определенном преступлении достоверно устанавливается, что это общественно опасное деяние совершено не обвиняемым, а другим лицом, не привлеченным к уголовной ответственности по делу.

Борисову было предъявлено обвинение по п. «б» ст. 102 УК РСФСР в связи с убийством из хулиганских побуждений И., совершенным летом 1968 года на палубе волжского теплохода. Одним из основных доказательств, положенных в основу обвинения, являлось признание Борисовым «своей вины». Однако в дальнейшем он категорически отказался от этих показаний, объясняя, что убийство совершено не им, а Шуваловым. Тщательная проверка этих данных действительно подтвердила виновность Шувалова, который под тяжестью неопровержимых улик сознался в убийстве и подробно рассказал об обстоятельствах его совершения.

При таких условиях речь идет не об изменении первоначального обвинения, а о прекращении дела в отношении неправильно привлеченного к ответственности человека и о предъявлении нового обвинения лицу, виновному в расследуемом преступлении.

Все приведенные варианты были связаны либо с появлением новых доказательств и фактов, не содержащих признаков конкретного состава преступления, либо с выявлением данных о совершении преступления лицами, не привлеченными по делу в качестве обвиняемых. Отграничение их от изменения формулированного по делу обвинения не представляет значительной трудности. Вопрос этот решается сложнее, когда в ходе дальнейшего движения дела вскрываются факты, указывающие на совершение лицом, уже привлеченным в качестве обвиняемого, других преступных действий, по которым ему ранее обвинение не предъявлялось. Такие случаи некоторыми авторами расцениваются безоговорочно как разновидность изменения обвинения в уголовном процессе¹. С этим, однако, вряд ли можно полностью согласиться.

Несомненно, что выявление таких ранее неизвестных противоправных действий обвиняемого, которые составляют органическую часть инкриминируемого ему сложного преступления (систематического хищения или злоупотребления служебным положением и т. п.), предполагает изменение предъявленного по делу обвинения. То же наблюдается при обнаружении нового преступного деяния, хотя и содержащего в себе признаки самостоятельного состава преступления, но являющегося однородным с инкриминированным обвиняемому деянием и поэтому влияющего на его квалификацию. Иначе говоря, если после предъявления лицу обвинения в краже по ч. 1 ст. 144 УК РСФСР устанавливается, что им была совершена еще одна кража, за которую он к уголовной ответственности не привлекался, то изменение первоначального обвинения неизбежно, поскольку все такие преступные

¹ См. И. М. Гальперин, Направление уголовного дела на следствие, Госюриздат, 1960, стр. 90; Н. А. Акинча, Основания и порядок изменения обвинения на предварительном расследовании в советском уголовном процессе, «Труды молодых ученых», серия юридическая, Саратов, 1964, стр. 124—125.

действия должны составить фабулу одного сложного обвинения и квалифицироваться вместе.

Но на практике известно немало фактов, когда в ходе дальнейшего расследования или судебного рассмотрения дела обнаруживаются такие общественно опасные действия обвиняемого, которые образуют самостоятельное преступное деяние, не связанное с ранее известным преступлением по квалификационным признакам.

Коробов был привлечен к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 108 УК РСФСР за то, что 23 февраля 1967 г. в подъезде коммунального дома умышленно нанес гр-ну О. проникающие ранения в области живота и спины, причинив ему тяжкие телесные повреждения. При дальнейшем расследовании дела выяснилось, что обвиняемый несколько раньше совершил еще одно преступление: в начале февраля того же года изготовил из напильника нож, относящийся к холодному оружию, и носил его при себе без соответствующего на то разрешения, т. е. обнаружилось преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 218 УК РСФСР.

Шальцову предъявлялось обвинение по ч. 2 ст. 144 УК РСФСР в том, что он в ноябре 1966 года по предварительному сговору с Парамоновым путем подбора ключа проник в чужую квартиру и совершил кражу ковра и носильных вещей на 210 руб. Перед окончанием следствия по делу дополнительно выяснилось, что обвиняемый в октябре того же года, вечером, около забора одного предприятия, вырвал у гр-на И. транзисторный приемник «Нева-2» и скрылся, т. е. совершил грабеж, квалифицируемый по ч. 1 ст. 145 УК РСФСР. В подобных случаях вновь установленное общественно опасное деяние, содержащее в себе признаки отдельного состава преступления, образует вместе с ранее известным реальную совокупность преступлений и предполагает формулирование другого самостоятельного обвинения. Поэтому здесь речь идет не об изменении первоначального обвинения, а о дополнении его другим самостоятельным обвинением.

Нельзя смешивать с изменением обвинения и случаи, когда в процессе дальнейшего расследования или судебного рассмотрения дела полностью опровергается одно из самостоятельных преступлений, инкриминированных обвиняемому. Представляется неприемлемым утверж-

дение некоторых процессуалистов о том, что в такой ситуации тоже следует выносить «постановление об изменении обвинения»¹. Поскольку ввиду реальной совокупности преступлений по делу формулировано несколько самостоятельных обвинений и одно из них в дальнейшем полностью отпадает, должно приниматься решение не об изменении обвинения, а о частичном прекращении дела (в стадии судебного разбирательства — о частичном оправдании подсудимого).

Шидаков привлекался к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 206 и ч. 1 ст. 145 УК РСФСР за то, что 12 декабря 1966 г. на улице совершил злостные хулиганские действия, а также отобрал меховую шапку и шерстяной шарф у своего знакомого Ф. Однако впоследствии выяснилось, что обвиняемый не имел намерения ограбить потерпевшего, отобранные у него вещи передал своему товарищу Н. с просьбой вернуть владельцу. Таким образом, оказалось, что привлечение Шидакова к уголовной ответственности по обвинению в грабеже является необоснованным.

Зинатову предъявлялись обвинения: по ч. 2 ст. 206 УК РСФСР за злостное хулиганство, по ст. 207 УК РСФСР за угрозу убийством и по ч. 1 ст. 156 УК РСФСР за изготовление и хранение самогона без цели сбыта. Но химическая экспертиза, произведенная по ходатайству обвиняемого, установила, что изъятая у Зинатова жидкость не является ни самогоном, ни каким-либо другим спиртным напитком. В связи с этим привлечение Зинатова к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 158 УК РСФСР оказалось неправильным.

В обоих случаях полностью отпадает одно из обвинений, сформулированных следователем при привлечении лица к уголовной ответственности в качестве обвиняемого. Соответственно тому происходит не изменение обвинения, а частичное прекращение дела: одно из предъявленных обвинений аннулируется, другие остаются без изменения.

Изложенное дает возможность заключить, что далеко не все изменения в фактических материалах и выводах по

¹ См. Ю. Н. Белозеров, Т. Т. Полукаров, Практикум по советскому уголовному процессу под ред. Л. Н. Гусева, вып. 2., М., 1961, стр. 51.

ним, возможные после формулирования по делу обвинения, позволяют говорить об изменении обвинения в советском уголовном процессе.

Необходимо последовательно проводить грань между изменением обвинения, с одной стороны, и пополнением доказательств обвинения, предъявлением нового (дополнительного) обвинения тому же обвиняемому, привлечением к уголовной ответственности других лиц, частичным прекращением дела и частично оправдательным приговором — с другой. Это — различные процессуальные институты, каждый из которых имеет специфическое назначение и свои отличительные признаки. Смешение их не только ведет к расширению содержания одних процессуальных явлений за счет других, но и затрудняет решение многих конкретных вопросов теории и практики уголовного судопроизводства.

§ 5. ОТПРАВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЯ ОБВИНЕНИЯ ПО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Руководствуясь целями социалистического правосудия, советский законодатель исходит из того, что в обвинение, однажды предъявленное обвиняемому, может быть внесено в принципе любое изменение, если оно вытекает из закона и объективных фактов. Вместе с тем он устанавливает ряд важных общеобязательных правил, прочно гарантирующих при всяком изменении обвинения как выполнение общих задач советского уголовного судопроизводства, так и все законные интересы обвиняемого. Без предварительного анализа этих общих правил, предопределяющих исходную позицию органов следствия, прокуратуры и суда при изменении обвинения, не представляется возможным перейти к рассмотрению конкретных вопросов изменения обвинения в различных стадиях уголовного процесса.

К таким отправным положениям относится прежде всего указание Основ уголовного судопроизводства о том, что «изменение обвинения в суде допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту» (ст. 42). Хотя текстуально это правило обращено только к суду, однако по сущест-

ву оно в равной степени относится и к органам предварительного расследования и прокуратуры, поскольку они тоже не вправе допустить, чтобы из-за изменения обвинения лицо, привлеченное к уголовной ответственности в качестве обвиняемого, могло оказаться в затруднительном положении и не смогло использовать в полной мере предусмотренные законом средства и способы защиты. Если в результате изменения обвинения ухудшается (по сравнению с первоначальным) положение обвиняемого и нарушается его право на защиту, то как суд, так и органы предварительного расследования и прокуратуры должны дать делу такое направление, при котором обвиняемому в установленном законом порядке повторно предъявлялось бы обвинение в измененном виде.

Эта общая установка, вытекающая из ст. 42 Основ, применительно к отдельным стадиям процесса конкретизируется в уголовно-процессуальном законодательстве союзных республик. В статьях 215, 227, 254 УПК РСФСР и соответствующих нормах кодексов большинства других союзных республик четко выражены два конкретных критерия допустимости изменения обвинения в тех или иных стадиях судопроизводства. Первым из них признается сравнительная тяжесть обвинений, вторым — несущественность отличия измененного обвинения от ранее известного.

Суть первого из названных критериев заключается в том, что в любой стадии советского уголовного процесса не допускается изменение обвинения на более тяжкое. В противном случае дело обязательно возвращается на тот этап уголовно-процессуальной деятельности, на котором возможно повторное предъявление лицу любого обвинения или восстановление однажды уже фигурировавших признаков обвинения без ущемления законных интересов обвиняемого и нарушения его конституционного права на защиту.

Понятие более тяжкого обвинения при всей его важности в действующем уголовно-процессуальном законодательстве, к сожалению, не дано. При определении его необходимо учесть, что обвинение в материально-правовом смысле представляет собой процессуальное выражение состава преступления, усматриваемого в действиях или бездействии привлеченного к уголовной

ответственности лица. Таким образом, сравнительная тяжесть обвинений устанавливается путем сопоставления известных по делу преступлений. Для этого в каждом конкретном случае следует сопоставить, как формулировались фактические и юридические признаки инкриминированных обвиняемому преступных действий раньше и как они выглядят сейчас, а равно сравнить санкции соответствующих уголовноправовых норм и их правовые последствия, если изменение обвинения связано с перекалфикацией содеянного, причем эти преступления должны браться в конкретно-индивидуальном проявлении, с учетом их всех возможных юридических последствий (наказания, влияния на повторность, на возможность признания особо опасным рецидивистом, на применение условно-досрочного освобождения, на судимость и т. п.). Нельзя признать удачным стремление ограничить сферу действия данного критерия, т. е. сравнительной тяжести обвинений, теми делами, где сопоставляются деяния с различными уголовноправовыми признаками. Такая попытка, в частности, наблюдается со стороны авторов Научно-практического комментария к УПК РСФСР, которые все возможные варианты отягчения обвинения сводят к случаям применения закона, который обвиняемому «угрожает более тяжкой мерой наказания», или закона о более тяжком преступлении, хотя он обвиняемому «не угрожает применением более тяжкого наказания»¹. Не говоря уже о нечеткости формулировки названных этими авторами положений, следует подчеркнуть, что ими значительно сужается содержание понятия «более тяжкое обвинение».

Несомненно, что при всех условиях более тяжким признается обвинение в преступлении, за которое по закону может быть назначено более суровое наказание по сравнению с тем деянием, которое вменялось обвиняемому в вину раньше. При определении сравнительной тяжести наказаний во внимание берутся максимальные санкции соответствующих статей уголовного закона или их частей. Если в этих статьях (их частях) предусматриваются различные виды уголовного наказания, надо исходить из порядка, в котором данные виды наказания

¹ См. «Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР» под ред. В. А. Болдырева, Госюриздат, 1963, стр. 461.

перечислены в ст. 21 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и в уголовных кодексах союзных республик (ст.ст. 21, 23—34 УК РСФСР).

Более тяжким является обвинение и в преступлении, которое законом отнесено к тяжким, хотя возможно, что за это деяние предусматривается не более суровое наказание по сравнению с преступлением, которое вменялось в вину раньше. В примечании II к ст. 24 УК РСФСР прямо перечислены деяния, признаваемые тяжкими преступлениями самим законодателем. Среди них есть составы преступления с такой максимальной санкцией, которая не превышает меры наказания за некоторые другие общественно опасные деяния, не названные в этом примечании. Например, грабеж при отягчающих обстоятельствах, который согласно ч. 2 ст. 90 УК РСФСР карается лишением свободы сроком до семи лет, признается тяжким преступлением, а повторное и групповое хищение государственного и общественного имущества путем присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением не отнесено к тяжким, хотя оно влечет более суровое наказание (ч. 2 ст. 92 УК РСФСР). Злостное хулиганство, за которое в ч. 2 ст. 206 УК РСФСР предусматривается мера наказания в виде лишения свободы до пяти лет, считается тяжким преступлением, в то время как доведение до самоубийства и умышленное менее тяжкое телесное повреждение при отягчающих обстоятельствах, влекущие такую же меру наказания, — не считаются (ст. 107, ч. 2 ст. 109 УК РСФСР).

Если обвиняемому вменялось в вину преступное деяние, которое законом не отнесено к тяжким преступлениям, а изменение обвинения в той или иной стадии процесса требует переквалификации на уголовноправовую норму, упомянутую в прим. II к ст. 24 УК РСФСР, то налицо изменение обвинения на более тяжкое, причем независимо от характера санкций соответствующих статей уголовного закона или их частей. На это обратил внимание по делу Кузнецова и Анфимова Верховный Суд РСФСР¹.

¹ См. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1963 г. № 9, стр. 8—9.

Надо считать более тяжким также обвинение, которое в отличие от ранее предъявленного позволяет признать обвиняемого особо опасным рецидивистом. Следственной и судебной практике известны факты, когда в результате переквалификации содеянного на другую уголовноправовую норму, хотя и не предусматривающую более суровой меры наказания, создается возможность положительно решить вопрос о признании обвиняемого особо опасным рецидивистом (например, случаи переквалификации действий обвиняемого, имеющего судимость за разбойное нападение, с ч. 2 ст. 212 на ч. 1 ст. 108 УК РСФСР). При такой ситуации вывод о более тяжком характере обвинения вытекает из значительного ухудшения положения обвиняемого. В случае признания его виновным по измененному обвинению меняется в худшую сторону режим исправительно-трудовой колонии, затрудняется или даже вовсе исключается возможность применения к осужденному условно-досрочного освобождения либо замены неотбытой части наказания более мягким наказанием и т. д.

Представляется необходимым признать обвинение более тяжким и по тем делам, по которым в ходе дальнейшего расследования или судебного разбирательства обнаруживаются дополнительные отягчающие вину обстоятельства, учитываемые законодателем при конструировании данного состава преступления в качестве его квалифицирующего признака. Известно, что диспозиции ряда уголовноправовых норм изложены так, что в них перечисляется несколько самостоятельных квалифицирующих признаков (например, ст.ст. 91, 102, 146 УК РСФСР). После предъявления обвинения в подобных преступлениях иногда выясняется, что первоначальное обвинение сформулировано неполно: оставлено без должного внимания одно из отягчающих вину обстоятельств — и потому содеянное квалифицировано неточно (допустим, упущен п. «б» ч. 2 ст. 146 УК РСФСР). Хотя при таких условиях в результате изменения квалификации содеянного уголовноправовая санкция не меняется, тем не менее обвинение становится более тяжким, положение обвиняемого ухудшается. Вывод о наличии еще одного отягчающего вину обстоятельства, влекущий за собой дополнение правовой квалификации ранее не включенными в обвинение пунктами соответству-

ющей статьи уголовного закона, неизбежно отягчает обвинение, усиливает меру ответственности виновных.

Обвинение может изменяться на более тяжкое, если даже юридические признаки и правовая квалификация содеянного остаются прежними. Например, по делу обнаруживается, что обвиняемый, привлеченный к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 92 УК РСФСР за хищение товарно-материальных ценностей на 2400 руб., совершил хищение на несколько большую сумму — на 3800 руб. В подобных случаях юридические признаки совершенного преступления не меняются, квалификация может остаться прежней, но все же налицо изменение обвинения на более тяжкое. Преступление становится более тяжким в рамках того же самого состава, в своем конкретно-индивидуальном проявлении.

Как видим, переход на более тяжкое обвинение обуславливается всеми изменениями в фактических и юридических признаках инкриминируемого лицу деяния в сторону отягчения, независимо от того, влечет это применение другого уголовного закона или не влечет. Обвинение должно считаться более тяжким не только в случае переквалификации содеянного на уголовноправовую норму о более тяжком преступлении, но и тогда, когда либо добавляются дополнительные фактические или юридические признаки, либо в результате применения другого уголовного закона положение обвиняемого усугубляется иными (кроме наказания) возможными неблагоприятными последствиями признания виновным и осуждения по этой статье закона (ее части, пункта).

Одной сравнительной тяжести обвинения как критерия допустимости изменения обвинения не всегда достаточно для того, чтобы прочно гарантировать социалистическое правосудие от возможных ошибок, не допустить неоправданного ухудшения положения обвиняемого и ущемления его права на защиту. Могут быть дела, по которым хотя изменение обвинения и не влечет за собой отягчения его составных частей, но связано с существенным изменением фактических и юридических признаков инкриминируемого лицу преступного деяния. Для подобных случаев законодателем выдвигается второй критерий — несущественность отличия измененного обвинения от того, которое ему уже известно. Об этом говорится в ст.ст. 215, 227, 254 УПК РСФСР.

Этот критерий связан главным образом с выявлением в ходе дальнейшего расследования или судебного рассмотрения дела новых фактических обстоятельств, не учтенных при формулировании обвинения. Однако далеко не всякое новое обстоятельство означает существенное изменение обвинения. Когда устанавливаются новые факты, которые с точки зрения данного состава преступления лишены непосредственного уголовноправового значения, предъявленное обвинение не изменяется вообще. При выявлении прежде неизвестных фактов, хотя и имеющих уголовноправовое значение, однако лежащих в рамках конструктивных признаков вменяемого обвиняемому в вину состава преступления, существенного изменения обвинения не происходит: здесь дело может быть возвращено следователю по другой причине — ввиду изменения обвинения на более тяжкое или из-за неполноты проведенного по делу предварительного расследования. И только обнаружение таких новых фактов, которые не укладываются в конструктивные признаки усматриваемого в действиях (бездействии) обвиняемого состава преступления и требуют другой юридической формулировки для содеянного, дает возможность говорить о существенном изменении предъявленного обвинения. Причем в этом случае необязательно, чтобы изменение юридической формулировки обвинения было сопряжено с переходом на другую уголовноправовую норму (ее часть). Возможны дела, по которым хотя сохраняется та же правовая квалификация, однако вследствие обнаружения ранее неизвестных фактов (обстоятельств) существенно меняется юридическая формулировка содеянного (например, при рассмотрении дела, по которому предъявлено обвинение по ч. 2 ст. 92 УК РСФСР за присвоение государственного имущества, устанавливается, что обвиняемый в действительности не присваивал, а растратил это имущество). В подобной ситуации правовая квалификация может остаться той же (ч. 2 ст. 92 УК РСФСР), но тем не менее налицо существенное изменение как фактулы, так и юридической формулировки обвинения.

Поэтому изменение обвинения следует признать существенным тогда, когда это вызвано обнаружением таких ранее неизвестных и имеющих уголовноправовое значение фактов (обстоятельств), которые не укладываются

ются в конструктивные признаки инкриминированного обвиняемому состава преступления и предполагают для содеянного новую юридическую формулировку.

Как видим, существенность изменения обвинения выражается в одновременном преобразовании его фабулы и юридической формулировки, обусловленном обнаружением значимых в уголовноправовом отношении фактов (обстоятельств), не принятых во внимание или неизвестных раньше. Только в одном случае возможно исключение из этого общего положения. Если прокурор или судьи приходят к выводу о наличии признаков идеальной совокупности преступлений в деянии, которое следователем считалось одним преступлением и квалифицировалось по одной уголовноправовой норме, то при прежней фактической фабуле обвинения происходит существенное его изменение. И здесь изменение обвинения признается существенным не в силу выявления новых фактов, а в связи с резким изменением юридической формулировки и правовой квалификации содеянного, необходимостью вменения обвиняемому в вину еще одного преступления за те же самые действия или бездей-

ствие.

Какое обвинение — первоначальное или однажды уже измененное — берется за отправное при определении сравнительной тяжести или существенности соответствующих изменений? Вопрос этот порою приобретает принципиальный характер, ибо по некоторым делам обвинение может изменяться неоднократно и его первоначальная формулировка иногда серьезно отличается от той, которая значилась на предыдущем этапе уголовного судопроизводства.

В уголовно-процессуальном законодательстве ряда союзных республик при определении допустимых пределов изменения обвинения в различных стадиях движения дела текстуально говорится о первоначальном обвинении (ст.ст. 218, 235, 255 УПК Латвийской ССР, ст.ст. 213, 229, 245 УПК Армянской ССР, ст. ст. 215, 254 УПК БССР и др.). При буквальном толковании этих норм нетрудно сделать вывод о некотором расширении границ допустимых изменений прокурором или судом, так как первоначальное обвинение могло оказаться более тяжким по сравнению с тем, какое указано в обвинительном заключении или в определении распорядитель-

ного заседания суда. В подтверждение такого вывода можно сослаться на одно из определений по конкретному делу Верховного Суда СССР, который высказался за допустимость возвращения судьями к первоначальному обвинению, являющемуся более тяжким по сравнению с измененным до судебного разбирательства.

В современной судебной практике тоже встречаются случаи осуждения подсудимого и за те действия, которые до судебного разбирательства по тем или иным причинам исключались из первоначального обвинения.

Ларионов был привлечен к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 145, ч. 2 ст. 144, ч. 1 ст. 89 УК РСФСР за то, что он на протяжении двух лет участвовал в четырнадцати грабежах и кражах. В постановлении следователя о привлечении в качестве обвиняемого ему наряду с другими действиями вменялась в вину кража настольных часов и клетки с птицами. Но этот факт позднее из обвинения был исключен прокурором, пришедшим к выводу о его недоказанности. Когда же дело разбиралось в суде, Ларионов был признан виновным также в совершении данной кражи. Таким образом суд вернулся к первоначальному обвинению, восстановив те факты, которые на более ранних этапах процесса из обвинения были исключены.

Следовательно, существует мнение о том, что при установлении возможных пределов изменения обвинения прокурором и судом за отправное можно взять первоначальное обвинение, если даже оно уже изменялось на более ранних этапах уголовного судопроизводства. С этим, однако, согласиться нельзя.

Первоначальным считается обвинение, сформулированное в постановлении органа предварительного расследования о привлечении лица в качестве обвиняемого. Все последующие изменения, вносимые в обвинение в стадиях предварительного расследования, передачи суду, судебного разбирательства, кассационного производства и т. д., могут быть направлены только на улучшение положения обвиняемого, ибо иначе необходимо, как этого требует наше законодательство, вторично предъявить обвинение. Чаще всего такие изменения выражаются в исключении из обвинения отдельных действий и эпизодов, в замене одних фактических и юридических признаков другими, свидетельствующими о мень-

шей степени общественной опасности содеянного, в преквалификации деяния на другую норму о менее тяжком преступлении и т. п. При таких условиях отправление от первоначального обвинения позволило бы восстановить все исключенное или измененное, что ухудшало бы участь обвиняемого. Такое положение нарушило бы право обвиняемого на защиту, поскольку суд мог бы признать его виновным в совершении действий или бездействии, против которых обвиняемый и его защитники не возражали, считая их давно отпавшими.

Поэтому следует прийти к выводу, что во всех стадиях процесса при определении сравнительной тяжести и существенности изменений, подлежащих внесению в рассматриваемое обвинение, за отправное должно приниматься то обвинение, которое было известно обвиняемому на предшествующем этапе движения данного уголовного дела. *Для органа предварительного расследования* это — обвинение, сформулированное в постановлении о привлечении лица к уголовной ответственности в качестве обвиняемого; *для прокурора* — обвинение, указанное в обвинительном заключении по делу; *для распорядительного заседания суда* — обвинение, одобренное прокурором при утверждении обвинительного заключения по делу; *для суда первой инстанции* — обвинение, по которому обвиняемый предан суду; *для суда кассационной инстанции* — обвинение, признанное доказанным в приговоре; *для суда надзорной инстанции* — обвинение, признанное при проверке законности и обоснованности приговора.

Такое решение вопроса наилучшим образом гарантирует право обвиняемого на защиту и достижение по каждому делу объективной истины.

**ИЗМЕНЕНИЕ ОБВИНЕНИЯ В СТАДИИ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ**

**§ 1. УСЛОВИЯ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК
ИЗМЕНЕНИЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ОБВИНЕНИЯ
СЛЕДОВАТЕЛЕМ И ОРГАНОМ ДОЗНАНИЯ**

В советском уголовном процессе привлечением лица в качестве обвиняемого и предъявлением ему обвинения доказывание на предварительном расследовании не завершается. С учетом показаний и объяснений обвиняемого органы предварительного расследования продолжают объективное и всестороннее исследование имевших место в действительности фактов и их существенных признаков до полного установления всех обстоятельств, составляющих предмет доказывания по делу.

В ходе дальнейшего расследования дела могут отпасть одни и вновь появиться другие доказательства; возможна несколько иная, чем раньше, оценка тех или иных доказательств и их источников; могут измениться юридически значимые признаки известных фактов; могут быть установлены новые преступные действия, совершенные обвиняемым или каким-либо другим лицом, или отпасть некоторые из инкриминированных обвиняемому общественно опасных фактов и т. д. Точное определение природы таких изменений и дифференциация на этой основе процессуального порядка их осуществления имеют несомненное значение.

В недалеком прошлом вопросы, связанные с внесением тех или иных коррективов в выводы органов предварительного расследования после формулирования первоначального обвинения по делу, в законодательном

порядке регламентировались недостаточно полно. Теоретически они нередко решались по аналогии со стадией судебного разбирательства, без должного учета того, что любая процессуальная стадия имеет свои особенности, неизбежно накладывающие специфический отпечаток на решение таких вопросов. К тому же в юридической литературе подчас смешивались такие разные по своему существу процессуальные институты, как изменение следователем первоначального обвинения, предъявление обвиняемому нового (дополнительного) обвинения, привлечение к уголовной ответственности новых лиц и частичное прекращение уголовного дела¹. Все это осложняло выработку правильного отношения к указанным явлениям.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство более подробно регламентирует рассматриваемые нами вопросы и в значительной мере устраняет эти трудности.

✓ При этом оно исходит из того, что в данной стадии процесса любые изменения обвинения могут производиться непосредственно самим следователем или органом дознания без чьей-либо санкции, если только это соответствует общим задачам уголовного судопроизводства и содействует достижению объективной истины по делу.

Вместе с тем действующее законодательство, развивая демократические начала уголовного судопроизводства, отказалось от таких изменений первоначального обвинения, которые могли бы производиться непосредственно в обвинительном заключении по делу. Оно отправляется от предпосылки, что всякое изменение следователем или органом дознания первоначального обвинения должно иметь место до ознакомления обвиняемого со всеми материалами дела (ст. ст. 201—202 УПК РСФСР). Тем самым твердо устанавливается требование, чтобы органы предварительного расследования своевременно ставили обвиняемого в известность о внесенных в

¹ См. М. И. Блажанин, Изменение обвинения в советском уголовном процессе, Госюриздат, 1954, стр. 8—18; У. Очиров, Привлечение в качестве обвиняемого по уголовно-процессуальному праву Узбекской ССР, Ташкент, 1963, стр. 11 и др.

обвинение изменениях и он имел бы возможность давать по ним свои объяснения до окончания следствия (дознания), чтобы после ознакомления обвиняемого со всеми материалами дела самими органами расследования никакие изменения в обвинение не вносились.

В соответствии с этой принципиальной позицией законодатель при определении условий и порядка изменения первоначального обвинения следователем или органами дознания последовательно проводит требование, чтобы любое изменение этими органами обвинения отражалось в отдельном процессуальном документе, составленном до ознакомления обвиняемого с материалами дела, и содержание такого документа сообщалось обвиняемому своевременно, до окончания следствия (дознания) по делу.

Важно и то, что в действующем законодательстве отчетливо различается изменение следователем первоначального обвинения, предъявление обвиняемому нового (дополнительного) обвинения и привлечение к уголовной ответственности новых лиц.

В уголовно-процессуальных кодексах союзных республик специально даже подчеркивается отличие изменения первоначального обвинения от дополнения его новым (ст. ст. 143, 148, 154 УПК РСФСР, 161, 166, 174 УПК Литовской ССР, 140, 145, 152 УПК Грузинской ССР и др.). Но редакция ст. 154 УПК РСФСР и соответствующих норм кодексов других союзных республик, регламентирующих порядок изменения органом предварительного расследования первоначального обвинения, ввиду недостаточной разработанности данной проблемы оказалась все же недостаточно конкретной. Она страдает, по крайней мере, двумя недостатками.

Во-первых, не совсем удачно объединены некоторые варианты изменения обвинения и частичного прекращения дела. «Если в ходе предварительного следствия, — говорится в ч. 2 ст. 154 УПК РСФСР, — предъявленное обвинение в какой-либо части не нашло подтверждения, следователь своим постановлением прекращает дело в этой части...» Понимая эту формулировку буквально, некоторые процессуалисты приходят к выводу, что во всех случаях, когда из формулированного по делу обвинения необходимо исключать неподтвердившиеся факты

(эпизоды), неправильно примененную уголовноправовую норму или отдельную ее часть (пункт), то следователь или органы дознания должны вынести постановление о частичном прекращении дела¹. Между тем такое решение вопроса представляется неприемлемым.

Прекращение дела — это признание невозможности дальнейшего ведения начатого уголовного судопроизводства ввиду наличия одного из оснований, которые предусмотрены в законе (ст. ст. 5—9, 208 УПК РСФСР). При одних и тех же основаниях оно может быть либо полным, либо частичным. Полным оно является в случаях, когда на законном основании органы предварительного расследования, прокуратура и суд отказываются от дальнейшего ведения дела во всем объеме, независимо от того, о скольких бы деяниях и о каком бы количестве лиц ни шла в нем речь. Частичное прекращение дела существует постольку, поскольку по нашему законодательству допускается соединение в одном производстве материалов о совершении одним человеком ряда самостоятельных деяний, а равно о преступлениях сразу нескольких лиц. Если по такому «объединенному» производству относительно какой-либо его отдельной части, которая при других условиях могла бы вестись вполне самостоятельно, выявляется наличие одного из общих оснований для отказа от ведения уголовного процесса (ст. ст. 5—9 УПК РСФСР), то принимается решение о прекращении дела в данной части. Подобное решение, в частности, вполне логично по делам, где органами предварительного расследования было сформулировано, по признакам реальной совокупности преступлений или соучастия, несколько самостоятельных обвинений, а одно из них позднее полностью отпало.

Таким образом, частичное прекращение дела предназначено для аннулирования одного из множества обвинений, предъявленных одному или нескольким лицам.

¹ См. Л. М. Карнеева, Привлечение в качестве обвиняемого, Госюриздат, 1962, стр. 62—63; «Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР», изд-во ЛГУ, 1962, стр. 156; «Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР» под ред. В. А. Болдырева, Госюриздат, 1963, стр. 311—312; «Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Белорусской ССР» под ред. С. Т. Шардыко и Г. Ф. Басова, Госиздат БССР, 1963, стр. 126 и др.

Оно совершенно не подходит в качестве средства для корректировки в принципе доказанного обвинения, для сужения или видоизменения его отдельных элементов. Когда необходимо исключать из обвинения определенные факты (эпизоды), юридические признаки или уголовноправовую норму, ошибочно включенную по признакам *идеальной совокупности* преступлений или *при конкуренции законов*, то речь идет не о каком-либо прекращении дела, а об изменении остающегося обвинения, об исправлении содержащейся в нем ошибки.

Это становится еще более очевидным, если учесть, что в отношении всех остальных стадий процесса сам же законодатель в аналогичных ситуациях предусматривает не частичное прекращение дела, а изменение обвинения — исключение из него «отдельных пунктов», «части фактических обстоятельств или признаков преступления» (ст. ст. 215, 227, 254 УПК РСФСР). Иное решение этого вопроса применительно к одной-единственной стадии процесса — к предварительному следствию — не только ведет к смешению указанных вариантов изменения обвинения и частичного прекращения дела, но и вносит разноречивость в подход к проблеме, искусственно усложняя правильное ее осмысливание.

Вторым недостатком в правовом регулировании изменения обвинения органами предварительного расследования является отсутствие всякой дифференциации процессуального порядка его оформления.

В действующем законодательстве союзных республик предусматривается, что при любой корректировке первоначального обвинения эти органы должны вновь формулировать обвинение, составить постановление о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности, ознакомить его с содержанием данного постановления, разъяснить его права и допросить снова в качестве обвиняемого (ст. ст. 154 УПК РСФСР, 141 УПК УССР и др.). Между тем такой сложный порядок не всегда оправдан.

Конечно, когда обвинение меняется на более тяжкое или существенное, а равно когда одни фактические и юридические признаки обвинения заменяются другими, указанный порядок совершенно необходим, ибо иначе можно ставить под угрозу право обвиняемого на защиту. Однако речь идет не об этих случаях. Нередко органам предварительного следствия приходится просто исклю-

чать из обвинения отдельные факты (эпизоды), юридические признаки или ошибочно примененную уголовноправовую норму (ее пункт), давно известные обвиняемому и оспариваемые им или его защитником. От такого сужения обвинения положение обвиняемого не ухудшается, а, напротив, улучшается. Не ущемляется и его право на защиту, поскольку эти факты (эпизоды), юридические признаки и нормы содержались в предъявленном этому лицу обвинении, фигурировали при допросе его в качестве обвиняемого и исключаются из обвинения с учетом его объяснений. Тем не менее для внесения в обвинение таких простых изменений органам предварительного расследования предлагается снова совершать все те процессуальные действия, которые связаны с первоначальным предъявлением обвинения и допросом в качестве обвиняемого¹. В итоге получается не только бесцельное повторение ряда процессуальных актов, но и бессмысленная трата государственных средств, так как для многих следователей и органов дознания производство таких процессуальных действий предполагает предварительное этапирование обвиняемых, находящихся под стражей в следственных изоляторах.

Чтобы избежать этого, некоторые авторы рекомендуют производить подобные изменения в обвинении прямо в обвинительном заключении по делу². Но это уже другая крайность, которая может отрицательно сказаться на обеспечении конституционного права обвиняемого на защиту. При практическом применении такого предложения обвиняемый и его защитник при окончании предварительного расследования останутся в неведении относительно итоговых выводов следователя (органа дознания) о формулировке и объеме обвинения по делу, поскольку

¹ См. Л. М. Карнеева, Привлечение в качестве обвиняемого, Госюриздат, 1962, стр. 61—64; В. З. Лукашевич, Изменение и дополнение обвинения, «Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР», изд-во ЛГУ, 1962, стр. 156.

² См. «Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской ССР», Комментарий под ред. С. Т. Шардыко, Г. Ф. Басова, Госиздат БССР, 1963, стр. 126; Н. П. Волков, Надзор за обоснованностью привлечения граждан к уголовной ответственности, «Прокурорский надзор за дознанием и предварительным следствием», М., 1964, стр. 103.

эти выводы появятся после ознакомления их с материалами дела.

Учитывая это, в нашей юридической литературе уже неоднократно высказывалось мнение о том, чтобы четко различались два порядка изменения обвинения органами предварительного расследования, из которых один должен быть более простым, не связанным с повторным предъявлением лицу обвинения, чтобы этот порядок применялся при сужении той или иной составной части обвинения либо при изменении его правовой квалификации на закон о менее тяжком преступлении и заключался в вынесении специального постановления об изменении обвинения с последующим вручением его копии обвиняемому в кратчайший срок¹. Это отвечает целям и задачам советского уголовного судопроизводства, обеспечивает более рациональное использование сил и средств соответствующих государственных органов в борьбе с преступностью и надлежащим образом гарантирует право обвиняемого на защиту.

Рассмотрим под этим углом зрения возможные варианты изменения первоначального обвинения следователем или органами дознания.

Прежде всего в ходе дальнейшего расследования дела могут вскрыться неизвестные в прошлом или оставленные без должного внимания факты (действия), составляющие часть инкриминированного обвиняемому сложного преступления. Таковы, например, случаи выявления дополнительных фактов хищения обвиняемым, привлеченным к уголовной ответственности по ч. 3 ст. 92 УК РСФСР. Здесь происходит расширение фактической фабулы первоначального обвинения и независимо от того, требуется переквалификация содеянного или не требуется, обвинение меняется на более тяжкое. Поэтому органы предварительного следствия и дознания должны вновь предъявить лицу обвинение и снова допросить его в качестве обвиняемого с учетом всех инкриминированных ему общественно опасных действий.

¹ См. Н. В. Жогин, Ф. Н. Фаткуллин, Предварительное следствие, «Юридическая литература», 1965, стр. 241—255; В. М. Блинов, Изменение обвинения следователем («Социалистическая законность» 1966 г. № 4, стр. 19—22 и др.).

Иногда перед органами следствия и дознания встает вопрос о дополнении первоначального обвинения какими-либо существенными обстоятельствами преступного действия, уже фигурирующего в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого.

Например, Хайруллин предьявлялось обвинение по ч. 2 ст. 206 УК РСФСР в злом хулиганстве, совершенном в январе 1967 года в женском общежитии завода. Но при формулировании обвинения были упущены такие существенные моменты этого деяния, как взлом замка одной из комнат общежития, повреждение дверей комендантской комнаты и беспричинное приставание к некоторым жильцам общежития. Так как эти обстоятельства имели по делу значение, следователь пришел к выводу о включении их в фабулу обвинения. В подобной ситуации тоже имеет место расширение фабулы первоначального обвинения, последнее даже в рамках той же правовой квалификации становится более тяжким. Поэтому здесь обвиняемому вновь следует предьявить обвинение с соблюдением всех требований ст. ст. 143, 144, 148 УПК РСФСР.

Следственной практике известны случаи, когда после формулирования по делу обвинения выясняется новое однородное преступное деяние обвиняемого, дающее возможность усматривать в его действиях специальную повторность.

Сафнуллину было предьявлено обвинение по ч. 2 ст. 89 УК РСФСР за то, что он в декабре 1966 года совершил с применением технических средств кражу 189 кг кровельного железа и 262 кг листового оцинкованного железа с территории завода. В процессе дальнейшего следствия обнаружили, что он примерно в то же время с территории другого предприятия украл 371 кг электротехнической стали. При подобных обстоятельствах речь идет о включении в обвинение еще одного самостоятельного преступного деяния, образующего специальную повторность и подлежащего квалификации вместе с ранее инкриминированным обвиняемому деянием. Независимо от того, требуется перекалфикация содеянного или нет, обвинение становится более тяжким, и оно должно повторно формулироваться с учетом всех деяний и предьявляться снова в порядке, предусмотренном ст. ст. 143, 144, 148 УПК РСФСР.

Изменение органами предварительного расследования обвинения может быть обусловлено и установлением новых фактических данных о характере причиненного преступлением вреда, о месте, способе и времени совершения преступления, если эти обстоятельства отражаются на существе данного состава преступления. В таких случаях обычно обвинение либо несколько расширяется, либо видоизменяется. Поэтому для обеспечения права обвиняемого на защиту здесь тоже следует вновь формулировать обвинение, предъявить его обвиняемому и допросить последнего с учетом всех новых обстоятельств дела.

Дальнейшее следствие порою приводит к изменению фактов, отражающих мотив и цель совершенного обвиняемым деяния. Эти изменения непосредственно влияют на обвинение в той мере, в какой мотив и цель входят в конструктивные признаки состава преступления по делу.

Когда не подтверждаются приписываемые обвиняемому и указанные в обвинении специальные мотив и цель, соответствующая часть обвинения просто отпадает. От этого, разумеется, преступление не становится совершенно «безмотивным». Если, скажем, при расследовании убийства из корыстных побуждений или с целью сокрытия другого преступления выясняется отсутствие у обвиняемого такого побуждения или цели, то будет установлен какой-то другой мотив совершения им преступного деяния (например, неприязненные отношения). Но это не специальный мотив, учитываемый при конструировании обвинения. Подобные побуждения с точки зрения данного состава преступления уголовно-правового значения не имеют, они влияют только на индивидуализацию меры наказания и меры профилактики. Общие мотивы такого рода не составляют нового факта, являющегося ранее неизвестной частью обвинения.

Иногда следователь после привлечения лица к уголовной ответственности сталкивается с мотивом и целью, которые раньше не были установлены, несмотря на то что они учитываются конструкцией соответствующей уголовноправовой нормы. Допустим, человеку предъявлялось обвинение в убийстве «в драке», т. е. без специального мотива и цели. Однако позднее обна-

ружилось, что он при совершении преступления руководствовался корыстными побуждениями. По подобным делам речь идет о включении в обвинение новых фактов, имеющих уголовноправовое значение, отягчающих обвинение и осложняющих защиту. Следовательно, необходимо повторное предъявление обвинения со всеми вытекающими отсюда процессуальными последствиями.

Возможно установление в ходе дальнейшего расследования и другого специального мотива преступления, заменяющего указанный в первоначальном обвинении.

При расследовании дела по обвинению Сидорчука в умышленном убийстве из хулиганских побуждений (п. «б» ст. 102 УК РСФСР) следователь пришел к выводу, что обвиняемый, совершая это преступление, исходил из корыстных побуждений, а не из хулиганских (п. «а» ст. 102 УК РСФСР). При таких данных решается вопрос о включении в обвинение новых фактов взамен некоторых из указанных в первоначальном обвинении. Хотя здесь сравнительная тяжесть и объем фактической фабулы обвинения почти не меняются, тем не менее серьезно нарушается система защиты — обвиняемому надо перестроиться, готовить доводы против только что появившегося специального мотива совершения преступления. Поэтому для изменения обвинения требуется соблюдение порядка, предусмотренного в ст.ст. 143, 144, 148 УПК РСФСР.

Подчас после предъявления лицу обвинения органы предварительного расследования устанавливают новые отягчающие или смягчающие вину обстоятельства, меняющие юридическую формулировку и правовую квалификацию содеянного.

Голубев был привлечен к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 144 УК РСФСР за то, что он в декабре 1966 года совершил кражу носильных вещей из квартиры одной женщины. Впоследствии выяснилось, что он имеет неснятую судимость за грабеж и потому его действия должны квалифицироваться по ч. 2 ст. 144 УК РСФСР.

В процессе расследования другого дела, по которому Сантимов привлекался к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 144 УК РСФСР за кражу моторной лодки, после допроса обвиняемого и проверки его показаний стало очевидным, что эта кража совершена им совмест-

но с Федорчуком. В связи с этим возникла необходимость дополнить обвинение Сантимова такимотягчающим вину обстоятельством, как «совершение преступления группой лиц», и соответственно изменить правовую квалификацию содеянного.

В аналогичной ситуации всегда надо снова предъявить обвинение с последующим допросом обвиняемого. Это объясняется значительным видоизменением фактических и юридических признаков, а иногда и правовой квалификации обвинения.

Изложенное относится и к случаям выявления новых смягчающих вину обстоятельств, влияющих на уголовноправовую оценку инкриминируемого обвиняемому деяния. Если, к примеру, после предъявления лицу обвинения в простом умышленном убийстве (ст. 103 УК РСФСР) устанавливается, что убийство совершено обвиняемым в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилием со стороны потерпевшего (ст. 104 УК РСФСР), то обвинение формулируется вновь, с тем чтобы после предъявления его обвиняемому снова допросить последнего по всем фактам и обстоятельствам, вошедшим в измененное обвинение.

То же следует делать и при условии, если серьезно меняются фактические признаки самого деяния, вмененного обвиняемому в вину.

Малинко привлекался к уголовной ответственности по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР за изнасилование несовершеннолетней, а впоследствии выяснилось, что в действительности им совершались развратные действия (ст. 120 УК РСФСР). Ввиду существенности изменения обвинения здесь применяется порядок, указанный в ст. ст. 143, 144, 148 УПК РСФСР.

Все эти варианты изменения обвинения так или иначе были связаны с корректировкой его фактической факбулы. В следственной практике встречаются и иные изменения обвинения, при которых факты, изложенные в постановлении о привлечении лица к уголовной ответственности, остаются неизменными, а преобразуются только две остальные части обвинения — его юридическая формулировка и правовая квалификация. Некоторые из таких изменений осуществляются в том же порядке.

В частности, если после привлечения лица к уголовной ответственности следователь приходит к выводу, что содеянное квалифицировано ошибочно, что при тех же фактических признаках его надо квалифицировать по другой уголовноправовой норме с более суровой санкцией, то из-за необходимости изменения обвинения на более тяжкое требуется снова формулировать обвинение по делу, повторно предъявить его обвиняемому и допросить это лицо в качестве обвиняемого. Такой же порядок должен соблюдаться при выявлении в содеянном, квалифицированном по одной уголовноправовой норме, признаков идеальной совокупности преступлений, при дополнении обвинения каким-либо пунктом соответствующей статьи уголовного закона и т. д.

Таким образом, во всех тех случаях, когда в процессе дальнейшего расследования появляется необходимость либо в дополнении первоначального обвинения новыми фактическими или юридическими признаками (обстоятельствами), либо в замене одних фактов, отраженных в обвинении по делу, другими, либо в переквалификации содеянного на закон с более суровой санкцией или с иными более тяжкими последствиями для обвиняемого, либо в дополнении правовой квалификации указанием еще на один из самостоятельных пунктов той же статьи материального закона, либо в квалификации деяния, до сих пор считавшегося одним преступлением, — то обязательно повторное формулирование обвинения с учетом всех изменений, предъявление его обвиняемому с соблюдением общего порядка (ст.ст. 143, 144, 148 УПК РСФСР).

В отличие от этого изменение обвинения путем внесения специального об этом постановления приемлемо в первую очередь в случаях, когда следует исключить из первоначального обвинения отдельные факты (эпизоды) без изменения правовой квалификации содеянного в целом.

Например, в ходе дальнейшего расследования дела, по которому Лашин был привлечен к ответственности по пп. «б», «д» ст.ст. 15—102 УК РСФСР за покушение на убийство из хулиганских побуждений и опасным для жизни многих способом, выяснилось, что один из инкриминируемых ему фактов — стрельба вслед за про-

шедшей по улице машиной «скорой помощи» — не подтверждается. Хотя юридическая формулировка и квалификация содеянного в целом от этого не изменились, тем не менее следователю необходимо было исключить из обвинения недоказанный факт. При таком условии достаточно вынести постановление об изменении обвинения, указав в нем на исключение из первоначального обвинения соответствующих фактов (действий), и безотлагательно вручить его копию обвиняемому с тем, чтобы он своевременно узнал об этом изменении.

Таким же образом можно поступать по делам, где исключение из фабулы обвинения отдельных фактов (эпизодов) связано с переходом на другую уголовно-правовую норму о менее тяжком преступлении.

Петров был привлечен к уголовной ответственности за покушение на умышленное убийство счетовода колхоза Г. Ввиду того что он стрелял в потерпевшего из охотничьего ружья в момент, когда около него находились другие люди, содеянное квалифицировалось по п. «д» ст. 102 УК РСФСР. Однако после более тщательной оценки обстоятельств дела следователь исключил из обвинения такое отягчающее обстоятельство, как «совершение способом, опасным для жизни многих», и пере-квалифицировал действия обвиняемого по ст. 103 УК РСФСР.

В подобных случаях нет нужды повторять все те процессуальные действия, которые требуются при повторном предъявлении обвинения. Для надлежащего обеспечения права обвиняемого на защиту достаточно вынести специальное постановление о соответствующем изменении обвинения и вручить его копию обвиняемому.

В практике органов предварительного расследования имеют место также случаи, когда из обвинения надо исключить одно из самостоятельных преступных деяний, которые по признакам специальной повторности объединялись в одно сложное обвинение и квалифицировались по одной уголовно-правовой норме.

Так, Волькину предъявлялось обвинение по ч. 2 ст. 144 УК РСФСР за участие в трех кражах, совершенных группой лиц в различных местах в течение октября 1967 года. Но в дальнейшем было установлено, что в одной из этих краж, совершенной в последних числах месяца, обвиняемый Волькин не участвовал.

Возник вопрос об исключении из обвинения данного деяния. Такие изменения или сопровождаются переквалификацией остающихся общественно опасных действий обвиняемого, или не сопровождаются. Независимо от этого здесь достаточно вынести специальное постановление об изменении обвинения, указав в нем на исключение недоказанного деяния и, если это имеет место, на переквалификацию содеянного, а затем вручить его копию обвиняемому с тем, чтобы он узнал о произведенных по делу изменениях.

Иногда перед органами предварительного расследования возникает необходимость переквалифицировать действия обвиняемого, при тех же фактических признаках, на другую уголовноправовую норму о менее тяжком преступлении. Скажем, факты, в которых при формулировании обвинения усматривались признаки грабежа, в действительности содержат лишь признаки простой кражи. Такие изменения без ущерба для дела могут производиться также путем вынесения об этом соответствующего постановления и вручения его копии обвиняемому.

Наконец, этот порядок приемлем для исключения из обвинения одной из уголовноправовых норм, неправильно примененной к содеянному при отсутствии в нем признаков идеальной совокупности преступлений.

Нугманов был привлечен к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 149, ч. 2 ст. 206 УК РСФСР за то, что он в нетрезвом состоянии поскаandalил с женой, а когда она ушла из дому, облил пол керосином и поджег; потом следил за тем, как подошедшие к месту происшествия жена и соседи тушили огонь. Таким образом, поджог из хулиганских побуждений, который полностью охватывается признаками ч. 2 ст. 149 УК РСФСР¹, следователем ошибочно квалифицировался еще по ч. 2 ст. 206 УК РСФСР.

В такой ситуации речь идет об исключении из обвинения лишней уголовноправовой нормы, об исправлении ошибки, допущенной при квалификации инкриминиро-

¹ См. постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 11 сентября 1962 г. «О судебной практике по делам о хулиганстве» («Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1962 г. № 10, стр. 5—8; 1965 г. № 9, стр. 3—4).

ванного лицу преступного деяния. Для этого необязательно вновь совершать все процессуальные действия, связанные с предъявлением обвинения и допросом в качестве обвиняемого. С любой точки зрения, в том числе и с позиций обеспечения права обвиняемого на защиту, достаточно вынести соответствующее постановление об изменении обвинения, четко указав в нем на исключение из квалификации содеянного определенной уголовноправовой нормы, и вручить его копию обвиняемому¹.

Следовательно, этот более простой порядок изменения обвинения органами предварительного расследования целесообразен в случаях, когда речь идет об исключении из первоначального обвинения конкретных фактов (эпизодов, действий), об изменении квалификации содеянного (при тех же фактических признаках или в результате исключения определенного факта) на закон с менее суровой санкцией и с другими менее неблагоприятными для обвиняемого последствиями или об исключении из обвинения ошибочно примененной уголовноправовой нормы (ее части, пункта). Такой более простой процессуальный порядок изменения первоначального обвинения в этих случаях не ущемляет права обвиняемого на защиту и не может сказаться отрицательно на интересах установления по делу объективной истины.

Разумеется, эти изменения обвинения, как и любые другие, должны быть законны и обоснованны, в достаточной мере мотивированы в соответствующих процессуальных документах органов предварительного расследования.

§ 2. ПОЛНОМОЧИЯ ПРОКУРОРА НА ИЗМЕНЕНИЕ ОБВИНЕНИЯ. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ИХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Одной из важных обязанностей прокурора в советском уголовном процессе является обеспечение законности и обоснованности привлечения лиц к уголовной

¹ Аналогичный взгляд обосновывается подробно в кандидатской диссертации В. М. Блинова (см. В. М. Блинов, Содержание и изменение обвинения на предварительном следствии, автореферат дисс., М., 1966, стр. 13).

ответственности, пресечение любого нарушения закона на этом важном этапе уголовно-процессуальной деятельности.

Осуществляя надзор за исполнением законов при производстве дознания и предварительного следствия, прокурор должен строго следить за тем, чтобы ни один гражданин не подвергался неправильному привлечению к уголовной ответственности или иному незаконному ограничению в правах, чтобы в отношении лиц, изобличенных в совершении преступления, обвинение формулировалось, предъявлялось и изменялось в полном соответствии с законом и объективными обстоятельствами дела.

Если прокурор обнаруживает какие-либо неправомерные действия органов предварительного расследования или допущенные ими ошибки при предъявлении и изменении первоначального обвинения по делу, он обязан немедленно принять меры для восстановления законности и устранения имеющихся в данном отношении недостатков, не дожидаясь поступления к нему дела с обвинительным заключением.

Исходя из этого, закон предоставил прокурору право отменять незаконные и необоснованные постановления органов предварительного расследования, а равно давать им письменные указания о привлечении тех или иных лиц к уголовной ответственности, о формулировке и объеме обвинения, об изменении предъявленного по делу обвинения, о дополнении его новым, о частичном прекращении дела и т. д.

Для органов следствия и дознания все постановления прокурора, вынесенные в соответствии с законом, безусловно обязательны для исполнения (ст. 20 Основ уголовного судопроизводства).

В отношении органов дознания также обязательны и письменные указания прокурора; при несогласии с такими указаниями они могут лишь обжаловать их вышестоящему прокурору, не приостанавливая исполнения (ст. 120 УПК РСФСР).

Что же касается следователя, то законодатель в целях повышения его ответственности и процессуальной самостоятельности наделил его правом воздерживаться от безусловного выполнения указаний прокурора по этим вопросам, если такие указания не согласуются с

твердым убеждением следователя. Статья 127 УПК РСФСР прямо предусмотрела, что в случае несогласия с указаниями прокурора о привлечении в качестве обвиняемого, о квалификации преступления и объеме обвинения, о направлении дела для предания обвиняемого суду или о прекращении дела следователь вправе представить дело вышестоящему прокурору с письменным изложением своих возражений. Генеральный Прокурор Союза ССР в своих приказах неуклонно подчеркивает необходимость строгого соблюдения этого правила, не допуская «администрирования и какого бы то ни было ущемления регламентированных законом прав следователя и его процессуальной самостоятельности при выполнении следственных действий»¹.

В случае необходимости прокурор может принять дело к своему производству и вынести решение об изменении или дополнении обвинения, о привлечении к уголовной ответственности новых лиц или о частичном прекращении дела. Это право прокурора закреплено в ст. 211 УПК РСФСР.

По остальным делам прокурор вправе внести те или иные изменения в обвинение по делу после передачи его следователем (органом дознания) с обвинительным заключением.

По делу, поступившему к нему с обвинительным заключением, прокурор обязан проверить полноту, всесторонность и объективность произведенного расследования, законность и обоснованность всех выводов следователя или органа дознания, соответствие обвинительного заключения собранным по делу доказательствам и требованиям закона. Неправильно поступают те прокуроры, которые ограничиваются выслушиванием сообщений следователей или своих помощников по делу. Такие устные доклады не могут заменить непосредственное изучение прокурором материалов дела. Согласно ст. 17 Основ прокурор лично оценивает все средства доказывания по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех об-

¹ См. об этом подробнее: Н. В. Жогин, Ф. Н. Фаткуллин, Предварительное следствие, «Юридическая литература», 1965, стр. 354—355.

стоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием.

При этом прокурор может прийти к выводу, что кто-либо из обвиняемых привлечен к уголовной ответственности незаконно или одно из обвинений, предъявленных одному обвиняемому, необоснованно. При таком условии он в соответствии с п. 3 ст. 214 УПК РСФСР выносит постановление о частичном прекращении дела.

Если прокурор обнаруживает, что какое-либо лицо, являющееся соучастником расследованного по делу преступления, без достаточных оснований не привлечено к уголовной ответственности в качестве обвиняемого, он возвращает дело следователю или органу дознания для дополнения — привлечения к ответственности нового лица и предъявления ему обвинения (п. 2 ст. 214 УПК РСФСР).

Такое же решение принимается и в случаях, когда прокурор приходит к убеждению о необходимости дополнения предъявленного по делу обвинения новым, связанным с совершением другого самостоятельного преступления.

Но вопрос решается несколько сложнее, если надо изменить предъявленное по делу обвинение, вошедшее в обвинительное заключение. Здесь полномочия прокурора дифференцированы в зависимости от определенных фактов, одни из которых позволяют ему непосредственно принять решение о внесении в обвинение тех или иных изменений, а другие лишают его такой возможности, предполагая возвращение дела на дополнительное расследование.

Правда, в законодательстве некоторых союзных республик иногда такое разграничение отчетливо не проводится. В статье 191 УПК Казахской ССР, например, содержится лишь общее положение о том, что в случае несогласия с обвинительным заключением прокурор составляет новое и с ним направляет дело в суд.

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве большинства союзных республик подчеркивается, что при необходимости «изменить обвинение на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от первоначального обвинения, прокурор возвращает дело органу дознания или следователю для предъявления нового обвинения» (ст.ст. 215

УПК РСФСР, 191 УПК Молдавской ССР, 217 УПК Таджикской ССР и др.).

Таким образом, законодатель при определении пределов полномочий прокурора на непосредственное изменение обвинения исходит из тех же двух общих критериев — сравнительной тяжести обвинений и существенности подлежащих внесению в обвинение изменений.

Если необходимо либо расширить фактуру обвинения за счет не указанных в нем фактов (обстоятельств), либо дополнить его новыми юридическими признаками или отдельными пунктами соответствующей уголовноправовой нормы, либо применить другой материальный закон (статью, ее часть) с более тяжкими для обвиняемого правовыми последствиями, то речь идет об изменении обвинения на более тяжкое.

Когда надо заменить в фактуре обвинения одни факты (обстоятельства) другими и по этой причине изменить юридическую формулировку содеянного, а равно когда в деянии, которое органами предварительного расследования считалось единым преступлением, нужно усматривать признаки идеальной совокупности преступлений, происходит существенное изменение обвинения по делу.

В подобных случаях или ухудшается положение обвиняемого, или возникает надобность в серьезной перестройке намеченной им (его защитником) системы защиты. Поэтому прокурор не вправе сам вносить в обвинение такие изменения, а должен для этого направить дело с письменным указанием следователю или органу дознания.

Логическим продолжением этой совершенно правильной принципиальной линии должно быть признание, что во всех остальных случаях, когда обвинение меняется не на более тяжкое и несущественно, соответствующие изменения обвинения могут производиться непосредственно прокурором, без возвращения дела органам предварительного расследования. Однако в действующем законодательстве некоторых союзных республик, с одной стороны, основания к изменению обвинения непосредственно прокурором определяются значительно шире. В ч. 2 ст. 231 УПК УССР, например, говорится об изменении обвинения лично прокурором, если это «не влечет за собой применения статьи уголовного закона с более

тяжкой санкцией и не связано с существенным изменением обвинения». Из этой нормы нетрудно сделать заключение, что прокурор вправе: дополнить фабулу обвинения новыми фактами (эпизодами), укладывающимися в рамки прежней юридической формулировки и правовой квалификации содеянного (скажем, в формулировку «систематически занимался присвоением государственных средств в крупных размерах», подпадающую под ч. 3 ст. 92 УК РСФСР); включить в обвинение ранее не примененные пункты той же уголовноправовой нормы; перейти на другую статью уголовного закона, которая хотя и имеет такую же санкцию, но открывает в отличие от прежней квалификации возможность признания обвиняемого особо опасным рецидивистом и т. д. Между тем в подобных случаях налицо переход на более тяжкое обвинение и потому прокурор обязан вернуть дело органам предварительного расследования, о чем, кстати, указывается в ч. 1 ст. 231 УПК РСФСР.

С другой стороны, в законодательстве многих союзных республик основания к изменению обвинения самим прокурором перечислены неполно, фактически сужены. «Прокурор вправе своим постановлением исключить из обвинительного заключения отдельные пункты обвинения, а также применить закон о менее тяжком преступлении», — гласит ст. 215 УПК РСФСР и соответствующие статьи кодексов ряда других союзных республик. При буквальной трактовке этих норм правомерен вывод о том, что прокурор не наделен правом производить такие изменения обвинения, как уточнение некоторых фактических и юридических признаков обвинения, исключение из него отдельных фактов и обстоятельств с одновременной переквалификацией содеянного на другую уголовноправовую норму с менее тяжкими последствиями и т. п., тогда как он тоже являлся бы неверным, поскольку в действительности законодательство всех этих союзных республик запрещает прокурору изменять обвинение только на более тяжкое или существенно:

Ясно, что действующее советское законодательство по существу допускает изменение обвинения непосредственно прокурором во всех случаях, когда это не связано с переходом на более тяжкое обвинение или существенным изменением формулированного органами след-

ствия и дознания обвинения. Поэтому желательно было бы формулировку названных статей уголовно-процессуальных кодексов союзных республик уточнить именно в таком плане, причем надо учитывать, что за отправное здесь берется обвинение, указанное в обвинительном заключении по делу. Прокурор не вправе восстановить те факты, юридические признаки или уголовноправовые нормы, которые были официально признаны отпавшими и исключены из первоначального обвинения до окончания следствия (дознания) по делу, а равно вернуться к той статье (ее части) уголовного закона, которая уже однажды следователем или органом дознания была изменена в сторону улучшения положения обвиняемого.

Каков же процессуальный порядок изменения обвинения прокурором? При ответе на этот вопрос законодатель, придавая важное значение процессуальной форме, исходит из требования об оформлении таких изменений в соответствующем документе. Он отказался от существовавшей в прошлом практики, когда прокуроры вносили свои изменения в обвинение резолюцией на обвинительном заключении по делу. Подобная практика, как известно, не только лишала обвиняемого возможности знать основания и мотивы решения прокурора, но и затрудняла решение ряда вопросов, связанных с подготовкой дела к слушанию в суде и с возможными изменениями обвинения в последующих стадиях уголовного судопроизводства¹.

Законом не предусматривается и возможность возвращения прокурором следователю (органу дознания) дела для внесения в обвинение таких изменений, которые вправе производить сам прокурор. Это, конечно, не означает, что прокурор вообще не может потребовать от следователя или органа дознания пересоставить обвинительное заключение по делу. Если обвинительное заключение составлено неправильно, в нем нет глубокого анализа собранных по делу доказательств и их источников, имеются противоречия между отдельными частями его, содержащиеся в нем положения выражены нечетко и т. д., прокурор вправе вернуть дело следователю

¹ На это справедливо указывается и в работе Ю. А. Ляхова, Обвиняемый на предварительном следствии в советском уголовном процессе, автореферат дисс., Ростов-на-Дону, 1965, стр. 18.

или органу дознания для составления нового обвинительного заключения в соответствии с предъявляемыми к данному акту требованиями. Но здесь имеется в виду не изменение обвинения, а более грамотное составление обвинительного заключения. Когда же надо изменять обвинение по делу, это в пределах полномочий должен делать сам прокурор, ибо орган предварительного расследования мог вносить какие-либо изменения в первоначальное обвинение только до окончания следствия (дознания) по делу и любое новое изменение для него связано с повторным производством ряда процессуальных действий (ст. ст. 143, 148, 154, 199—207 УПК РСФСР).

Уголовно-процессуальные кодексы большинства союзных республик предусматривают два возможных варианта оформления прокурором изменения обвинения — вынесение об этом специального постановления или пересоставление обвинительного заключения (ст.ст. 215 УПК РСФСР, 215 УПК БССР, 213 УПК Армянской ССР и др.). Лишь в законодательстве отдельных республик речь идет об изменении прокурором обвинения с обязательным вынесением специального постановления (ст. ст. 231 УПК УССР, 240 УПК Литовской ССР, 180 УПК Эстонской ССР) или с непременно составлением нового обвинительного заключения (ст. ст. 215 УПК Грузинской ССР, 199 УПК Киргизской ССР).

В принципе дифференциация порядка изменения обвинения прокурором представляется вполне оправданной¹. В ряде случаев, особенно по сложным многотомным делам, по которым в качестве обвиняемого привлекаются многие лица и каждому из них предъявляется по нескольку обвинений, а основание к изменению относится только к одному из них, возложение на прокурора обязанности переделать все обвинительное заключение было бы неправильным. Но вместе с тем не всегда целесообразно допускать изменение обвинения специальным постановлением прокурора, поскольку иначе фак-

¹ Неубедительна попытка Ю. Н. Калмыкова обосновать мнение о необходимости во всех случаях изменения обвинения прокурором пересоставлять обвинительное заключение (см. «Окончание предварительного следствия с составлением обвинительного заключения», автореферат, дисс., Ростов-на-Дону, 1968, стр. 20).

тические и юридические признаки содеянного могут найти различное отражение во вручаемых обвиняемому и оглашаемых в судебном заседании документах.

При такой дифференциации требуется решить, при каких условиях обвинение должно изменяться прокурором путем вынесения специального об этом постановления, а при каких — путем пересоставления обвинительного заключения по делу. В действующих уголовно-процессуальных кодексах союзных республик ответа на данный вопрос не содержится. В юридической литературе обычно на это тоже не обращается внимания¹.

Думается, что в основном правильное решение отмеченного вопроса предлагает В. М. Блинов, впервые тщательно рассмотревший различные аспекты изменения обвинения прокурором². Его рекомендации заключаются в следующем.

Во всех случаях, когда речь идет об исключении из обвинения каких-либо конкретных фактов (эпизодов, обстоятельств), ошибочно примененной уголовноправовой нормы или ее самостоятельного пункта, а равно об изменении правовой квалификации содеянного при тех же фактических признаках на закон о менее тяжком преступлении, прокурору следует ограничиться вынесением об этом специального постановления, не пересоставляя обвинительное заключение по делу.

Например, из обвинительного заключения по делу Боброва, которому предъявлялось обвинение по ч. 3 ст. 92 УК РСФСР за хищение кооперативных средств в крупных размерах, прокурору предстояло исключить ввиду недоказанности два конкретных факта присвоения, не влияющих на общую правовую оценку содеянного в целом.

По делу Зубкова прокурор пришел к выводу об исключении из обвинения по пп. «б», «д» ст. 146 УК РСФСР

¹ См. «Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР» под ред. В. А. Болдырева, Госюр-издат, 1963, стр. 391; «Советский уголовный процесс. Особенная часть», изд-во Саратовского университета, 1967, стр. 95; «Советский уголовный процесс» под ред. Д. С. Карева, изд-во «Высшая школа», 1968, стр. 270 и др.

² См. В. М. Блинов, Содержание и изменение обвинения на предварительном следствии, автореферат дисс., М., 1966, стр. 15—16.

п. «д», так как прежняя судимость Зубкова за аналогичное преступление оказалась снятой.

При утверждении обвинительного заключения по делу Минеева прокурор признал необходимым исключить из обвинения ч.1 ст. 109 УК РСФСР, ибо менее тяжкое телесное повреждение потерпевшему было причинено в ходе хулиганских действий обвиняемого, все содеянное охватывалось указанной в обвинении ч. 2 ст. 206 УК РСФСР и дополнительной квалификации по другим статьям не требовалось.

Наконец, по делу Хинакова прокурор решил переквалифицировать действия обвиняемого при тех же фактических признаках с ч. 1 ст. 145 на ч. 1 ст. 144 УК РСФСР.

Во всех отмеченных случаях исключение отдельных фактов, юридических признаков или уголовноправовых норм (пунктов) не нарушает гармонии остальных положений обвинительного заключения, не сказывается отрицательно на их четкости и мотивировке. Здесь без ущерба для дела и права обвиняемого на защиту соответствующее изменение может быть внесено в обвинение специальным постановлением, в котором прокурор после изложения основания и мотивов своего вывода примет два тесно связанных между собой решения — об исключении из обвинения его отдельных пунктов (эпизодов, признаков) и об утверждении обвинительного заключения по делу с такими изменениями.

Этот порядок представляется приемлемым также при условии, если переквалификация инкриминируемого обвиняемому деяния вызывается исключением из обвинения конкретных эпизодов, их отдельных фактических или юридических признаков, обозначенных в обвинительном заключении.

Нельзя признать убедительным утверждение Н. Н. Гапановича о том, что в такой ситуации следует составлять новое обвинительное заключение по делу¹.

Если, например, лицу предъявлялось обвинение по ст. 113 УК РСФСР в истязании своей жены, а прокурор при утверждении обвинительного заключения по делу приходит к выводу, что из пяти фактов нанесения побоев, указанных в обвинительном заключении, три основываются

¹ См. «Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской ССР», Комментарий, Госиздат, Минск, 1963, стр. 171.

только на противоречивых показаниях потерпевшей и никакими другими доказательствами не подтверждаются, то вполне возможно изменение обвинения специальным постановлением, в котором прокурор обоснует недоказанность соответствующих фактов, исключит их из фактуры обвинения и переквалифицирует содеянное на ст. 109 УК РСФСР. Это тем более возможно, когда ввиду установления факта погашения прежней судимости обвиняемого, привлеченного к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 145 УК РСФСР за совершение одного грабежа без иных отягчающих вину обстоятельств, прокурор исключает из обвинения факт прежней судимости и одновременно переквалифицирует содеянное на ч. 1 ст. 145 УК РСФСР. При таких условиях остальные факты, изложенные в обвинительном заключении, остаются нетронутыми и в части этих фактов обвинительное заключение не нуждается в переделке. Поэтому прокурор вправе внести изменение в обвинение своим специальным постановлением, утверждая остальные положения обвинительного заключения в том виде, как они изложены органом предварительного расследования. То же можно сказать и в отношении дел, по которым прокурор приходит к выводу о необходимости исключения из обвинения одного из самостоятельных преступных деяний, по признакам специальной повторности квалифицируемых по единой уголовной норме.

Например, при утверждении обвинительного заключения по делу Ткаченко, привлеченного к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 144 УК РСФСР за две квартирные кражи, прокурор нашел одну из краж недоказанной и решил переквалифицировать содеянное на ч. 1 ст. 144 УК РСФСР. Здесь вполне возможно, оставляя обвинительное заключение без изменения в части одного деяния, исключить из него другое, не доказанное специальным постановлением прокурора, и указать в нем на переквалификацию остающихся действий обвиняемого, если это необходимо.

Возможны случаи, когда в результате переквалификации действий обвиняемого меняется и обвинение в процессуальном смысле — дело приобретает специфические для частного обвинения признаки (например, переход с ч. 2 ст. 206 на ст. 112 УК РСФСР). Тогда прокурору следует изъять из дела обвинительное заключение,

в специальном постановлении обосновать вывод о квалификации содеянного на соответствующую уголовноправовую норму и направить дело в суд для рассмотрения по существу, если имеется на то волеизъявление потерпевшего.

Когда изменение обвинения прокурором связано с заменой одних признаков инкриминируемых обвиняемому фактов другими, с иной оценкой доказательств и остающихся в фабуле обвинения общественно опасных фактов, а равно когда отпадение определенных обстоятельств меняет общую картину преступной деятельности обвиняемого и поэтому требуется изложить их иным образом, прокурор должен пересоставить обвинительное заключение по делу. Изменение обвинения лишь отдельным постановлением в этих случаях может внести дисгармонию в выводы по делу и осложнить правильное понимание всего существа и отдельных признаков обвинения, остающегося после утверждения прокурором обвинительного заключения.

**ИЗМЕНЕНИЕ ОБВИНЕНИЯ В СТАДИИ
ПРЕДАНИЯ СУДУ**

**§ 1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИЗМЕНЕНИЯ ОБВИНЕНИЯ
В СТАДИИ ПРЕДАНИЯ СУДУ**

✓ В советском уголовном процессе обвинение, сформулированное органом предварительного расследования и одобренное в окончательном виде при утверждении обвинительного заключения по делу прокурором, передается на рассмотрение суда.

Причем по действующему законодательству одобренное прокурором обвинение автоматически не становится предметом судебного разбирательства: если передача обвинения в суд является прерогативой прокуратуры, то определение достаточности оснований для принятия его к судебному разбирательству считается судебной функцией и осуществляется оно в специальной стадии процесса, именуемой преданием суду.

В этой стадии ни судья единолично, ни суд в коллегиальном составе не имеют задачей подтверждение сформулированного по делу обвинения или тем более разрешение его до существу. В данной стадии процесса судьи не могут делать никакие, в том числе и предварительные, выводы о доказанности обвинения, о виновности обвиняемого в совершении инкриминируемого преступного деяния. Их задача заключается в определении наличия всех фактических, материальноправовых и процессуальных предпосылок для того, чтобы принять подтвержденное прокурором обвинение к судебному разбирательству или, иначе говоря, чтобы предать обвиняемого суду. При утвердительном ответе на этот

вопрос у суда возникает процессуальная обязанность рассмотреть данное обвинение в судебном заседании, разрешить его по существу.

В стадии предания суду по делу какое-либо новое или дополнительное следствие не проводится, все принимаемые решения основываются исключительно на материалах предварительного расследования. В то же время все эти материалы должны изучаться и оцениваться очень тщательно, ибо иначе не представляется возможным качественное выполнение судьями функции, возлагаемой на них законом в данной стадии советского уголовного процесса.

По этим материалам судьи чаще всего делают вывод о том, что дело возбуждено и расследовано в точном соответствии с законом, объективно, полно и всесторонне, выявленное по нему деяние содержит признаки состава преступления, все причастные к этому деянию лица привлечены к ответственности, сформулированное в отношении каждого из них обвинение не нуждается в коррективах и в принципе оно может быть разрешено в судебном заседании на основе тех доказательств и их источников, которые собраны следователем и органами дознания.

Но иногда в названной стадии процесса у судей возникает сомнение в правильности выводов, к которым пришли органы предварительного расследования и прокуратура по делу. Тогда в соответствии со ст. 36 Основ уголовного судопроизводства дело подлежит рассмотрению в распорядительном заседании суда.

Основная задача распорядительного заседания состоит в том, чтобы определить наличие достаточных оснований для предания обвиняемого суду, принять к судебному разбирательству сформулированное в отношении его обвинение.

При этом могут быть обнаружены пробелы в проведенном по делу предварительном расследовании, нарушения органами следствия и дознания норм процессуального закона или иные упущения, которые должны устраняться самими этими органами. В таких случаях дело возвращается на дополнительное расследование по основаниям, указанным в соответствующих пунктах ст. 232 УПК РСФСР. 0246 4118 2250

В распорядительном заседании судьи могут усмотреть

в материалах дела основание для привлечения к уголовной ответственности других лиц, причастных к данному делу, или, наоборот, для освобождения от уголовной ответственности одного из обвиняемых. В таких случаях они соответственно основанию либо направляют дело прокурору, либо выносят определение о частичном прекращении дела в отношении лица, которое не подлежит преданию суду.

Судебной практике известны и факты, когда в распорядительном заседании судьи признают несостоятельным одно из обвинений, предъявленных обвиняемому.

По делу Крысова, который привлекался к уголовной ответственности по ч. 3 ст. ст. 15—117, ч. 1 ст. 206 УК РСФСР за то, что он 14 октября 1968 г. сначала пытался изнасиловать несовершеннолетнюю Р., а спустя несколько часов долго стучался к одной своей знакомой с просьбой пустить переночевать, судьи нашли, что последние действия обвиняемого не содержат признаков состава преступления и квалифицированы по ст. 206 УК РСФСР неправильно. В таких случаях тоже принимается решение о частичном прекращении уголовного дела, поскольку одно из самостоятельных обвинений, сформулированных по признакам реальной совокупности преступлений, отпадает полностью.

Иногда в распорядительном заседании суда выясняются основания для предъявления обвиняемому нового (дополнительного) обвинения в совершении преступления, которое, несмотря на признаки реальной совокупности, обвиняемому органами следствия не инкриминировалось. В подобной ситуации решается вопрос о направлении дела на дополнительное расследование для предъявления обвиняемому другого обвинения, если оно связано с ранее сформулированным по данному делу.

В юридической литературе некоторые из отмеченных решений в стадии предания суду расцениваются в качестве изменения обвинения распорядительным заседанием суда¹. Однако такая позиция ведет к смешению различных по своей природе процессуальных категорий и является неудачной. Действующее уголовно-процессуаль-

¹ См. М. И. Бажанов, Изменение обвинения в советском уголовном процессе, Госюриздат, 1954, стр. 24—25; И. М. Гальперин, В. З. Лукашевич, Предание суду, «Юридическая литература», 1965, стр. 57.

ное законодательство союзных республик применительно к стадии предания суду четко отграничивает эти явления друг от друга, говоря о возвращении дела на дополнительное расследование «либо для привлечения к уголовной ответственности по данному делу других лиц», либо «для предъявления обвиняемому другого обвинения, связанного с ранее предъявленным», либо «для изменения обвинения» и т. д. (ст. 232 УПК РСФСР).

Могут быть, конечно, обстоятельства, при которых привлечение к ответственности новых лиц, частичное прекращение дела или предъявление обвиняемому другого обвинения окажут влияние на имеющееся по делу обвинение, требуя изменения его в ту или иную сторону. Но здесь речь должна идти только о связи различных процессуальных явлений, а она не дает никакого основания для отождествления изменения обвинения с другими смежными правовыми явлениями.

Изменение обвинения в распорядительном заседании суда, как и в любой другой стадии советского уголовного процесса, представляет собой самостоятельный институт, нормы которого имеют специфический предмет правового регулирования. Полнота и четкость выражения этих норм, правильное их понимание и применение имеют важное значение.

Вопросы изменения обвинения в стадии предания суду регламентированы прежде всего в ст. 36 Основ, которая гласит, что «суд в распорядительном заседании может исключить из обвинительного заключения отдельные пункты обвинения или применить уголовный закон о менее тяжком преступлении, не изменяя при этом формулировки обвинения».

Эта норма значительно сужает, по сравнению с другими стадиями процесса, допустимые пределы изменения обвинения непосредственно в распорядительном заседании суда, поскольку в ней дается перечень таких изменений. Они сводятся к случаям, когда из обвинения или исключаются его «отдельные пункты», или происходит перекалфикация содеянного при тех же фактических признаках на другую уголовноправовую норму о менее тяжком преступлении. Отсюда логически вытекает вывод о том, что по действующим Основам уголовного судопроизводства в стадии предания суду возможны не все изменения обвинения, не связанные с переходом на

более тяжкое или существенно отличающееся обвинение.)

Регламентируя изменение обвинения в стадии предания суду, законодатель в одних союзных республиках буквально воспроизвел текст общесоюзной нормы (например, ст. ст. 245 УПК УССР, 213 УПК Казахской ССР, 205 УПК Молдавской ССР), в других — несколько уточнил его, заменив выражение «не изменяя при этом формулировки обвинения» словами «однако с тем, чтобы новое обвинение по своим фактическим обстоятельствам существенно отличалось от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении» (ст. ст. 227 УПК РСФСР, 229 УПК БССР, 253 УПК Литовской ССР и т. д.).

Вместе с тем в кодексах всех союзных республик, за исключением УССР, предусмотрена еще одна, дополнительная норма, предписывающая возвращать дело с распорядительного заседания суда органам предварительного расследования «для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам» от прежнего обвинения (ст. ст. 232 УПК РСФСР, 229 УПК Армянской ССР и др.).

Таким образом, полномочия суда на изменение обвинения в распорядительном заседании определены аналогично соответствующим полномочиям прокурора на предыдущем этапе уголовного процесса: суд, как и прокурор, обязан вернуть дело органам предварительного расследования для изменения обвинения только на более тяжкое или существенное, а во всех остальных случаях он вправе сам внести в обвинение те или иные коррективы. Между тем такое решение вопроса не совсем согласуется со ст. 36 Основ и представляется не всегда оправданным.

Вследствие известных особенностей отдельных стадий уголовного судопроизводства правовое регулирование изменения обвинения в каждой из них имеет свою специфику, и поэтому правила, разработанные для одних этапов процесса, могут оказаться отчасти неприменимыми для других.

Прокурор, в частности, по делу, поступившему с обвинительным заключением, может признать доказанным не принятые во внимание следователем факты, а равно составить при определенных условиях новое обвинитель-

ное заключение. Это не может не учитываться при определении его полномочий на изменение обвинения, поскольку возможность установления новых фактов имеет особое значение для существенности изменения обвинения, а составление нового обвинительного заключения позволяет процессуально оформить некоторые изменения, которые не могут быть произведены отдельным постановлением, без пересоставления обвинительного заключения по делу.

В отличие от этого судьи в стадии предания суду не могут признать доказанными какие-либо факты ни в том виде, как они описаны органами предварительного расследования и прокуратуры, ни с определенными уточнениями. Следовательно, вопрос о существенности изменения обвинения по фактическим признакам применительно к распорядительному заседанию суда совершенно неуместен, ибо он всегда должен обуславливаться установлением новых фактов, входящих в конструктивные признаки инкриминируемого обвиняемому состава преступления. Критерий существенности для данного этапа процесса применим только в одном случае — когда по делу необходимо квалифицировать деяние, которое прежде считалось единым преступлением, по дополнительной уголовноправовой норме как содержащее признаки идеальной совокупности преступлений. Здесь действительно ввиду существенности изменения обвинения дело должно возвращаться следователю или органу дознания для повторного предъявления обвинения с соответствующими изменениями.

По действующему уголовно-процессуальному законодательству суд в распорядительном заседании не наделен и правом составления нового обвинительного заключения. Само по себе это очень разумное ограничение, поскольку иначе некоторые действия судей приобретают обвинительные оттенки и могут быть неправильно поняты. Но вместе с тем оно неизбежно влечет за собой сужение оснований для изменения обвинения: за судом остается возможность изменения обвинения лишь при условии, если при этом, кроме всего прочего, не требуется пересоставления обвинительного заключения по делу.

В силу таких своеобразных обстоятельств нельзя было механически распространять правила изменения об-

винения, выработанные для прокурора, на стадию предания суду. В этой стадии процесса невозможны некоторые даже из таких изменений обвинения, которые не связаны с переходом на более тяжкое обвинение и несущественное. Подобные изменения осуществимы в распорядительном заседании лишь постольку, поскольку они могут быть процессуально оформлены определением суда, без составления нового обвинительного заключения по делу.

Вот почему в общесоюзном законе перечислены возможные варианты изменения обвинения в стадии предания суду, тем самым подчеркивается, что все другие изменения должны вноситься в обвинение не судом, а органами предварительного расследования и прокуратурой. В ст. 36 Основ указаны те изменения обвинения, которые, не будучи связаны с переходом на более тяжкое или существенно отличающееся обвинение, могут успешно производиться судом в распорядительном заседании и фиксироваться в определении о предании обвиняемого суду.

Какое же обвинение — сформулированное окончательно органом предварительного расследования или утвержденное прокурором — берется за отправное при определении допустимых пределов изменения его в распорядительном заседании суда? Вопрос этот неизбежно возникает по тем делам, по которым при утверждении обвинительного заключения прокурор уже однажды обвинение изменял.

Некоторые авторы отвечали на него так: «Когда формулировка обвинения в обвинительном заключении не соответствует обстоятельствам дела, суд должен исходить из пределов предъявленного обвинения, а не из обвинительного заключения» — и на этом основании допускали возможность вернуться при предании суду к первоначальному обвинению, если даже оно было изменено прокурором на менее тяжкое¹. Такое же мнение встречалось в отдельных решениях Верховного Суда СССР².

¹ См. М. И. Б а ж а н о в, указ. работа, стр. 23.

² См. «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР», М., 1948, стр. 200; «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1946, вып. VIII, стр. 20.

В кодексах одних союзных республик говорится об отличии производимых изменений от «первоначального обвинения» (например, ст. ст. 206 УПК Молдавской ССР, 229 УПК Киргизской ССР), в кодексах других — «от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении» (ст. ст. 227 УПК РСФСР, 229 УПК БССР и др.).

При трактовке этих норм ряд авторов высказывались за то, чтобы за отправное принималось обвинение, одобренное прокурором, и соответственно суд не имел права в распорядительном заседании вернуться к более тяжкому обвинению, фигурировавшему по делу до утверждения его прокурором¹. Однако некоторые процессуалисты, отвергая такой взгляд, по-прежнему утверждают, что в стадии предания суду могут быть восстановлены те пункты обвинения, которые исключены или смягчены прокурором².

Основным доводом, приводимым в подтверждение последней точки зрения, является то, что обвинение, которое было сформулировано следователем и вошло в первоначальный текст обвинительного заключения, известно обвиняемому, а о последующих изменениях его прокурором обвиняемому до суда не сообщается; поэтому с точки зрения гарантии права обвиняемого на защиту возвращение в распорядительном заседании суда к обвинению, предъявленному этому лицу в ходе следствия (дознания) по делу, никаких отрицательных последствий не имеет.

Такое соображение само по себе правильно, но оно оттеняет лишь один аспект проблемы и является весьма односторонним, тогда как другие, не менее принципиальные обстоятельства свидетельствуют о необходимости иного решения вопроса.

¹ См. «Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР» под ред. В. А. Болдырева, Госюриздат, 1963, стр. 406; С. В. Бородин, Рассмотрение судом уголовных дел об убийствах, «Юридическая литература», 1964, стр. 20—21 и др.

² См. И. М. Гальперин, В. З. Лукашевич, Предание суду, Госюриздат, 1965, стр. 60—62; В. З. Лукашевич, Гарантии прав обвиняемого в стадии предания суду, изд-во ЛГУ, 1966, стр. 74—78 и др.

Прежде всего на всех этапах советского уголовного процесса при определении допустимых пределов изменения обвинения за отправное берется обвинение, которое осталось в конце предыдущего этапа движения дела. Для прокурора это — обвинение, окончательно сформулированное органом предварительного расследования, для суда первой инстанции — обвинение, по которому человек предан суду, для кассационной инстанции — обвинение, признанное доказанным судом в приговоре, и т. д. И нет серьезных причин для того, чтобы только для одной стадии процесса — для предания суду — делалось исключение из этого принципиально важного правила.

Затем, на любом обычном этапе судопроизводства не допускается отягчение обвинения при сопоставлении с предыдущим этапом движения уголовного дела. Прокурор не вправе перейти на более тяжкое обвинение по сравнению со следователем, суд первой инстанции — по сравнению с преданием суду, кассационная инстанция — с судебным разбирательством, надзорная инстанция — с кассационным определением. И совершенно непонятно, почему это общее положение не должно применяться в стадии предания суду.

Далее, восстановление отдельных пунктов обвинения, исключенных прокурором, неизбежно предполагает чаще всего признание доказанными общественно опасных фактов (эпизодов, признаков), отвергнутых на предшествующем этапе движения дела. Между тем это противоречит природе и назначению стадии предания суду, поскольку в ней судьи ни при каких условиях не могут признать доказанными какие-либо факты.

Кроме того, включение в обвинение новых фактов или уголовноправовых норм, хотя в прошлом однажды и фигурировавших по делу, является по своей сущности мерой обвинительного порядка, поскольку в данной, дополнительной части обвиняемому надо вменить в вину то, что перед преданием суду ему не инкриминировалось. Это, безусловно, обвинительная, а не судебная функция. Советский суд не может принимать участия в такой функции: он сам никого не привлекает к уголовной ответственности в качестве обвиняемого, никого не обвиняет, никому не предъявляет нового или дополнительного обвинения и не совершает никаких иных процес-

суальных действий, в которых содержались бы признаки обвинительной деятельности¹.

Наконец, ст. 36 Основ, как и соответствующие нормы кодексов союзных республик, не только не расширяет пределы допустимых изменений обвинения в стадии предания суду, а, наоборот, значительно сужает их по сравнению с любой другой стадией процесса. И всякая попытка наделить распорядительное заседание суда такими полномочиями на изменение обвинения, какими не пользуется ни прокурор, ни суд первой инстанции, ни кассационная инстанция, не соответствует ни тексту, ни смыслу закона. Поэтому следует признать, что для стадии предания суду отправным является обвинение, одобренное прокурором, что тяжесть и существенность изменений, подлежащих внесению в обвинение при предании суду, должны определяться путем сопоставления именно с этим обвинением.

Так как в стадии предания суду недопустимо восстановление тех пунктов обвинения, которые были исключены или смягчены прокурором, возникает вопрос: обязательно ли дополнительное расследование в случаях, когда суд в распорядительном заседании приходит к выводу, что более правильным является не обвинение, оставленное прокурором при утверждении обвинительного заключения, а обвинение, сформулированное органами предварительного следствия или дознания.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство указывает, что судом с распорядительного заседания дело «направляется для дополнительного расследования прокурору» (ст. 232 УПК РСФСР), но прямого ответа на поставленный вопрос в нем не содержится. Теория и практика подсказывают, что в подобных случаях свою ошибку должен исправить сам прокурор. Получив дело с определением распорядительного заседания, он может составить новое обвинительное заклю-

¹ Изложенному не противоречит ни возбуждение судом нового уголовного дела, ни направление им дела для привлечения к уголовной ответственности новых лиц или для предъявления обвиняемому дополнительного обвинения, ни единоличные действия судьи, по формулированию обвинения по делам частного обвинения. По этому поводу см. подробно Ф. Н. Фаткуллин, Обвинение в судебный приговор, Казань, 1965, стр. 89—110.

чение и снова направить дело в суд для предания обвиняемого суду. Передача таких дел органам предварительного расследования не только привела бы к бессмысленному повторению ряда процессуальных действий, но и поставила бы их в совершенно непонятное положение, поскольку все то, что они сделали, было законным и обоснованным, речь идет только об исправлении ошибки прокурора, что не относится к компетенции следователя или органа дознания.

§ 2. КОНКРЕТНЫЕ ВАРИАНТЫ ИЗМЕНЕНИЯ ОБВИНЕНИЯ В СТАДИИ ПРЕДАНИЯ СУДУ

Рассматривая дело в распорядительном заседании, суд вправе в пределах, указанных в ст. 36 Основ, внести в одобренное прокурором обвинение различные изменения. Они могут быть связаны прежде всего с фабулой обвинения, предполагая исключение из нее отдельных фактов или их уголовноправовых признаков.

Исключение из обвинения конкретных фактических обстоятельств, охватываемых конструктивными признаками соответствующего состава преступления, в этой стадии процесса может обуславливаться в основном следующими причинами.

Во-первых, это может быть вызвано тем, что органы предварительного расследования и прокуратура включили в обвинение по делу действия (факты), которые даже при полной их доказанности могут считаться не уголовным, а лишь административным, гражданскоправовым или дисциплинарным правонарушением.

Так, в обвинение по делу Басыровой, которая привлекалась к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 147 УК РСФСР, следователем были включены наряду с другими действиями обвиняемой, содержащими признаки мошенничества, два эпизода, которые ни при каких условиях не могли расцениваться в качестве уголовноправовых, ибо речь шла о фактах временного позанимствования Басыровой 40 руб. у своих знакомых в рамках договора займа. В подобных случаях исключение из обвинения соответствующих фактов (эпизодов) есть результат более правильной правовой их оценки судом в распорядительном заседании.

Во-вторых, при предании суду те или иные действия обвиняемого могут отпасть ввиду того, что они уже были предметом рассмотрения компетентного на то органа и оставление их в фабуле обвинения по данному делу равнозначно повторному привлечению лица к ответственности за одни и те же факты.

Пихтелев привлекался к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 206 УК РСФСР за злостное хулиганство, совершенное в столовой одного завода 12 апреля 1967 г. В обвинение были включены также действия, связанные с нанесением побоев Хмелеву в январе того же года. По этим действиям в свое время возбуждалось другое уголовное дело: Пихтелев привлекался к ответственности по ч. 2 ст. 206 УК РСФСР, но в связи с тем, что побои наносились не из хулиганских побуждений, прокурор правильно усмотрел в них признаки только ч. 2 ст. 112 УК РСФСР и за отсутствием жалобы потерпевшего прекратил дело производством. Тем не менее эти факты снова фигурировали в обвинении Пихтелева по второму делу. В такой ситуации исключение из обвинения конкретных эпизодов (действий) объясняется недопустимостью повторного привлечения к уголовной ответственности за одни и те же факты при неотмененном решении по первому делу.

В-третьих, суд в распорядительном заседании может исключить из обвинения отдельные фактические обстоятельства в случаях, когда они органами предварительного расследования и прокуратурой включены в обвинение на основании одних предположений, при полном отсутствии конкретных фактических данных, которые в соответствии с законом могли бы считаться судебными доказательствами.

Алпатову было предъявлено обвинение по ч. 3 ст. 206, ч. 1 ст. 108 УК РСФСР за то, что он 4 ноября 1966 г. в нетрезвом состоянии злостно нарушал общественный порядок на железнодорожном вокзале, вместе со своими товарищами затеял драку с допризывниками, в которой один из них получил тяжкие телесные повреждения. Однако в деле не было никаких конкретных данных о том, что эти телесные повреждения причинены потерпевшему именно обвиняемым Алпатовым. В драке принимали участие более двадцати человек, во время свалки потерпевший оказался на рельсе железнодорож-

ного полотна, где его обнаружили в бессознательном состоянии через полчаса. Никто не видел, кто конкретно ударил потерпевшего тупым предметом.

Эксперты дали заключение, что телесные повреждения нанесены потерпевшему тупым предметом или могли быть получены им при падении на тупой предмет. Таким образом, по делу не было никаких доказательств, свидетельствующих о причастности обвиняемого к данному эпизоду. Данный эпизод вменялся Алпатову в вину только по предположению, что в драке он мог нанести удар в живот потерпевшему, повлекший повреждение тонкого кишечника, т. е. тяжкое телесное повреждение. При таких условиях суд в распорядительном заседании вправе исключить из обвинения предполагаемые факты, поскольку нет никаких доказательств, на основании которых при рассмотрении дела по существу можно было бы судить об их доказанности или недоказанности.

Наконец, исключение из обвинения отдельных фактов в стадии предания суду может являться следствием такой недостаточности доказательств и их источников, что даже при полном подтверждении их в судебном заседании не представится возможным считать эти факты установленными. Здесь суд не берет под сомнение доброкачественность имеющихся доказательств, не отбрасывает их, а признает их явно недостаточными для того, чтобы в судебном заседании, опираясь на них, можно было судить об их доказанности.

По этим причинам из обвинения могут исключаться факты разного рода. Одни из них могут носить характер самостоятельного действия (например, при сложных преступлениях или специальной повторности деяний), другие — характер квалифицирующих признаков содеянного, третьи — отягчающего вину обстоятельство и т. д. Но при любых обстоятельствах в результате исключения подобных фактов фабула предъявленного лицу обвинения сужается.

Сужение фабулы обвинения в свою очередь по-разному может сказаться на его юридической формулировке и правовой квалификации. Чаще всего оно влечет за собой переквалификацию содеянного на другую статью закона (ее часть) о менее тяжком преступлении или исключение из квалификации указания на некоторые пункты остающейся уголовноправовой нормы. Иногда исключе-

ние из обвинения отдельных эпизодов не влияет на общую юридическую оценку деяния в целом, не изменяет его квалификации. Однако так или иначе происходит изменение обвинения, поскольку из его фабулы исключаются некоторые факты.

В распорядительном заседании возможны и такие изменения обвинения, которые осуществляются при тех же фактических признаках инкриминируемого обвиняемому деяния и соответственно касаются лишь юридической формулировки и правовой квалификации содеянного. По своему характеру такие изменения тоже могут быть различными. Наиболее типичными из них являются следующие.

Иногда при предании суду выясняется, что в инкриминируемом обвиняемому деянии, которое органами следствия и прокуратуры квалифицировано по признакам нескольких статей уголовного закона, фактически нет признаков идеальной совокупности преступлений и поэтому неправильно включенные в квалификацию нормы подлежат исключению из обвинения.

Так, Вафин привлекался к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 170, ст. 175 УК РСФСР за то, что он, работая секретарем поселкового Совета, выдал гр-ну К. заведомо ложную справку. В распорядительном заседании суд пришел к выводу, что все содеянное охватывается составом должностного подлога (ст. 175 УК РСФСР) и дополнительной квалификации по ст. 170 УК РСФСР не требуется. Поэтому он исключил из обвинения последнюю из названных уголовноправовых норм.

Судебной практике известны также случаи, когда при предании суду делается вывод об уголовноправовом единстве действий, которые органами предварительного расследования и прокуратурой принимались за повторные деяния и квалифицировались по той статье уголовного закона (ее части), где предусматривается ответственность за неоднократное совершение одного и того же преступления. Например, единое хищение, совершенное в несколько приемов, в обвинительном заключении рассматривалось как повторное совершение преступления и квалифицировалось, при отсутствии иных отягчающих вину обстоятельств, по ч. 2 ст. 92 УК РСФСР, хотя в действительности оно подлежало квалификации по части первой этой статьи. В таких случаях суд, не предприняв

вопроса о доказанности самого деяния в целом, пере­квалифицирует его на соответствующую уголовноправо­вую норму о менее тяжком преступлении.

От этого несколько отличаются дела, при рассмотре­нии которых в распорядительном заседании суд иначе оценивает, при тех же фактических обстоятельствах, ин­криминируемое обвиняемому общественно опасное дея­ние.

По делу Ибрагимова, привлеченного к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 145 УК РСФСР за то, что он 11 сентября 1968 г., встретив на улице пьяного, завел его в недостроенный дом и снял с руки часы «Колос», судьи признали в этих действиях признаки не грабежа, а кра­жи. Соответственно действия обвиняемого были пере­квалифицированы на ч. 2 ст. 144 УК РСФСР, поскольку он в прошлом был судим за кражу. Подобные изменения обвинения вполне возможны в определении распоряди­тельного заседания суда.

[Любое изменение обвинения, производимое в стадии предания суду, должно мотивироваться. Это требование четко выражено в уголовно-процессуальных кодексах союзных республик (ст. 227 УПК РСФСР) и имеет важ­ное значение как для обеспечения обоснованности при­нимаемого судом решения, так и для гарантии права обвиняемого на защиту.

Во всех случаях, когда в стадии предания суду имело место изменение обвинения, подсудимому вместе с обви­нительным заключением вручается копия определения суда.

ИЗМЕНЕНИЕ ОБВИНЕНИЯ В СТАДИИ
СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

§ 1. ОБВИНЕНИЕ КАК ПРЕДМЕТ СУДЕБНОГО
РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

По советскому законодательству «правосудие по уголовным делам осуществляется только судом. Никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут наказанию иначе как по приговору суда» (ст. 7 Основ уголовного судопроизводства).

Никакие другие учреждения, организации и лица не могут взять на себя функции отправления правосудия, от имени государства признать человека виновным в совершении преступления и подвергнуть его уголовному наказанию. Равным образом ни в каком ином порядке, кроме как в судебном разбирательстве, и ни в каком другом процессуальном акте, кроме как в приговоре суда, обвинение не может разрешаться по существу, с признанием обвиняемого виновным в инкриминируемом преступном деянии¹.

Решение вопроса о виновности лица означает разрешение предъявленного ему обвинения по существу, отправление правосудия по уголовному делу. Оно происходит в стадии судебного разбирательства, и выводы суда по данному поводу фиксируются в приговоре.

Представляется несостоятельным мнение, что будто в судебном заседании исследуется не обвинение, а

¹ Критику взгляда, что одной из форм разрешения обвинения служит прекращение дела, см. подробно Ф. Н. Фаткуллин, Указ, работа, стр. 135—138.

деяние, которое действительно совершил подсудимый¹. Такая точка зрения внутренне противоречива и неверна по существу.

Всякое противопоставление обвинения в материально-правовом смысле тем противоправным фактам, которые исследуются в судебном заседании, уже само по себе нелогично, поскольку обвинение образуется именно из этих фактов. Но дело не только в логической ошибке. Нельзя представить уголовное судопроизводство таким образом, что якобы в нем органами предварительного расследования обвинение формулируется только для предъявления его обвиняемому и для представления его на утверждение прокурору, а потом оно якобы в пути к судебным органам где-то теряется и в сферу уголовно-процессуальной деятельности уже больше не входит.

В действительности ничего подобного не происходит. Формулированное органами следствия и одобренное прокурором обвинение при направлении дела в суд не исчезает, а, напротив, становится предметом судебного рассмотрения. После акта предания обвиняемого суду обвинение должно разрешаться по существу и им распоряжается только орган социалистического правосудия.

Касаясь данной стороны вопроса, М. С. Строгович справедливо подчеркивает, что «предметом разбирательства по уголовному делу является обвинение определенного лица в совершении определенного преступления. Суд не исследует тот или иной факт «вообще», он судит подсудимого, который обвиняется в совершении преступления. В своем приговоре суд должен признать установленными или не установленными именно те факты, которые входят в состав обвинения подсудимого»².

Иначе и быть не может. Утверждая обвинительное заключение, прокурор подтверждает обвинение для того, чтобы оно стало предметом судебного рассмотрения. Судья или суд в распорядительном заседании, предавая обвиняемого суду, тем самым принимает обвинение к

¹ Эту точку зрения наиболее отчетливо выразил В. Я. Дорохов в статье «Изменение обвинения в советском уголовном процессе», «Ученые записки Пермского университета», т. X, вып. 4, 1955, стр. 139.

² М. С. Строгович, Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, изд-во АН СССР, 1955, стр. 212—213.

судебному разбирательству, и после этого никто, в том числе и сами органы прокуратуры и предварительного расследования, не вправе снять обвинение с судебного разбирательства. И наконец, суд, постановляя приговор, разрешает обвинение по существу. Таким образом, характеристика и судебного разбирательства в целом, и приговора суда не может считаться полной, если они оторваны от обвинения в материальноправовом смысле. Отсюда коррелятивность понятий обвинения и приговора, свидетельствующая о том, что приговор суда является прежде всего средством разрешения по существу обвинения по делу. Это — один из основных отличительных признаков акта социалистического правосудия, помогающих последовательно отмежевывать его от всех иных процессуальных решений (определений и постановлений). При этом законодатель специально подчеркивает, что «разбирательство дела в суде производится только в отношении обвиняемых и лишь по тому обвинению, по которому они преданы суду» (ст. 42 Основ). Он, таким образом, строго ограничивает предмет судебного разбирательства по каждому делу определенным обвинением, исключая возможность превращения в подсудимого лица, которому в установленном порядке не предъявлено обвинение, и осуждения обвиняемого за преступление, не вмененное ему в вину до суда. Это объясняется прежде всего тем, что суд как орган социалистического правосудия не может взять на себя функции предъявления кому бы то ни было обвинения, и диктуется интересами обеспечения законности и обоснованности обвинения, гарантии обвиняемому конституционного права на защиту, создания необходимых условий для достижения по каждому делу объективной истины и постановления правосудного приговора.

Вместе с тем законодатель исходит из независимости судей и подчинения их только закону, обязывает их принять все меры к всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела, наделяет их самой активной ролью в исследовании всех доказательств и их источников и правом оценки последних по своему внутреннему убеждению (ст. ст. 15, 16, 20, 71, 243 УПК РСФСР).

Такие начала судебного разбирательства, как коллегиальность, гласность, устность, непосредственность,

активное участие в нем обвинителя, подсудимого, защитника, потерпевшего и т. д. создают наиболее благоприятные условия для всесторонней и критической оценки всех фактических материалов, как собранных органами предварительного расследования, так и полученных самим судом или представленных на его рассмотрение участниками процесса. При этом могут отпасть некоторые доказательства или выясниться новые, прежде неизвестные или оставленные без достаточного внимания; возможна несколько иная, нежели на предыдущих этапах процесса, оценка тех или иных доказательств и их источников; могут отпасть определенные факты или уточниться их признаки; те же самые действия подсудимого могут получить иную правовую оценку и т. п. Все это подчас лишает суд возможности разрешить обвинение в том виде, в каком оно известно подсудимому, ставит судей перед необходимостью внесения в обвинение определенных коррективов, постановления частично оправдательного приговора, направления дела для привлечения к уголовной ответственности других лиц или для предъявления подсудимому нового обвинения и возбуждения нового уголовного дела. Эти судебные решения существенно отличаются друг от друга, и четкое их разграничение в стадии судебного разбирательства имеет важное значение.]

Отграничение изменения обвинения в судебном заседании от привлечения к ответственности новых лиц или от оправдания одного из подсудимых не представляет сложности. Вопрос решается сравнительно просто и в случаях, когда судом выявляются основания для предъявления подсудимому нового обвинения в ранее неизвестном самостоятельном преступном деянии или для оправдания его в одном из предъявленных обвинений, сформулированных по признакам реальной совокупности преступлений. Но он решается труднее по тем делам, при судебном рассмотрении которых судьи приходят к выводу о наличии признаков еще одного самостоятельного состава преступления в тех действиях (фактах), которые органами следствия и прокуратуры были включены в фабулу предъявленного подсудимому обвинения, причем здесь могут быть разные варианты.

Возможно установление в таких фактах признаков

идеальной совокупности преступлений, по одному из которых следователь ошибочно не предъявлял обвинение. В данной ситуации налицо изменение обвинения, а не предъявление подсудимому другого, дополнительного обвинения, так как фабула обвинения, рассматриваемого в суде, охватывает признаки одновременно нескольких составов преступления и потому в результате исправления ошибки, допущенной органами предварительного расследования и прокуратуры, преобразуется только правовая квалификация имеющегося по делу обвинения, которое в этой своей части уже становится сложным. По делам названной категории суд должен руководствоваться не ст. 255, а ст. 254 УПК РСФСР, определяя допустимость изменения обвинения в соответствии с изложенными в данной статье правилами.

Иногда же в ходе судебного разбирательства судьи убеждаются в том, что часть противоправных действий (бездействий), включенных следователем в фабулу предъявленного лицу обвинения, в действительности не охватывается тем конкретным преступлением, за которое обвиняемый предан суду, а образует вместе с ним реальную совокупность преступлений и предполагает формулирование нового (дополнительного) обвинения, подлежащего предъявлению наряду с тем, что уже является предметом судебного разбирательства. Такие случаи в законе прямо не регламентированы. В юридической литературе они тоже не освещены. Лишь В. Н. Кудрявцев вскользь упоминает о возможности переквалификации в судебном заседании действий обвиняемого «с одной статьи на две, если они в совокупности предусматривают лишь часть ранее предъявленного обвинения»¹. Некоторые судьи на практике при отмеченной ситуации тоже руководствуются ст. 254 УПК РСФСР, поступая так же, как и при обнаружении в инкриминируемых действиях подсудимого признаков идеальной совокупности преступлений. Однако вряд ли это правильно.

В подобных случаях сужение фабулы обвинения, по которому лицо предано суду, связано с формулированием другого самостоятельного обвинения. Хотя факты,

¹ В. Н. Кудрявцев. Теоретические основы квалификации преступлений, Госюриздат, 1963, стр. 25.

выделяемые в дополнительное обвинение, и фигурировали по делу, однако они считались частью другого преступления и охватывались юридической формулировкой и правовой квалификацией данного деяния. Они не имели никакой самостоятельности, защита против них специальной подготовки не требовала. Хотя выделение таких противоправных фактов в качестве самостоятельного преступного деяния и означает некоторое изменение прежнего обвинения, однако в этой ситуации правильнее говорить все же о предъявлении лицу нового обвинения, а не просто об изменении имеющегося по делу обвинения. Изменения, происходящие в фабуле прежнего обвинения, неизбежно перерастают в формулирование дополнительного обвинения. Такой вывод следует не только из того, что указанные общественно опасные факты по своему существу и не могли рассматриваться в качестве части разрешаемого судом обвинения, ибо они были искусственно притянуты к данному обвинению, не имеющему с ним органического единства. Вывод этот напрашивается главным образом потому, что подобные факты составляют самостоятельный состав преступления и вместе с деянием, рассматриваемым в суде, образуют реальную совокупность, требуя два самостоятельных обвинения в материально-правовом смысле. Одно из этих обвинений предъявлено подсудимому в установленном законом порядке. Другое же ему пока неизвестно: до удаления судей в совещательную комнату для постановления приговора никто его подсудимому не предъявлял. Хотя те факты, которые должны быть выделены в самостоятельное обвинение, и фигурировали по делу, однако по ним органы предварительного расследования и прокуратуры требуемого по закону обвинения не формулировали, не говоря уже о том, что по данному преступлению обвиняемый суду не предан. Постановление в том же судебном заседании приговора и по второму из обвинений придает действиям суда обвинительный оттенок и не соответствует ст. 254 УПК РСФСР, согласно которой разбирательство дела в суде производится только по тому обвинению, по которому подсудимый предан суду.

Эти доводы говорят о том, что при исключении из предъявленного подсудимому обвинения противоправ-

ных фактов, образующих еще одно самостоятельное преступное деяние (а вместе с рассматриваемым в суде деянием—реальную совокупность преступлений), требуется формулирование нового, дополнительного обвинения. В таких условиях суду следует руководствоваться ст. 255 УПК РСФСР, определяющей порядок предъявления лицу обвинения в преступлении, которое обнаружено в ходе судебного разрешения другого обвинения.

Аналогичное решение вопроса можно рекомендовать также по делам, в процессе рассмотрения которых суд признает необходимым выделить из предъявленного обвинения и обособить одно из преступных деяний подсудимого, включенное по признакам специальной повторности органами следствия в фабулу одного сложного обвинения и квалифицированного по одной уголовноправовой норме.

Матвеев был предан суду по ч. 2 ст. 145 УК РСФСР за то, что в октябре 1967 года совершил два грабежа, а в судебном заседании обнаружилось, что первое из этих деяний содержит признаки кражи, должно квалифицироваться самостоятельно, и потому подсудимому следовало предъявить обвинение по ч. 1 ст. 144, ч. 2 ст. 145 УК РСФСР. При таких обстоятельствах требуется тоже формулирование нового (дополнительного) обвинения, и потому суд должен руководствоваться ст. 255 УПК РСФСР. Иное решение вопроса не согласуется с понятием и принципами обвинения в советском уголовном процессе, ущемляет право обвиняемого на защиту и может отрицательно сказаться на интересах социалистического правосудия.

Говоря об изменении обвинения в стадии судебного разбирательства, мы имеем в виду случаи, когда суд сталкивается с недостатками, характеризующими непосредственно разрешаемое им обвинение, когда выявляются неточности и пробелы, свойственные либо его фабуле, либо юридической формулировке, либо правовой квалификации, либо одновременно всем частям обвинения. Для устранения таких недостатков и производится изменение обвинения, по которому лицо предано суду.

Регламентируя эти изменения, действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает: «Изменение обвинения в суде допускается, если этим

не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту. Если изменение обвинения влечет за собой нарушение права подсудимого на защиту, суд направляет дело для дополнительного следствия или дознания.

Не допускается изменение обвинения в суде на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, по которому обвиняемый предан суду.

Если изменение обвинения заключается в исключении части его или признаков преступления, отягчающих ответственность подсудимого, суд вправе продолжать разбирательство дела» (ст. 254 УПК РСФСР).

Из содержания этой нормы явствует, что в стадии судебного разбирательства не допускается изменение обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся, что иные изменения могут вноситься в обвинение непосредственно в судебном заседании.

При определении тяжести и существенности производимых судом изменений за отправное берется обвинение, по которому лицо предано суду. Хотя в кодексах отдельных союзных республик текстуально говорится о «первоначально предъявленном обвинении» (ст. ст. 282 УПК Казахской ССР, 277 УПК УССР), но это лишь редакционная неточность, поскольку ст. 42 Основ применительно к данной стадии процесса в качестве исходного указывает на обвинение, по которому обвиняемый предан суду.

Всякое изменение обвинения, производимое непосредственно в стадии судебного разбирательства, находит свое выражение в самом приговоре.

Законодатель не принял предложения некоторых процессуалистов об оформлении изменения обвинения в судебном заседании специальным определением, выносимым до последнего слова подсудимого¹. Такой порядок не мог обеспечить отыскания объективной истины и необходимой подготовки подсудимого к защите по делу. Кроме того, он связан с рядом других отрицатель-

¹ См. В. Я. Дорохов, Изменение обвинения в советском уголовном процессе, «Ученые записки Пермского университета», т. X, вып. 4, 1955, стр. 156; И. Д. Перлов, Приговор в советском уголовном процессе, Госюриздат, 1960, стр. 254.

ных последствий. При реализации подобных предложений суд был бы вынужден сначала в совещательной комнате признать подсудимого виновным, определить свое отношение к квалификации содеянного, оформить решение по данному поводу специальным определением, официально сообщить об этом решении подсудимому, защитнику и остальным участникам процесса, а затем, после публичного оглашения принятых им решений, снова приступить к рассмотрению дела. Таким образом были бы поколеблены важнейшие условия постановления приговора; судьи еще до возобновления судебного следствия связали бы себя уже принятым решением относительно виновности подсудимого в инкриминируемых ему действиях (бездействии) и квалификации их, а потому дальнейшая судебная процедура, в том числе вынесение приговора, свелась бы к обсуждению меры наказания.

Следовательно, под изменением обвинения в судебном заседании подразумевается изменение его в приговоре суда. Такой вариант, являясь наиболее удачным с различных точек зрения, предполагает строгое определение полномочий суда на изменение обвинения без направления дела на дополнительное расследование, поскольку в этом случае подсудимый и остальные участники судопроизводства об окончательном мнении суда узнают только после оглашения приговора. Правда, по ходу рассмотрения дела в судебном заседании иногда возможно оттенить те фактические и юридические факторы, которыми обуславливаются возможные изменения обвинения, и заинтересованные лица могут изложить во время судебных прений свои суждения по таким обстоятельствам, а также представить по ним свои письменные соображения в порядке ст. 298 УПК РСФСР. Однако при всех условиях точное решение суда им становится известно лишь тогда, когда дополнительные возражения перед судом первой инстанции оказываются уже бесполезными. Причем характерно, что ныне действующее законодательство, определяя полномочия суда на изменение обвинения в приговоре, объем изменений ни в какой степени не ставит в зависимость от позиции подсудимого и его защитника. Законодатель отказался от существовавшего в прошлом правила, согласно которому в некоторых случаях, когда речь шла об отягчении

положения подсудимого, право суда на изменение обвинения зависело от согласия участников процесса (ст. 313 УПК РСФСР 1923 г.). Это правило, не вполне согласуясь с конституционным принципом независимости судей и подчинения их только закону, вместе с тем не служило достаточной гарантией правосудности приговора. Советский суд, исходя из публичного (государственного) начала, должен принимать любое решение в соответствии с законом и по своему убеждению.

Пределы возможных изменений обвинения в приговоре зависят не от субъективного отношения к этому какого-либо лица, а от объективных обстоятельств, от характера недочетов, присущих обвинению по делу, и от их последствий.

Всегда ли обязательно возвращать дело именно органам предварительного расследования, если необходимо изменить обвинение на более тяжкое или существенно? При буквальном понимании требования ст. 254 УПК РСФСР на этот вопрос можно ответить утвердительно, поскольку в этой норме говорится о направлении дела «для дополнительного следствия или дознания». Однако по существу такой ответ не всегда приемлем.

Иногда в результате судебного разбирательства может выясниться правильность первоначального обвинения, измененного без достаточных оснований прокурором при утверждении обвинительного заключения или судом в распорядительном заседании при предании обвиняемого суду.

По делу Ефремова, привлеченного к уголовной ответственности за нанесение двух ножевых ран гр-ке Н. в правую часть грудной клетки и левой лопатки, следователь квалифицировал его действия по ст. ст. 15—103 УК РСФСР, а прокурор изменил правовую квалификацию на ч. 1 ст. 108 УК РСФСР.

При судебном же разбирательстве дела судьи пришли к выводу, что органами предварительного расследования обвинение было сформулировано правильно, ибо обвиняемый эти ранения наносил с целью лишения Н. жизни.

По делу Сиделькина, привлеченного к уголовной ответственности за систематическое нанесение побоев своей жене, обвинительное заключение было утвержде-

но прокурором по ст. 113 УК РСФСР, а суд в распорядительном заседании, не найдя в действиях обвиняемого признаков истязания, переквалифицировал их на ч. 1 ст. 112 УК РСФСР.

В судебном заседании судьи убедились в том, что действия подсудимого действительно носили характер истязания и изменение обвинения в стадии предания суду было неоправданным. В подобных случаях бессмысленно возвращать дело следователю или органу дознания. Оно должно быть направлено тому органу, который на соответствующем этапе процесса необоснованно изменил обвинение, правильно сформулированное на предыдущих стадиях уголовного судопроизводства. Исправив свою ошибку, этот орган должен дать дальнейший ход данному делу в общем порядке.

§ 2. ИЗМЕНЕНИЯ В СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ ОБВИНЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ЕГО ФАБУЛОЙ

Как уже отмечалось, фактическая фабула — наиболее значимая составная часть любого обвинения, во многом предопределяющая свойства остальных его элементов. Она охватывает всю совокупность фактов, составляющих реальное содержание усматриваемого в действиях обвиняемого состава преступления. Недостатки, встречающиеся в обвинениях, чаще всего касаются данного их элемента. Специальные подсчеты, проведенные нами за несколько последних лет по материалам народных судов г. Казани, позволяют сказать, что около 78—85% изменений, которые вносятся в обвинения при судебном разбирательстве уголовных дел, связаны с недочетами фабулы обвинения.

Всякое изменение обвинения в части его фабулы происходит из-за установления судом новых фактов или признания им недоказанными, несуществующими тех, которые фигурировали в предшествующих стадиях процесса. Но следует подчеркнуть, что не всякий новый факт и отпадение не каждого ранее известного обстоятельства по делу влекут за собой изменение фабулы обвинения. Только тем фактам, которые прямо охватываются составом вменяемого подсудимому в вину преступления и непосредственно входят в содержание обви-

нения по делу, можно придать такое значение. Этот вывод должен учитываться при рассмотрении всех возможных вариантов изменения обвинения в судебном заседании.]

Рассмотрим эти варианты более подробно.

I. Судебное исследование доказательств и их источников, как собранных на предварительном следствии, так и дополнительно полученных в ходе судебного разбирательства дела, подчас приводит к отпадению отдельных действий или эпизодов (фактов), включенных в обвинение как часть инкриминируемого подсудимому деяния.]

Ризванов был предан суду по ст. 113 УК РСФСР за то, что он неоднократно избивал свою мать и жену: ему вменялись в вину пять конкретных эпизодов нанесения побоев, имевших место в 1963-1967 гг. Но в судебном заседании выяснилось, что два эпизода — причинение телесных повреждений жене летом 1963 года и осенью 1964 года — вменены подсудимому в вину только на основании противоречивых показаний потерпевшей и больше никакими доказательствами не подтверждаются. В подобных случаях речь идет о сужении фабулы сложного обвинения, об исключении из нее отдельных фактов (эпизодов), которые составляли часть инкриминируемого лицу составного, продолжаемого, повторного или собирательного преступления.] Отпадение таких фактов по одним делам влечет переквалификацию содеянного, по другим — не влечет. Но так или иначе это не ухудшает положения подсудимого и не нарушает его права на защиту, обвинение становится менее тяжким. Поэтому аналогичные изменения производятся судом непосредственно в приговоре, без возвращения дела на новое расследование.

Иногда сужение фактической фабулы обвинения может быть вызвано не отпадением определенных фактов, а отсутствием в них уголовноправовых признаков или непричастностью подсудимого к этим фактам.]

Так, подсудимому Фадееву, привлеченному к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 206 УК РСФСР за хулиганские действия, в качестве единичного обстоятельства вменялось в вину «постоянное сожительство с матерью своей жены», хотя этот факт даже при своей доказанности является не уголовным правонарушением, а аморальным поступком.

Подобные случаи тоже составляют один из возможных вариантов изменения фабулы обвинения, связаны с сужением ее пределов. Они осуществляются в описательной части приговора, где суд после соответствующей мотивировки исключает из обвинения отпавшие факты и, если требуется, сразу же дает содеянному другую правовую квалификацию; никакого дополнительного решения в резолютивной части приговора не принимается, здесь судьи исходят уже из измененного обвинения.

2. Судебное разбирательство дела иногда показывает, что органами следствия упущены отдельные противоправные действия подсудимого, составляющие вместе с рассматриваемым в суде деянием единое преступление или дающие специальную повторность с единой правовой квалификацией. Включение таких новых фактов в обвинение всегда расширяет фактическую фабулу, значительно отягчает обвинение в целом. Независимо от того, меняется правовая квалификация содеянного или не меняется, положение подсудимого ухудшается. Следовательно, суд при такой ситуации не вправе сам изменить обвинение, а должен направить дело органам предварительного расследования, о чем, кстати, имеются неоднократные указания вышестоящих судов¹.

Из данного общего положения можно, пожалуй, найти только одно исключение, касающееся некоторых сложных преступлений. Если, в частности, лицо предано суду за занятие запрещенным промыслом и ему вменены в вину десятки таких противоправных действий, то выявление в судебном заседании еще одного однородного факта не изменяет пределов фабулы обвинения. Точно так же должен решаться вопрос и при обвинении в спекуляции в виде промысла, в коммерческом посредничестве в виде промысла и т. п., если включенные в обвинение отдельные преступные действия и без новых фактов вполне достаточны для того, чтобы признать подсудимого виновным в превращении этих преступных действий в постоянный источник нетрудовых доходов.

¹ См «Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР», Госюриздат, 1960, стр. 127—128, «Социалистическая законность» 1963 г. № 10, стр. 80.

Это исключение объясняется тем, что при обвинении лица в совершении какого-либо уголовного правонарушения в виде промысла не обязательно исчерпывающим образом устанавливать все его действия. Для этого достаточно доказать наличие промысла, превращения спекуляции, коммерческого посредничества, незаконной порубки леса или других общественно опасных действий в основной или вспомогательный источник доходов. Обвинение в промысле охватывает все аналогичные преступные действия виновного независимо от их количества. Поэтому появление в суде нового однородного эпизода несколько не меняет фабулы обвинения, не отягчает его. Не ухудшается и положение подсудимого, не нарушается его право на защиту, поскольку ему по-прежнему приходится отвечать перед судом за совершение преступления в виде промысла, защищаться только от него.

3. При рассмотрении некоторых дел судьи убеждаются в том, что органами следствия без достаточных оснований разъединены на два и более обвинений действия подсудимого, являющиеся по существу единым преступлением или подлежащие квалификации по одной уголовноправовой норме ввиду наличия специальной повторности.

Игнатъев был предан суду по ч. 2 ст. 145, ч. 2 ст. 206 УК РСФСР за то, что он 18 ноября 1967 г. сначала сбил с ног гр-на К. около его палисадника, а затем, когда потерпевший вбежал во двор своего дома, догнал его, нанес два удара по лицу и отнял у него деньги.

В результате тщательного анализа этих действий судьи пришли к выводу, что все действия являются отдельными звеньями одного деяния — грабежа, что нанесение удара около палисадника не может расцениваться как хулиганство, предшествовавшее грабежу.

Сардинов был предан суду по ч. 1 ст. 144, ч. 2 ст. 144 УК РСФСР за то, что он в июне 1964 года в течение одной недели совершил две кражи: сначала похитил ценные вещи из квартиры гр-на П., а затем украл мотоцикл у своего брата С. Хотя при судебном разбирательстве полностью подтвердились обе кражи, тем не менее судьи могли признать подсудимого виновным только по ч. 2 ст. 144 УК РСФСР, так как благодаря специальной повторности диспозиция этой нормы охватывала все содеянное в целом.

В таких случаях фабула остающегося обвинения может расширяться, поскольку в нее вливаются факты, которые органами следствия были выделены в качестве самостоятельного, обособленного преступного деяния. Тем не менее здесь вряд ли можно говорить об изменении обвинения на более тяжкое или существенно. Все те факты, за счет которых до некоторой степени расширяется фабула обвинения, вменялись подсудимому в вину и до судебного заседания, причем как самостоятельные преступления. От того, что суд не признает за ними свойства отдельного преступного деяния или объединяет их при правовой квалификации, положение подсудимого не ухудшается и его право на защиту не нарушается. Поэтому судьи в приговоре могут произвести подобное изменение обвинения, исключив из него те статьи уголовного закона, которые применялись по делу искусственно.

4. В процессе судебного следствия может быть выявлена неточность установленных органами следствия (дознания) фактов, характеризующих вину подсудимого и ее форму. Имеющимися доказательствами, к примеру, в судебном заседании подтверждается умысел, а в обвинении значится неосторожность; или, наоборот, подсудимый фактически не сознавал общественной опасности своего действия или бездействия и не предвидел его последствий (хотя мог и должен был сознавать и предвидеть), а ему предъявлено обвинение в умышленном преступлении. Могут быть также случаи, когда во время судебного разбирательства дела выявляется другой вид умысла или неосторожности, нежели указанный в обвинении, а равно обнаруживается ошибка органов следствия в определении намерений подсудимого, характера и направленности его умысла. Изменения такого рода сказываются на обвинении в той мере, в какой они влияют на существо усматриваемого в содеянном составе преступления. Разные формы вины, например, важны при обвинении в преступлениях против личности, при должностных и многих других преступлениях. Форма умысла приобретает принципиальное значение при обвинении в покушении на преступление, поскольку последнее, как указывалось Пленумом Верховного Суда СССР, может быть лишь с прямым умыслом¹.

¹ См. «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1963 г. № 1, стр. 20—22.

Обнаружение в судебном заседании прямого умысла вместо косвенного или умышленной формы вины вместо неосторожной никогда не превращает обвинение в менее тяжкое. Оно часто вызывает заметное отягчение обвинения, переход на другую уголовноправовую норму о более тяжком преступлении. В этих случаях суд сам не изменяет обвинение, а направляет дело в прокуратуру и органам предварительного расследования.

Выявление же в суде косвенного умысла вместо прямого или неосторожной формы вины взамен умышленной превращает обвинение в менее тяжкое, улучшает положение подсудимого. Подобные изменения всегда возможны непосредственно в приговоре независимо от того, влекут они какую-либо переквалификацию содеянного или не влекут.

Изменение в судебном заседании фактических данных о преступных намерениях подсудимого и направленности его умысла может повлечь за собой как отягчение обвинения, так и превращение его в менее тяжкое. Соответственно вопрос о допустимости изменения обвинения судом непосредственно в приговоре всегда решается в зависимости от того, каким — более или менее тяжким — должно стать известное подсудимому обвинение в результате уточнения сведений о формах вины и о направленности умысла данного лица. Если обвинение становится более тяжким, дело возвращается органам прокуратуры и следствия. В остальных случаях необходимые изменения могут вноситься в обвинение самим судом.

5. Судебное следствие иногда приводит к изменению фактов, отражающих мотив и цель совершенного подсудимым деяния. Эти изменения тоже влияют на обвинение в той мере, в какой мотив и цель охватываются конструктивными признаками соответствующего состава преступления. Когда в судебном заседании не находят подтверждения специальные мотив и цель, происходит такое видоизменение обвинения, которое идет в сторону облегчения положения подсудимого. Какая бы переквалификация ни произошла вследствие этих изменений, она не отягчает положения подсудимого, не нарушает его права на защиту, поскольку речь идет об отпадении части тех юридически значимых фактов, которые ему раньше вменялись в вину. Поэтому в подобных случаях суд вправе изменить обвинение в своем приговоре, если даже это

связано с переходом на другую статью уголовного закона.

Вопрос решается иначе, если суд сталкивается с мотивом и целью, которые на предварительном следствии остались неустановленными, несмотря на то, что они учитываются конструктивными признаками данного состава преступления и меняют существо обвинения. Например, лицо было предано суду по ст. 103 УК РСФСР за умышленное убийство «в драке», т. е. без специального мотива и цели, а судьи пришли к выводу, что смерть потерпевшему причинена все же из хулиганских побуждений. В таких случаях речь идет об изменении обвинения на более тяжкое, ибо наличие специального мотива и цели делает совершенное преступление более опасным, сопряженным с квалифицирующими признаками, и предполагает применение уголовного закона с более суровой санкцией. Ухудшается положение подсудимого и осложняется его защита, которой уже предстоит оспаривать также и наличие специального мотива и цели деяния.

Суд не может произвести такие изменения обвинения, а должен для этого направить дело органам предварительного расследования.

Возможно установление в судебном заседании другого специального мотива преступления, заменяющего указанный в обвинении. Допустим, при рассмотрении дела об умышленном убийстве из хулиганских побуждений обнаруживается, что в действительности подсудимый, совершая преступление, руководствовался корыстными побуждениями. Сравнительная тяжесть обвинений почти не меняется, но по фактическим обстоятельствам они отличаются друг от друга существенно, ибо в фабуле обвинения происходит замена одних фактов другими и в результате требуется изменение юридической формулировки и правовой квалификации содеянного. Хотя положение подсудимого остается примерно таким же, однако весьма серьезно нарушается система защиты — подсудимому и его защитнику надо перестроиться, готовить доводы против неожиданно появившегося мотива (цели), меняющего юридические признаки инкриминируемого деяния.

Следовательно, при указанной ситуации суду надо воздержаться от изменения обвинения прямо в приговоре: лучше передать дело на дополнительное расследование

с тем, чтобы в максимальной мере быть гарантированным от возможных ошибок и наилучшим образом обеспечить право обвиняемого на защиту.

В принципе немыслимо выявление на судебном заседании второго специального мотива, который дополнял бы уже включенный в обвинение мотив совершения преступления и наряду с ним оказывал влияние на юридические признаки содеянного. Несмотря на всю сложность психологии преступления, на возможность переплетения в нем различных человеческих страстей и побуждений, в каждом конкретном деле можно и нужно выделить мотив, являющийся основным, решающим и имеющий во всех отношениях преобладающее значение. Вполне допустима множественность так называемых общих или побочных мотивов деяния, но трудно представить случай, когда виновный руководствовался двумя и более побуждениями решающего порядка, имеющими с точки зрения уголовного закона одинаково квалифицирующее значение¹.

Судебная практика подтверждает, что по делам, при расследовании которых лицу предъявляется обвинение в совершении преступного деяния одновременно по нескольким мотивам, в суде неизбежно встает вопрос об изменении первоначального обвинения, об исключении из него тех мотивов (цели), которые были подчинены главному психологическому настрою виновного.

Зиновьев был предан суду за то, что он 10 апреля 1966 г. совместно с Кузьминым совершил кражу дефицитных строительных материалов, но при дележе их поссорился с Кузьминым и нанес ему ножевое ранение в область грудной клетки, от чего тот скончался на месте происшествия. Эти действия органами следствия и прокуратурой квалифицировались по ч. 2 ст. 89, пп. «а», «б», «е» ст. 102 УК РСФСР, что фактически означало совершение убийства из корысти, из хулиганских побуждений и в целях сокрытия совершенной кражи. Однако при рассмотрении дела по существу судьи не могли согла-

¹ Интересные соображения по этому поводу приводятся в статье С. В. Бородина «Ответственность за убийство из хулиганских побуждений» («Советская юстиция» 1964 г. № 8, стр. 7); в работе Б. С. Волкова «Мотив и квалификация преступлений» (изд-во КГУ, 1968, стр. 17—29).

ситься с такой оценкой содеянного и исключили из обвинения пп. «а», «е» ст. 102 УК РСФСР, убедившись в том, что главным мотивом убийства являлся все же хулиганский мотив.

Таким образом, недостатки обвинения в части мотива и цели преступного деяния могут по-разному отразиться на его существе и повлечь различные процессуальные последствия. Способы их устранения неодинаковы. Вряд ли оправдана попытка И. Д. Перлова решить вопрос о допустимости таких изменений в зависимости только от того, были ли на предварительном следствии исследованы фактические обстоятельства, которые обосновывают выявленный в суде мотив преступления¹. Этот фактор имеет определенное значение, тем не менее он не обеспечивает правильного определения допустимых пределов изменения судом обвинения в связи с обнаружением новых данных о мотиве (цели) содеянного или иной их оценкой. Не исключена возможность, что, допустим, следователем проверялась версия о совершении убийства из корыстных или хулиганских побуждений; она, по его мнению, не подтвердилась, и содеянное до суда квалифицировалось по ст. 103 УК РСФСР, а в судебном заседании судьи пришли к выводу, что преступление совершено подсудимым все же из корысти. Вне всякого сомнения, что при таких условиях суд не вправе сам изменить обвинение, хотя те фактические данные, которые говорят о наличии корыстного мотива, и проверялись органами предварительного расследования. Важно не то, проверялись ли следователем (органом дознания) доказательства, касающиеся мотива совершения преступления, а вменен ли специальный мотив как главный побудитель деяния обвиняемому в вину. Если он не вменялся лицу в вину при предании суду, то дело подлежит возвращению на тот этап судопроизводства, где должна исправляться допущенная ошибка.

6. Необходимость изменения обвинения может обуславливаться новыми выводами суда о месте, способе и времени совершения преступного деяния или о характере причиненного им вреда, если эти обстоятельства ох-

¹ См. И. Д. Перлов, Приговор в советском уголовном процессе, Госюриздат, 1960, стр. 248—249.

ватываются конструктивными признаками данного состава преступления.

Место, время и способ совершения преступления, а равно его материальные последствия по ряду дел не имеют квалифицирующего значения; их выяснение нужно лишь для полноты доказывания и индивидуализации меры наказания. В этих случаях те или иные уточнения, внесенные в судебном заседании в эти обстоятельства, несколько конкретизируют обвинение, но не изменяют его содержания. Когда же при инкриминируемом подсудимому преступлении время, место и способ выступают в качестве квалифицирующих признаков, они могут повлечь видоизменение обвинения. Если в суде эти признаки отпадают, то обвинение становится менее тяжким. При выявлении этих признаков, упущенных на более ранних этапах процесса, непосредственно в судебном заседании обвинение, наоборот, отягчается.

Новые данные о вредных последствиях материальных преступлений видоизменяют обвинение. В одних случаях они сужают его фабулу (например, при разбирательстве дела о халатном отношении к должностным обязанностям выясняется, что причиненный действиями подсудимого ущерб значительно меньше, чем указанный в обвинительном заключении) и поэтому обвинение становится менее тяжким. В других случаях такие данные, наоборот, существенно расширяют фабулу обвинения, свидетельствуя о большем объеме нанесенного вреда, чем это значится в материалах предварительного следствия. Соответственно этому здесь обвинение отягчается, если даже нет необходимости в переквалификации содеянного (например, если была ч. 3 ст. 92 УК РСФСР, то она и остается, но сумма хищения в пределах этой нормы значительно увеличивается). Наконец, новые данные о последствиях деяния, не сужая и не расширяя фабулы обвинения, могут повлечь только переквалификацию содеянного. Например, в судебном заседании обнаруживается, что произведенный подсудимой аборт повлек тяжелые последствия для здоровья потерпевшей, о чем органам следствия не было известно. При таких обстоятельствах изменение обвинения в судебном приговоре недопустимо, если вновь появившиеся сведения о последствиях выступают в качестве квалифицирующего признака преступления, и потому речь идет о переходе на другую

статью закона (ее часть) о более тяжком преступлении.

7. Вопрос об изменении обвинения в судебном заседании может возникнуть в связи с новыми данными по поводу иных отягчающих вину обстоятельств, учитываемых конструктивными признаками данного состава преступления. Если судьи обнаруживают такие отягчающие вину обстоятельства (например, применение оружия при разбойном нападении), которые органами предварительного расследования были оставлены без достаточного внимания, то это говорит о необходимости изменения обвинения на более тяжкое, о возвращении дела для этого прокурору. Когда же в суде такие отягчающие вину обстоятельства отпадают, то суд в приговоре исключает их из обвинения, как это указано в ст. 254 УПК РСФСР.

8. На существе известного по делу обвинения может сказаться также обнаружение в суде фактов, имеющих характер смягчающих вину обстоятельств, если последние влияют на конструктивные признаки соответствующего состава преступления.

При рассмотрении дела по обвинению Ершова, переданного суду по ст. 103 УК РСФСР за убийство своего сына, судьи установили, что подсудимый лишил потерпевшего жизни в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного неправомерными действиями со стороны убитого. Такие изменения не отягчают обвинение. Напротив, положение подсудимого значительно улучшается с точки зрения как самой ответственности, так и организации защиты. Поэтому подобные коррективы в обвинение вносятся непосредственно судом в приговоре.

9. Иногда в ходе судебного следствия судьи сталкиваются с такими данными, которые меняют роль подсудимого в совершенном преступном деянии. Например, лицо, переданное суду в качестве исполнителя преступления, «превращается» в соучастника в широком смысле или наоборот; подсудимый, который по обвинительному заключению значился подстрекателем, оказывается пособником и т. д. При этом в зависимости от конкретных обстоятельств дела вопрос о правовой квалификации содеянного решается по-разному.

Когда лицо, обвиняемое в соучастии в виде пособничества или подстрекательства, оказывается непосредствен-

ным исполнителем преступных действий (бездействия), меняется чаще всего и правовая квалификация. То же самое происходит при выявлении в судебном заседании сведений о том, что подсудимый, преданный суду за активное исполнение непосредственно самих преступных действий, является в действительности лишь соучастником в широком смысле. Правовая квалификация остается прежней, если в результате уточнения фактических данных о роли подсудимого меняются виды соучастия (например, подстрекатель оказывается пособником или наоборот). Но общим для всех подобных изменений является то, что при них непременно преобразуется юридическая формулировка обвинения, если даже правовая квалификация содеянного остается той же. Поэтому допустимость таких изменений в приговоре находится в зависимости от того, насколько существенны эти изменения, в какой мере измененное обвинение должно отличаться по своим фактическим обстоятельствам от известного подсудимому.

Изложенное приобретает особый смысл, если учесть, что другой критерий изменения обвинения в судебном заседании — сравнительная тяжесть обвинения — по этим делам неприменим. По советскому праву при соучастии мера ответственности виновных определяется не формой соучастия, взятой в отрыве от конкретных обстоятельств дела, а степенью вины каждого из лиц, принимавших то или иное участие в преступном деянии. С точки зрения санкций уголовноправовых норм, по которым квалифицируются действия исполнителя, организатора, подстрекателя и пособника, возможная мера наказания не дифференцируется, тяжесть предъявленных этим лицам обвинений является примерно одинаковой. С учетом степени и характера действий виновного в реализации преступного замысла, а также иных обстоятельств объективного и субъективного порядка, в ряде случаев соучастнику, в частности организатору или подстрекателю преступления, может быть назначена судом более суровая мера наказания, нежели непосредственному исполнителю. При этих условиях не представляется возможным сформулировать какое-либо общее правило, в котором тяжесть предъявленного тому или иному лицу обвинения предопределялась бы формой соучастия в совершении преступления. Таким образом, при обнаружении

в судебном заседании новых сведений, меняющих роль подсудимого в рассматриваемом преступлении, допустимость изменения обвинения в приговоре суда должна зависеть от существенности такого преобразования.

Можно считать несомненным, что если подсудимый, привлеченный к ответственности в качестве организатора преступления, в действительности оказывается лишь подстрекателем или пособником, то существенного изменения обвинения не происходит. Обвинение в организации преступной деятельности по своим фактическим обстоятельствам и правовым признакам значительно шире обвинения в подстрекательстве или пособничестве. Поэтому в указанном случае хотя юридическая формулировка обвинения и несколько изменяется, однако это обусловливается не появлением новых обстоятельств, входящих в фабулу обвинения, а, напротив, отпадением в суде части ранее известных фактов, свидетельствовавших о более активной и значимой роли подсудимого в совершении преступления. От таких изменений положение подсудимого не ухудшается, а равно не нарушается и система его защиты. Следовательно, изменения подобного рода могут производиться судом непосредственно в приговоре.

То же имеет место в случаях, когда суд в ходе судебного следствия приходит к выводу, что в действиях подсудимого содержатся признаки не пособничества, как считали органы следствия, а заранее не обещанного укрывательства, влекущие ответственность по ст. 189 УК РСФСР. Хотя такое изменение сопряжено с переходом на другую статью уголовного закона, тем не менее оно не означает существенного изменения обвинения, поскольку здесь другая юридическая формулировка содеянного обусловливается отпадением части фактов, входящих в фабулу прежнего обвинения (в частности, факта предварительного обещания оказать содействие в сокрытии преступления).

Обвинение не меняется существенно и в случаях, когда подсудимый, привлеченный к ответственности в качестве непосредственного исполнителя преступных действий, оказывается лишь пособником или укрывателем. При этом изменение обвинения вызывается не включением в него новых фактов, а, наоборот, исключением из его фабулы некоторых обстоятельств (действий), кото-

рые раньше вменялись ему в вину. Обвинение в целом сужается, ибо отпадают определенные факты, которые раньше позволяли видеть в обвиняемом активного исполнителя преступления.

Если же судебное следствие показывает, что подсудимый, привлеченный к ответственности как соучастник, должен быть признан виновным как непосредственный исполнитель преступления, то изменение юридической формулировки обвинения сопряжено с включением в его фабулу новых фактов, которые наряду с ранее известными обстоятельствами характеризуют подсудимого как активного исполнителя преступных действий. Обвинение расширяется, видоизменяется. Осложняется система защиты, поскольку в суде всплывают новые факты, не включенные органами следствия и потому не учтенные при подготовке к защите. Поэтому для производства подобных изменений дело должно быть передано органам предварительного расследования.

10. Практике известны и случаи, когда необходимость изменения обвинения в суде обуславливается уточнением данных о степени осуществления подсудимым преступного намерения. Иногда факты, вновь выявленные в судебном заседании, позволяют усмотреть признаки оконченного состава преступления в действиях лица, преданного суду за покушение на преступление, или наоборот. В подобных случаях изменяется и юридическая формулировка, и правовая квалификация обвинения. Для определения допустимости этих изменений в приговоре надо исходить главным образом из критерия сравнительной тяжести производимых изменений. Хотя за приготовление и покушение на преступление наказание назначается по той же статье уголовного закона, которая предусматривает ответственность за оконченный состав, тем не менее степень осуществления виновным своих преступных намерений в соответствии со ст. 15 УК РСФСР меняет общественную опасность, а значит, и тяжесть содеянного. Чем выше стадия развития преступной деятельности, тем тяжелее предъявленное обвинение. Поэтому обвинение становится более тяжким, если в результате обнаруженных в суде данных действия подсудимого, привлеченного к ответственности за приготовление или за покушение, должны расцениваться как оконченное преступление того же

состава. Такие изменения ухудшают положение подсудимого и предполагают возвращение дела на дополнительное расследование. И напротив, обвинение меняется на менее тяжкое, когда в судебном заседании подтверждается наличие только приготовления или покушения в действиях лица, преданного суду за окончательное деяние. Подобные изменения улучшают положение подсудимого и не нарушают его права на защиту.

II. В судебной практике встречаются также дела, при судебном рассмотрении которых из-за отпадения тех или иных фактов, фигурировавших в обвинении, в действиях подсудимого, привлеченного к ответственности за покушение, судьи усматривают признаки другого окончательного преступления.

Мамедов был предан суду по ч. 1 ст. ст. 15—117 УК РСФСР за покушение на изнасилование Л. при следующих обстоятельствах. После танцев в городском парке подсудимый пошел провожать потерпевшую домой. Когда они дошли до рощи, которая находилась недалеко от дома потерпевшей, Мамедов начал склонять Л. к вступлению в половую связь. Получив отказ, он нанес ей удар и свалил на землю. Однако потерпевшей удалось путем уговоров вызвать жалость у Мамедова. Все эти действия подсудимого на судебном следствии нашли подтверждение, за исключением содержащегося в обвинительном заключении утверждения о том, что «обвиняемому не удалось изнасиловать Л. по не зависящим от него причинам, так как она сумела вырваться и убежать». Данное утверждение не соответствовало имеющимся по делу доказательствам, свидетельствующим о том, что Мамедов добровольно отказался от доведения до конца своих преступных намерений. Вместе с тем суд пришел к выводу, что в действиях, которые предпринимались подсудимым до такого отказа, содержатся признаки другого окончательного преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 112 УК РСФСР (побой).

Обвинение при подобных условиях меняется на менее тяжкое. Не происходит и существенного его изменения. Хотя вместо обвинения в покушении на одно преступление суд признает подсудимого виновным в совершении другого окончательного преступного деяния, основа фактической фабулы остается прежней, все указанные изменения обуславливаются отпадением в судебном засе-

дании тех или иных фактов. Следовательно, такие изменения в обвинение могут вноситься судом непосредственно в приговоре.

12. В некоторых случаях из-за отпадения определенных фактов, вошедших в фабулу прежнего обвинения, в судебном заседании встает вопрос о признании лица виновным в совершенно другом, менее тяжком, преступлении.

Маминко был предан суду по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР за то, что 22 ноября 1967 г. насильственным путем дважды совершил половой акт с несовершеннолетней Н., применяя развратные приемы. При рассмотрении дела суд установил, что хотя все эти действия имели место, однако совершались с согласия потерпевшей, которая сообщила о случившемся в органы следствия лишь на другой день под нажимом матери. Соответственно суд отверг факт насилия и переквалифицировал содеянное на ст. 120 УК РСФСР, признав подсудимого виновным в развратных действиях. Такие изменения тоже связаны с отпадением в суде отдельных фактов из фабулы обвинения, они не ухудшают положения подсудимого и не нарушают его права на защиту.

13. В процессе судебного разбирательства дела иногда серьезно меняются фактические признаки самого деяния, вменяемого подсудимому в вину. Это происходит по разным причинам. По некоторым делам судьи приходят к выводу, что отдельные стороны и признаки совершенных подсудимым действий не подтверждаются.

Родионов был предан суду по п. «б» ч. 2 ст. 91 УК РСФСР за разбойное нападение. В обвинении указывалось, что он «27 декабря 1967 г. в нетрезвом состоянии напал на охранницу магазина с ломом в руке, забрался во двор магазина, оторвал доски склада и вытащил оттуда ящик водки, а потом снова напал на охранницу и под угрозой нанесения удара по голове заставил ее не мешать унести украденное».

Во время судебного следствия выяснилось, что признаки содеянного выглядят несколько иначе. Подсудимый забрался в склад в то время, когда охранницы на месте не было; увидев, что она подходит, Родионов бросил на пол ящик с водкой, вытащил оттуда несколько бутылок и пробежал мимо охранницы, размахивая одной бутылкой; никакого нападения фактически не было.

Соответственно суд изменил обвинение, уточнив признаки содеянного и переквалифицировав его на ч. 2 ст. 89 УК РСФСР. Изменение обвинения здесь обусловлено не появлением каких-либо новых фактов (признаков), а, наоборот, отпадением части уже инкриминируемого подсудимому деяния. Такое изменение не ухудшает положения подсудимого, не нарушает его права на защиту и осуществляется непосредственно в судебном приговоре.

Однако порою серьезное преобразование фактических признаков содеянного вызывается обнаружением в суде обстоятельств, которые с некоторыми из фактов, фигурировавших в обвинении, образуют иной состав преступления. В подобных случаях в суде подтверждается лишь часть фактов, вмененных в вину подсудимому, а часть отпадает. Но в то же время выявляются новые факты, которые с остающейся частью обвинения образуют другой состав преступления (например, вместо умышленного убийства доведение потерпевшего до самоубийства). Причем в одних случаях появление таких новых обстоятельств обуславливает переход на более тяжкое, в других — на примерно такое же по тяжести или даже на более легкое обвинение. Однако независимо от этого следует признать, что такие дела должны направляться на дополнительное расследование. Здесь налицо существенное изменение обвинения, требующее повторного предъявления лицу обвинения со всеми вытекающими отсюда последствиями.

14. По некоторым делам отдельные варианты изменения обвинения, связанные с его фабулой, встречаются в комбинированном виде. Чаще всего это — результат поверхностного расследования дела; дело может быть возвращено прокурору именно по данному основанию — ввиду неполноты проведенного по делу следствия (дознания). Но в той мере, в какой имеющиеся пробелы устранимы в суде, соответствующие изменения обвинения допустимы и в приговоре, если при этом оно не отягчается, положение подсудимого не ухудшается и не нарушается его право на защиту. Когда же хотя бы одно из требуемых изменений превращает обвинение в более тяжкое или существенно отличающееся, дело должно непременно передаваться на новое расследование.

В литературе иногда называется еще один, более кардинальный вариант изменения фабулы обвинения.

И. Д. Перлов, в частности, допускает изменение обвинения в суде и тогда, когда «в ходе судебного разбирательства выявилось новое преступление», когда «установлено, что подсудимый совершил не то преступление, за которое он предан суду, а другое, более легкое преступление, но с другим фактическим составом»¹. Однако с таким мнением согласиться невозможно. Выявление в суде «другого преступления с другим фактическим составом» — это уже не изменение обвинения, а нечто другое. При любом изменении обвинения его фабула в принципе остается прежней, она расширяется, сужается или видоизменяется, но не заменяется другой. Под другим преступлением с иным фактическим составом можно подразумевать лишь новое преступное деяние, появившееся либо вместо, либо в дополнение к рассматриваемому в суде. О нем правомерно говорить, если, допустим, на судебном следствии обнаруживается, что подсудимый, возможно, заразил потерпевшую венерической болезнью, однако не изнасиловал ее; или что он не только совершил хулиганство, но и угрожал убийством задержавшему его дружиннику и т. д. В таких случаях действительно налицо другое преступление иная фабула обвинения. Но здесь речь должна идти о предъявлении подсудимому нового (дополнительного) обвинения, а не об изменении имеющегося. Без предварительного расследования, являющегося неотъемлемым звеном в подготовке обвинения к судебному рассмотрению, судьи не вправе вменить подсудимому в вину podobные преступные деяния. Осуждение подсудимого за преступление, не вмененное ему в вину, вместо того деяния, за которое он предстал перед органом правосудия, не только повлекло бы серьезное нарушение права на защиту, но и привело к тому, что предъявленное этому лицу обвинение, служившее предметом судебного разбирательства, осталось бы вообще не разрешенным, не нашедшим никакого ответа в приговоре суда. Это не соответствовало бы демократическим принципам социалистического правосудия и не содействовало бы дальнейшему укреплению социалистической законности, усилению гарантий прав личности в советском уголовном процессе.

¹ И. Д. Перлов, Указ работа, стр. 243—244.

§ 3. ИНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ОБВИНЕНИЯ В ПРИГОВОРЕ

Теории и практике уголовного судопроизводства известна еще одна большая группа изменений обвинения, не связанная с его фабулой, касающаяся двух других его частей — юридической формулировки и правовой квалификации.

Общим для всех таких изменений обвинения является то, что все они происходят при тождестве установленных на предварительном следствии и в судебном заседании фактов, составляющих содержание фабулы обвинения. В суде не выявляются новые противоправные факты, равно как не отпадают и те, что инкриминировались обвиняемому раньше. Не меняются и фактические признаки совершенного подсудимым деяния; его действия (бездействие) остаются такими же, какими они описывались органами следствия и дознания. Однако все же обнаруживаются недостатки обвинения, без устранения которых не представляется возможным постановить правосудный приговор. Так происходит потому, что судьи дают несколько иную, чем на более ранних этапах процесса, оценку известным фактам или выявляют ошибку, допущенную при определении юридических признаков содеянного и применении норм материального права.

Дефекты этих двух элементов обвинения могут находиться между собой в разных соотношениях. Чаще всего нечеткое или неполное определение юридических признаков доказанного деяния влечет за собой и ошибку в применении уголовного закона. Поэтому изменение юридической формулировки обвинения связано, как правило, с переквалификацией содеянного. Однако по отдельным делам вопрос об изменении правовой квалификации возникает при тех же фактических и юридических признаках совершенного подсудимым деяния (например, случаи ошибочной квалификации по ч. 2 ст. 206, ч. 1 ст. 112 УК РСФСР «злостного хулиганства, связанного с причинением легких телесных повреждений другим лицам», квалификации по ч. 1 ст. 170, ч. 2 ст. 173 УК РСФСР «получения взятки должностным лицом, занимавшим ответственное положение»).

По некоторым делам приходится решать вопрос об изменении юридической формулировки обвинения при тех же фактических признаках содеянного и в рамках

той же квалификации. Это наблюдается, к примеру, при оценке тех же действий подсудимого, привлеченного к ответственности за подстрекательство, пособничество в совершении преступления; при осуждении подсудимого, привлеченного к ответственности по ст. 190 УК РСФСР за недонесение об известном ему разбойном нападении, по той же статье уголовного закона за недонесение о грабеже в связи с переквалификацией действий основного подсудимого с п. «г» ч. 2 ст. 146 на ч. 2 ст. 145 УК РСФСР и др.

Поэтому изменения обвинения, не связанные с его фабулой, могут касаться либо одновременно и юридической формулировки и правовой квалификации содеянного, либо лишь правовой квалификации, либо только юридической формулировки действий (бездействия) подсудимого.

Допустимость этих изменений должна определяться теми же общими критериями, которые применяются при изменении обвинения в суде первой инстанции вообще. Представляется недостаточно убедительным взгляд, сторонники которого возмможность осуществления судом таких изменений ставят в зависимость от перехода на другого рода преступления, допуская их в рамках лишь однородных преступлений¹. Советское законодательство никогда не содержало какой-либо процессуальной нормы, которая могла бы дать почву для такого мнения. С одной стороны, противоправные деяния, посягающие на одни и те же общественные отношения, нередко резко отличаются друг от друга по своим остальным признакам (например, кража и умышленное уничтожение имущества). С другой — правонарушения, направленные на разные объекты, могут иметь много общего с точки зрения фактических и юридических признаков (в частности, убийство и нарушение правил безопасности движения автотранспорта, повлекшее человеческие жертвы). Поэтому не случайно, что судебная практика не счита-

¹ См. М. С. Строгович, Уголовный процесс, Юриздат, 1946, стр. 147; В. Я. Дорохов, Изменение обвинения в советском уголовном процессе, «Ученые записки Пермского университета», т. X, вып. 4, 1955, стр. 148—156; И. М. Гальперин, Изменение обвинения в суде первой инстанции («Социалистическая законность» 1947 г. № 3, стр. 13—14); «Советский уголовный процесс» под ред. Д. С. Карева, изд-во «Высшая школа», 1968, стр. 283.

ется при изменении обвинения с родом преступлений. Изучение большого количества дел, рассмотренных в 1964—1966 гг. народными судами Татарской АССР, убедило нас в том, что случаи перехода на другую статью, предусматривающую преступление иного рода, составляет примерно 14—16% к общему числу дел, по которым действия подсудимых перекалифицировались на другую уголовноправовую норму. Тщательный анализ таких изменений не позволяет усмотреть в них какое-либо превышение судом своих процессуальных полномочий, нарушение им права обвиняемого на защиту.

Правила допустимости изменения обвинения судом в приговоре, равно как и в других стадиях советского уголовного процесса, не могут ставиться в зависимость от тех или иных изменений рода исследуемого преступления. Правила эти должны учитывать возможные уточнения признаков всех сторон состава преступления, исходить не из формальных предпосылок, а из характера и существа недостатков, обнаруженных судом в обвинении, по которому лицо предано суду.

Существенное изменение обвинения при тех же фактических признаках содеянного возможно в судебном заседании при одном условии — когда за деяние, содержащее признаки идеальной совокупности преступлений, лицо было предано суду ошибочно только по одной уголовноправовой норме. Но это скорее исключение из общего правила о том, что критерий существенности связан с выявлением в судебном заседании новых фактов и потому не имеет большого значения в отношении изменений обвинения, не касающихся его фабулы. Главным мерилom допустимости этих изменений остается сравнительная тяжесть обвинений, взятых до и после устранения судом недочетов в юридической формулировке и правовой квалификации содеянного.

Обращаясь к данному критерию, отметим, что изменение лишь одной юридической формулировки обвинения при той же фабуле и при прежней правовой квалификации не может превращать обвинение в более тяжкое. Такое изменение всегда происходит в рамках ранее известных фактов и одной и той же уголовноправовой нормы, указанной в обвинении. Поэтому подобные уточнения обвинения производятся судом непосредственно в приговоре.

Если же речь идет об изменении правовой квалификации или одновременно и юридической формулировки и правовой квалификации содеянного, то обвинение может меняться на более тяжкое, на одинаковое по тяжести или на менее тяжкое. Следовательно, вопрос о том изменить ли обвинение непосредственно в приговоре или для этого дело вернуть прокурору, в зависимости от конкретной ситуации может решаться по-разному.

Вопрос этот решается проще, когда суду предстоит исправить ошибку в правовой квалификации по делу, в котором все фактические и юридические признаки деяния подсудимого подтвердились в том виде, как они описаны в обвинительном заключении. Ясность и четкость всех признаков содеянного, не подвергавшихся каким-либо изменениям на судебном следствии, помогает определить, как меняется обвинение. Если деяние подсудимого переквалифицируется на закон о более тяжком преступлении или после переквалификации войдет в перечень тяжких преступлений (прим. II к ст. 24 УК РСФСР), то налицо отягчение обвинения. Такое же положение наблюдается и тогда, когда новая квалификация в отличие от прежней позволяет признать подсудимого особо опасным рецидивистом. Во всех подобных случаях требуется вернуть дело прокурору. Остальные изменения правовой квалификации, не затрагивающие факты и юридической формулировки обвинения, не усугубляют положения подсудимого, не нарушают его права на защиту и могут производиться судом непосредственно в приговоре.

Изменения обвинения, касающиеся одновременно и юридической формулировки и правовой квалификации содеянного, более разнообразны. Рассмотрим их подробнее.

Судьями в первую очередь могут быть обнаружены такие ошибки органов следствия и прокуратуры, которые выражаются в смешении юридических признаков: с одной стороны, единого сложного преступления, с другой — специальной повторности.

Шайдуллина была предана суду по ч. 2 ст. 92 УК РСФСР за то, что она в июле 1968 года из склада колхоза похитила два тюка пакли весом 105 кг и 12 рулонов пергаментной бумаги, причем в два приема. Эти действия полностью подтвердились в судебном заседа-

нии, но тем не менее судьи пришли к выводу, что здесь имело место не повторное хищение колхозного имущества, а осуществление единого преступного замысла в несколько приемов. Соответственно содеянное было переквалифицировано на ч. 1 ст. 92 УК РСФСР.

Таким образом, уточнение судом юридических признаков содеянного, признание им двух однородных противоправных действий, считавшихся следователем самостоятельными деяниями, единым продолжаемым преступлением повлекло за собой изменение юридической формулировки и правовой квалификации обвинения при той же его фактуре. Подобные изменения всегда делают обвинение менее тяжким, не ущемляют прав обвиняемого на защиту и производятся самим судом непосредственно в приговоре.

В судебной практике встречаются, хотя и значительно реже, случаи, когда лицо предается суду по обвинению в едином преступлении, несмотря на то, что совершенные им действия по существу являются отдельными преступными деяниями и подлежат квалификации по признаку специальной повторности. Поскольку специальная повторность рассматривается законодателем в качестве квалифицирующего признака конструкции многих составов преступления и потому связана с применением нормы с более суровой санкцией, в таких случаях обвинение меняется на более тяжкое, положение подсудимого ухудшается. Стало быть, дело подлежит направлению органам предварительного расследования для изменения обвинения с соблюдением ст.ст. 143—148 УПК.

Но данное правило не может применяться по делам, где действия подсудимого, содержащие признаки двух однородных преступлений, хотя и принимались ошибочно за единое преступление, но благодаря другому квалифицирующему обстоятельству все же квалифицировались по той части подлежащей статье уголовного закона, которая предусматривает ответственность и за повторное совершение данного противоправного деяния. Например, две кражи, совершенные с применением технических средств, следователем все равно квалифицировались бы по ч. 2 ст. 89 УК РСФСР, если бы он их ошибочно оценивал как единое продолжаемое деяние. При таком условии устранение в судебном заседании обнаруженной ошибки не связано с изменением правовой квалифика-

ции содеянного; оно влечет за собой изменение только юридической формулировки обвинения, поскольку лицо уже должно быть признано виновным в повторном совершении кражи с применением технических средств. Подобные преобразования, как отмечалось ранее, могут производиться самим судом.

Иногда в процессе судебного разбирательства дела судьи дают иную, чем следователь, оценку в достаточной степени известным признакам деяния, характеризующим предмет посягательства, объект или объективную сторону состава преступления.

Приведем два примера.

1. Хрипунков был предан суду по п. «б» ч. 2 ст. 91 УК РСФСР за то, что 1 сентября 1968 г. в нетрезвом состоянии забрался на территорию базы «Плодоовощторга», оттолкнул охранника, перебросил через забор бруски и на тележке увез их домой. Эти факты в суде полностью подтвердились. Но суд усмотрел в них признаки не разбойного нападения, а грабежа (ч. 2 ст. 90 УК РСФСР).

2. Костину вменялось в вину то, что он, работая монтером на одном предприятии, самовольно установил в домах ЖКО этого предприятия батареи, получил от каждого квартиросъемщика по 15 руб. и все собранные деньги в сумме 165 руб. присвоил. Эти действия органы предварительного следствия и прокуратура квалифицировали по ч. 2 ст. 92 УК РСФСР, а суд при тех же фактах переквалифицировал на ст. 94 УК РСФСР, усмотрев в указанных действиях признаки не хищения, а причинения государству материального ущерба путем злоупотребления доверием. Такие изменения вполне допустимы, если обвинение не становится более тяжким. В противном случае дело должно быть направлено прокурору.

Сюда относятся и дела, по которым изменение обвинения в суде вызывается необходимостью исправления допущенной следователем ошибки в части так называемых оценочных признаков содеянного. Скажем, то, что до суда считалось обезображением лица потерпевшего со стороны судей такой оценки не получило; сумма хищения, которая органами предварительного расследования и прокуратурой расценивалась как особо крупная, судом признана просто крупным хищением и т. д. В этих случаях тоже решающее значение имеет тяжесть произ-

водимых изменений. Если требуется применить закон о более тяжком преступлении, то дело направляется прокурору. В остальных случаях соответствующее изменение вносится в обвинение самим судом.

Изменение судом юридической формулировки и квалификации обвинения может обуславливаться также несколько иной оценкой отягчающего вину обстоятельства.

При рассмотрении дела Кузовкина, преданного суду по п. «а» ст. 102 УК РСФСР за убийство своей престарелой матери, суд при тех же фактических обстоятельствах пришел к выводу, что основным мотивом к убийству было все же не стремление избавиться от уплаты алиментов на содержание матери, а хулиганские побуждения. В подобных случаях изменяется только юридическая формулировка обвинения — сама уголовноправовая норма, по которой квалифицировалось содеянное, остается прежней. Поэтому нельзя говорить ни об отягчении обвинения, ни о его существенном изменении, поскольку в судебном заседании никакие новые факты не появляются. Поэтому такие изменения вполне возможны в приговоре, о чем отмечалось в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963-г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике по делам об умышленном убийстве»¹.

Иногда изменение рассматриваемых элементов обвинения является следствием вывода об исключении из квалификации содеянного уголовноправовой нормы, неправильно включенной в обвинение органами следствия и прокуратуры.

Мисачева была предана суду по ч. 2 ст. 92, ч. 2 ст. 170, ст. 172 УК РСФСР за то, что она, работая продавцом сельского магазина, халатно относилась к исполнению своих служебных обязанностей: принимала и отпускала материальные ценности невнимательно, часто оставляла магазин без надзора, в результате чего допустила недостачу товарно-материальных ценностей на 4729 руб.; при производстве ревизии для сокрытия недостачи она делала приписки товаров и денежной выруч-

¹ См. «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1963 гг.», 1964, стр. 284.

ки, превышала количество товарных остатков в своих отчетах. В судебном заседании все эти факты подтвердились. Тем не менее суд исключил из обвинения ч. 2 ст. 92 УК РСФСР, поскольку ни на предварительном, ни на судебном следствии не было установлено никаких данных, которые могли бы дать основание для суждения о наличии признаков хищения.

Изменение судом юридической формулировки и правовой квалификации обвинения по некоторым делам обуславливается иной, чем на предварительном следствии, оценкой субъекта деяния и его личности, причем новые юридические признаки такого рода отражаются на обвинении лишь постольку, поскольку они охватываются конструктивными признаками данного состава преступления. Даже факт прежней судимости, позволяющий решать вопрос о признании подсудимого особо опасным рецидивистом, не изменяет обвинения и не служит основанием для направления дела на дополнительное расследование, если он при данном составе преступления не имеет квалифицирующего значения. На это справедливо указывал Верховный Суд РСФСР по делу Бахтиозина¹.

Итак, изменение в судебном заседании юридической формулировки и правовой квалификации обвинения при той же фабуле может произойти ввиду уточнения или иной оценки судьями любого элемента состава преступления — его объекта, объективной стороны, субъекта или субъективной стороны. Соответственно и изменения эти возможны в пределах как однородных, так и разнородных преступлений. Критерием их допустимости служит сравнительная тяжесть обвинений, поскольку при этом обвинение, по которому лицо предано суду, может меняться на более тяжкое, неодинаковое по тяжести или на менее тяжкое. Если суд приходит к выводу о том, что изменение юридической формулировки и правовой квалификации обвинения отягчает его и ухудшает положение подсудимого, то он не вправе изменить обвинение даже при том же его фактическом составе, а должен вернуть дело прокурору. Когда же необходимые изменения превращают обвинение в менее тяжкое или пример-

¹ См. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1962 г. № 7, стр. 11—12.

но в такое же по тяжести, они производятся судом непосредственно в обвинительном приговоре.

Относительно той части приговора, где должно отражаться любое изменение судом обвинения, в законе есть довольно ясное предписание. Согласно ст. 314 УПК РСФСР в описательной части приговора требуется изложить «в случае признания части обвинения необоснованной — основания к этому», а «также привести мотивы изменения обвинения, если таковое было произведено в суде». В резолютивной части приговора судьи должны исходить из фабулы, юридической формулировки и правовой квалификации содеянного, которые уже приведены ими в полное соответствие с действительностью.

Но в описательной части приговора тоже не все изменения обвинения оформляются одинаково. Насколько различны возможные варианты тех или иных преобразований отдельных элементов обвинения, почти настолько же разнообразны формы их выражения.

Так, в случае необходимости исключения из обвинения определенной уголовноправовой нормы, неуместно примененной органами следствия и прокуратуры, суд в описательной части приговора отмечает неправильность квалификации содеянного, показывает неприемлемость к ним одной из включенных в обвинение статей уголовного закона и тут же исключает ее из обвинения. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 30 июня 1969 г. «О судебном приговоре» справедливо подчеркивается, что «если подсудимый совершил одно преступление, которое ошибочно квалифицировано несколькими статьями уголовного закона, суд только в описательной (описательно-мотивировочной, мотивировочной) части приговора должен указать об исключении ошибочно вмененной подсудимому статьи уголовного закона, приведя соответствующие мотивы»¹.

Когда требуется переквалификация действий (бездействия) подсудимого с одной статьи уголовного закона на другую либо с одной части (пункта) на другую той же статьи кодекса, судьи в описательной части приговора указывают на неверность намеченной органами след-

¹ См. «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1969 г., № 4, стр. 11.

ствия квалификации деяния, приводят мотивы в обоснование иной его квалификации и здесь же переходят на ту же уголовноправовую норму, по которой лицо должно быть признано виновным.

Если исключение из обвинения одной из статей уголовного закона или переход на другую уголовноправовую норму обусловлены отпадением или изменением в судебном заседании определенных фактических и юридических признаков содеянного, в описательной части приговора подробно излагаются также эти изменения.

По делам, при разбирательстве которых в суде не подтверждаются отдельные факты (эпизоды), включенные раньше в обвинение, в описательной части приговора со ссылкой на соответствующие доказательства и их источники судьи указывают об исключении этих фактов из обвинения, причем они делают это даже при условии, что от такого сужения фабулы обвинения квалификация деяния не меняется, и т. д.

Итак, конкретные способы оформления изменения судом обвинения весьма многогранны, зависят от особенностей дела. Общим является только требование, чтобы в описательной части приговора судьи четко, ясно и мотивированно изложили свои выводы относительно того, какие фактические и юридические признаки обвинения подтвердились или, напротив, не подтвердились на судебном следствии, какие уточнения вносятся в каждый из этих признаков по результатам судебного разбирательства и как квалифицируются окончательно действия (бездействие) подсудимого в том виде, в каком они доказаны в суде. В резолютивной части приговора к этим выводам суд больше не возвращается, он исходит уже из измененного обвинения.

**ИЗМЕНЕНИЕ ОБВИНЕНИЯ
В ВЫШЕСТОЯЩЕМ СУДЕ**

**§ 1. ОБЩИЕ ПРЕДЕЛЫ ИЗМЕНЕНИЯ ОБВИНЕНИЯ
В ВЫШЕСТОЯЩЕМ СУДЕ**

Обвинение, разрешенное судом в приговоре, может подвергаться определенным изменениям в вышестоящем суде, проверяющем законность и обоснованность приговора.

При проверке законности и обоснованности оправдательного приговора какие-либо изменения обвинения, отвергнутого судом первой инстанции, немыслимы, поскольку в нашем уголовном процессе не допускается апелляция. Если по жалобе потерпевшего или по протесту прокурора такой приговор отменяется, то обвинение рассматривается повторно по существу судом первой инстанции на общих основаниях. Когда по жалобе оправданного вышестоящий суд изменяет приговор в части мотивов или основания оправдания, тоже не происходит преобразования в существе отвергнутого приговором обвинения: уточняется только формулировка, по которой обвинение должно считаться несостоятельным.

Практически невозможно также изменение обвинения при пересмотре обвинительного приговора по вновь открывшимся обстоятельствам. По основаниям, перечисленным в ст. 384 УПК РСФСР, приговор может быть отменен либо с передачей дела на новое рассмотрение, либо с прекращением его производством. Хотя в этой стадии процесса допускается частичное прекращение дела, однако здесь имеется в виду полное отпадение (а не

просто изменение) одного из нескольких самостоятельных обвинений, разрешенных в приговоре. Поэтому не случайно, что закон не предусматривает возможность изменения приговора в порядке возобновления дела по вновь открывшимся обстоятельствам (ст. 389 УПК РСФСР).

Не всякое изменение обвинительного приговора судом кассационной или надзорной инстанции связано с изменением обвинения. Как показывают проведенные нами подсчеты, лишь около 30—35% изменений приговора в вышестоящем суде обуславливаются недостатками, касающимися существа самого обвинения.

Надо учесть и то, что имеются некоторые особенности в изменении обвинения судами кассационной и надзорной инстанций. Например, в кассационном порядке отмена приговора за необходимостью изменения обвинения на более тяжкое возможна только при наличии по этому поводу протеста прокурора или жалобы потерпевшего (ст. 340 УПК РСФСР), тогда как суд надзорной инстанции вправе решать данный вопрос и по протесту председателя соответствующего суда. Надзорная инстанция при определенных условиях вправе восстановить признаки обвинения, которые были исключены или смягчены нижестоящей надзорной инстанцией, а кассационная — ни при каких условиях не может восстанавливать пункты обвинения, отвергнутые или смягченные судом первой инстанции. Для пересмотра приговора в порядке надзора установлены различные сроки в зависимости от характера предполагаемого изменения обвинения: если опротестование приговора в связи с необходимостью изменения обвинения на более тяжкое допускается лишь в течение года по вступлении его в законную силу, то решение вопроса об иных изменениях обвинения определенными сроками не ограничено (ст. 373 УПК РСФСР). Между тем в сроках обжалования и опротестования приговора в кассационном порядке такой дифференциации не существует.

Однако перечисленные особенности не отражаются на тех общих установках, которые определяют пределы допустимости изменения обвинения судами кассационной и надзорной инстанций. Такими общими положениями являются следующие обстоятельства.

Прежде всего по советскому законодательству вышестоящие суды не могут внести в приговор какие-либо изменения, если по делу неполно или односторонне исследованы доказательства и имеется необходимость в проведении дополнительного следствия — предварительного или судебного. Суды кассационной и надзорной инстанций сами нового следствия не проводят, они всегда судят о соответствующих фактах и их признаках по письменным материалам — и потому, столкнувшись с недостаточностью исследования фактических данных, направляют дело на повторное рассмотрение дела с той или иной стадии процесса (ст. ст. 342, 379 УПК РСФСР).

Равным образом эти судебные инстанции не наделены правом внесения в приговор изменений, которые основывались бы на не установленных нижестоящим судом обстоятельствах или на отвергнутых им доказательствах (ст. 350 УПК РСФСР). Они сами не устанавливают ни новых доказательственных фактов, ни новых противоправных действий (бездействия), ограничиваясь проверкой доказанности тех деяний, которые осужденному уже вменены в вину. Если даже в распоряжение суда кассационной или надзорной инстанции предоставлены новые материалы (заявления, документы, письменные заключения специалистов и др.), свидетельствующие о новых фактах или отвергающие уже известные обстоятельства дела, то по этим материалам нельзя окончательно судить о существовании тех или иных фактов. В данном случае можно ставить под сомнение те выводы, которые изложены в приговоре, однако нельзя заменить эти выводы новыми. Такие дополнительные материалы хотя и являются источником доказательств, но они могут быть положены только в основу определения об отмене приговора. В основу же судебного решения по существу предъявленного по делу обвинения их можно положить лишь после всесторонней проверки и оценки в процессе судебного следствия.

Вместе с тем суды кассационной и надзорной инстанций входят в оценку как имеющихся в деле доказательств и их источников, так и представленных дополнительных материалов. Они оценивают их с точки зрения проверки правильности выводов, содержащихся в приговоре, а не с точки зрения формулирования нового решения по существу. Поэтому названные судебные

инстанции не вправе: а) устанавливать и считать доказанными факты, не указанные в приговоре или отвергнутые им; б) указывать на преимущества одних доказательств и их источников перед другими; в) предрешать вопрос о доказанности или недоказанности обвинения, если дело передается на новое рассмотрение. В этом — важнейшая специфика оценки средств доказывания в вышестоящем суде.

Оценивая все средства доказывания по делу, суд кассационной или надзорной инстанции вправе внести определенные коррективы в выводы, изложенные в приговоре. Он может несколько иначе оценить те или иные факты, уточнить их детали, выявить ошибки в выводах, извлеченных из доказательственного материала. Вышестоящий суд в состоянии также отвергнуть отдельные факты, признанные в приговоре. Вряд ли имеются основания согласиться с утверждением, что «отвергнуть какой-либо факт, т. е. признать его не имевшим места, — значит, установить другой отрицательный факт; отсюда следует, что вышестоящий суд может подвергнуть сомнению, но не может признавать не имевшим места факт, установленный первой инстанцией»¹. Такое умозаключение, как и лежащий в его основе аргумент, представляется недостаточно убедительным. Во-первых, даже с этимологической точки зрения «отвергнуть» — значит «не принять; отказать в принятии чего-нибудь»², но не обязательно признать сомнительное явление определенно не существующим. Формулировки «отвергнуть за недостаточностью доказательств» и «признать не имевшим места в действительности» не всегда тождественны. Во-вторых, в уголовном процессе отрицание того или иного факта не равнозначно установлению другого обстоятельства, имеющего такое же уголовноправовое значение. Утверждая, что «нет, не совершил данного преступного действия», судьи, конечно, исходят из предпосылки, что действия данного лица в интересующий момент являлись обычными, т. е. такими же, какие повседневно совершаются любым человеком. Однако

¹ Н. Н. Полянский, Очерки развития советской науки уголовного процесса, изд-во АН СССР, 1960, стр. 167.

² См. С. И. Ожегов, Словарь русского языка, М., 1960, стр. 456.

это не означает установления судом нового обстоятельства. В уголовном судопроизводстве исследуются не всякие факты, а только те, которые входят в предмет и пределы доказывания по делу.

В соответствии с действующим законодательством суды кассационной и надзорной инстанций могут отвергнуть те или иные факты, признать их неустановленными. Это вытекает из ст. ст. 349, 380 УПК РСФСР. В судебной практике тоже встречается немало дел, подтверждающих такой вывод. Достаточно сказать, что за последние пять лет 6—9% изменений, внесенных Верховным судом Татарской АССР в приговоры народных судов, были связаны с исключением из обвинения отдельных фактов и эпизодов. Но в этом плане нуждается в некотором уточнении и редакция ст. 350 УПК РСФСР, регламентирующая изменение приговора судом кассационной инстанции. Эта норма сформулирована таким образом, что изменение приговора связывается обязательно либо со снижением меры наказания, либо с переквалификацией содеянного. Другие изменения, которые могут быть внесены в приговор при проверке его законности и обоснованности, в упомянутой статье вообще не отражены. Между тем это не совсем удачно. Не говоря уже о возможных изменениях в части гражданского иска, судьбы вещественных доказательств и решения о признании особо опасным рецидивистом, нельзя не обратить внимание на то, что на практике суды кассационной и надзорной инстанций нередко вносят в обвинение такие изменения, которые не влекут за собой переквалификации преступного деяния в целом. За последние пять лет таковыми были, к примеру, более 45% изменений приговоров в Верховном суде Татарской АССР, если взять за 100 общее количество изменений, сопряженных с исключением из обвинения отдельных фактов и эпизодов.

Поэтому следовало бы дополнить ст. 350 УПК РСФСР указанием на то, что вышестоящий суд вправе также исключить из обвинения те или иные факты, которые либо не подтверждаются материалами дела, либо не содержат уголовноправовых признаков. Это подведет прочную юридическую базу под существующую судебную практику и поможет преодолеть теоретические разногласия относительно права суда кассационной или

надзорной инстанции отвергнуть отдельные факты, признанные в приговоре доказанными¹.

Для правильного определения общих пределов изменения обвинения в вышестоящем суде важно учесть и то принципиальное положение советского закона, что в уголовном процессе суды кассационной и надзорной инстанций действуют на широких ревизионных началах, они обязаны выявить все недочеты дела независимо от того, указываются последние в кассационной жалобе или в протесте или же о них нигде не упоминается. Вышестоящий суд должен обнаружить по своей инициативе и такие недостатки разрешенного в приговоре обвинения, которые не отражены в жалобе (протесте).

На вышестоящий суд полностью распространяется правило о том, что изменение обвинения в суде допускается лишь постольку, поскольку «этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту» (ст. 42 Основ уголовного судопроизводства). Это видно из ряда статей уголовно-процессуальных кодексов союзных республик (например, ст.ст. 340, 348, 380 УПК РСФСР) и является одним из выражений демократизма советского уголовного процесса.

Исходя из всех этих общих положений, можно наметить два критерия, которыми должен руководствоваться вышестоящий суд при изменении разрешенного в приговоре обвинения. Первый из них состоит в недопустимости изменений, выходящих за пределы установленных судом первой инстанции фактов и исследованных им доказательств. Суд кассационной или надзорной инстанции вправе исключить из обвинения те или иные факты (их признаки), но не может включить взамен этих фактов или в дополнение к ним какие-либо новые обстоятельства. Второй критерий заключается в сравнительной тяжести обвинений, в недопустимости изменения обвинения на более тяжкое. Последнее связано со свободой обжалования, с запретом поворо-

¹ В научно-практическом комментарии к УПК РСФСР отмечается, что ст. 350 этого Кодекса дает лишь примерный перечень «прав кассационной инстанции на изменение приговора» (Госюриздат, 1963, стр. 620). Тем не менее следует признать, что вопрос о праве вышестоящего суда отвергнуть те или иные факты, вошедшие в обвинение и судебный приговор, носит принципиальный характер и надо было бы решить его в законе.

та к худшему. В кодексах союзных республик он текстуально выражен несколько уже, в частности как недопустимость применения закона о более тяжком преступлении (ст. 340, 380 УПК РСФСР). Но, как уже отмечалось, могут быть случаи, когда перед судом возникает необходимость отягчения обвинения без изменения квалификации совершенного преступления (например, дополнение ст. 146 УК РСФСР новыми пунктами при тех же фактических признаках содеянного). Такое изменение обвинения непосредственно самим вышестоящим судом было бы неправильно, так как от этого ухудшается положение осужденного и в определенной степени ущемляются его права.

Некоторые процессуалисты выдвигают еще один критерий изменений обвинения в вышестоящем суде — их существенность¹. Однако ни общесоюзное законодательство, ни кодексы союзных республик подобного требования не содержат. И это не случайно.

Вышестоящий суд не может изменить существенно разрешенное судом первой инстанции обвинение. В этом плане можно согласиться с указанием Верховного Суда РСФСР по конкретному делу о том, что «требования ст. 254 УПК РСФСР в равной степени должны соблюдаться как судом первой, так и судами кассационной и надзорной инстанций»². Но из этого не следует, что при определении допустимости того или иного изменения в вышестоящем суде в качестве самостоятельного критерия должен применяться признак существенности изменения обвинения.

Нельзя механически переносить правила изменения обвинения в суде первой инстанции на деятельность вышестоящих судов без учета ее специфики. Критерий существенности имеет большое значение для определения полномочий суда первой инстанции на изменение обвинения постольку, поскольку в стадии судебного разбирательства могут устанавливаться любые факты и

¹ См. М. М. Гродзинский, Кассационное и надзорное производство в советском уголовном процессе, Госюриздат, 1949, стр. 64; М. И. Бажанов, Изменение обвинения в советском уголовном процессе, Госюриздат, 1954, стр. 47; «Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР», комментарий, изд-во ЛГУ, 1962, стр. 312.

² См. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1963 г. № 9, стр. 9.

обстоятельства, которые раньше не фигурировали по делу. Поэтому для данной стадии процесса он специально вводится законом (ст. 254 УПК РСФСР). Но применительно к кассационному и надзорному производству этот критерий законодателем не предусматривается, так как при проверке законности и обоснованности приговора никакие новые факты не устанавливаются, в обвинение какие-либо дополнительные обстоятельства вводиться не могут, и потому о существенном изменении обвинения по фактическим обстоятельствам не может быть и речи.

Некоторые авторы, в частности И. Д. Перлов, ошибочно полагают, что якобы мы, отрицая значение критерия существенности для кассационной инстанции, наделяем последнюю правом «переквалифицировать преступление на статью уголовного закона, существенно изменяющую обвинение по фактическим обстоятельствам», и на этом основании упрекают нас в нарушении принципа обеспечения обвиняемому права на защиту, т. е. в фактическом ухудшении его положения¹. Между тем речь идет как раз об обратном. Поскольку вышестоящий суд не уполномочен устанавливать новые факты, он не может дополнить обвинение каким-либо обстоятельством, не фигурировавшим в нем раньше. Не может иметь места и существенное изменение обвинения по фактическим обстоятельствам, так как это всегда связано с появлением в суде прежде неизвестных фактов (обстоятельств), причем не просто любых, а таких, которые имеют непосредственное уголовноправовое значение, не укладываются в конструктивные признаки данного состава преступления и предполагают изменение юридической формулировки содеянного. При этих условиях критерий существенности может быть использован лишь как запрет применять закон о менее тяжком, но ином преступлении.

И. Д. Перлов прямо не говорит о недопустимости применения закона о преступлении иного рода, хотя из его рассуждений следует, что он стоит за такой запрет. Об ограничении прав вышестоящего суда на изменение

¹ См. И. Д. Перлов, Кассационное производство в советском уголовном процессе, «Юридическая литература», 1968, стр. 371—372.

юридических признаков и правовой квалификации содеянного рамками однородных преступлений недвусмысленно говорят некоторые другие процессуалисты¹. Однако с этим согласиться нельзя.

Род преступлений, как уже указывалось, не имеет решающего значения даже при изменении обвинения в стадии судебного разбирательства, где эти изменения нередко обуславливаются еще выявлением новых фактов. Он тем более не может служить критерием допустимости изменения обвинения в вышестоящем суде, где всякое изменение обвинения строго ограничено пределами установленных в судебном приговоре фактов. Практика давно не считается с родом преступлений при изменении формулировки и правовой квалификации содеянного в суде кассационной или надзорной инстанции. За последние пять лет, например, более 1/4 переквалификаций действий (бездействия) осужденных в Верховном суде Татарской АССР было связано с изменением рода преступления. Подобные же факты нередко встречаются в практике Верховных Судов СССР и РСФСР.

Так, по делу Войтова, осужденного Смоленским областным судом по пп. «б», «з» ст.ст. 15 — 102 УК РСФСР по обвинению в покушении на умышленное убийство сразу двух лиц опасным для жизни многих способом, Президиум Верховного Суда РСФСР при тех же фактических обстоятельствах перешел на ч. 2 ст. 171 УК РСФСР (превышение власти с применением оружия), а Пленум Верховного Суда СССР оставил это решение без изменения.

По делу Николенко, осужденного по ч. 3 ст. 206 УК РСФСР за нанесение ножевого ранения В., Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР переквалифицировала содеянное на ст. 109 УК РСФСР, хотя эти нормы предусматривают ответственность за преступления разного рода².

¹ См. М. С. Строгович, Проверка законности и обоснованности судебных приговоров, изд-во АН СССР, 1956, стр. 217—218; Э. Ф. Куцова, Советская кассация как гарантия законности в правосудии, Госюриздат, 1957, стр. 177—180.

² См. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1968 г. № 9, стр. 9—10.

В практике судов кассационных и надзорных инстанций встречаются также факты переквалификации действий осужденного со ст. 144 (кража) на ст. 200 УК РСФСР (самоуправство), со ст.ст. 15 — 103 (покушение на убийство) на ч. 2 ст. 206 УК РСФСР (злостное хулиганство) и т. д. В подобных случаях род преступления, бесспорно, меняется. Более того, такие составы по своим юридическим признакам, на первый взгляд, стоят далеко друг от друга. Тем не менее подобные изменения вполне допустимы, поскольку они являются результатом исключения вышестоящим судом из обвинения таких отягчающих признаков, как цель лишить потерпевшего жизни, хулиганское побуждение, намерение обратить в свою собственность чужое имущество без всякого на то основания и т. д. В остальном фабула обвинения сохраняется: инкриминируемые осужденному действия по своим фактическим признакам не видоизменяются. Ввиду отпадения определенных признаков содеянного, отягчающих обвинение, установленные приговором обстоятельства дела получают со стороны вышестоящего суда иную уголовно-правовую оценку. Соответственно меняется юридическая формулировка обвинения, содеянное переквалифицируется на другой закон о менее тяжком, но другого рода, преступлении. Положение осужденного не только не ухудшается, а, наоборот, улучшается. Не ущемляется и его право на защиту, ибо вышестоящий суд исключает из обвинения часть признаков, которые фигурировали на судебном следствии и в приговоре.

Поэтому следует считать, что суды кассационной и надзорной инстанций имеют право изменять юридическую формулировку и правовую квалификацию содеянного при тех же фактических признаках или при исключении некоторых из них независимо от рода преступления, их полномочия на подобные изменения не ограничены рамками однородных преступлений. Если эти изменения не стягивают обвинения, вышестоящий суд может произвести их без возвращения дела на новое рассмотрение, внося соответствующие коррективы непосредственно в тот приговор, законность и обоснованность которого проверяются. Только при том условии, что требуемые изменения предполагают ухудшение положения осужденного и могут нарушить его права, суды кассационной и надзорной инстанций не должны сами изменять

обвинение. В этом случае необходимо решать вопрос об отмене приговора и передаче дела на новое судебное рассмотрение.

§ 2. ОТДЕЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ ИЗМЕНЕНИЯ ОБВИНЕНИЯ В ВЫШЕСТОЯЩЕМ СУДЕ

В судах кассационной и надзорной инстанций возможны различные варианты изменения разрешенного в приговоре обвинения. Значительное место среди них занимают изменения, связанные с фабулой обвинения. Они не могут заключаться в расширении фабулы обвинения, в дополнении ее новыми фактическими обстоятельствами, не отраженными в приговоре. Если вышестоящий суд усматривает основание для дополнения обвинения, дело должно быть направлено на новое рассмотрение с соответствующей стадии процесса.

Когда при проверке законности и обоснованности приговора обнаруживается неправильное исключение судом первой инстанции тех или иных фактов из обвинения, то это тоже может дать основание только для отмены приговора с передачей дела на новое судебное рассмотрение. Вышестоящий суд не вправе сам включать в обвинение какой-либо факт, отвергнутый судом первой инстанции или оставленный им без внимания. На базе доказательственных материалов, исследованных судом нижестоящим, кассационная или надзорная инстанция может признать недоказанным тот или другой факт, но не вправе на основании этих же материалов признать доказанным противоправный факт, отвергнутый судом в приговоре, если даже включение такого факта в обвинение не влечет за собой изменения юридической формулировки и правовой квалификации содеянного. Это четко выражено в одном из определений по конкретному делу Верховного Суда СССР¹.

Вышестоящий суд не уполномочен и на такие изменения обвинения, которые состоят в видоизменении фа-

¹ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1952 г. № 4, стр. 23.

булы обвинения, в замене одних ее фактических обстоятельств другими, имеющими тоже уголовноправовое значение. Представляется неоправданной встречающаяся еще практика, когда суды кассационной инстанции, беря под сомнение доказанность отдельных фактов, влияющих на существо обвинения по делу, сами предпринимают некоторые следственные действия (в частности, производство судебной экспертизы), по их результатам отвергают одни факты и признают установленными другие, тем самым видоизменяя фабулу обвинения, заменяя одни ее факты другими.

Валитов был осужден народным судом по ч. 1 ст. 108 УК РСФСР за нанесение двух ударов перочинным ножом гр-ну К; по делу органами следствия и судом судебно-медицинская экспертиза не проводилась, вывод о тяжком характере нанесенных потерпевшему телесных повреждений основывался на акте медицинского освидетельствования. Между тем заключение врача, освидетельствовавшего потерпевшего, по некоторым вопросам не согласовывалось с клинической картиной лечения больного, с историей болезни (потерпевший в связи с телесными повреждениями находился на амбулаторном лечении). Это дало Судебной коллегии Верховного суда Татарской АССР, куда дело поступило с кассационной жалобой защитника осужденного, основание взять под сомнение доброкачественность выводов судебного медика. Но вместо того, чтобы отменить приговор и направить дело на новое рассмотрение по существу, Судебная коллегия вынесла определение об отложении слушания данного дела и о назначении по нему дополнительной судебно-медицинской экспертизы, поручив ее комиссии из трех специалистов.

Вскоре Верховный суд получил заключение о том, что телесные повреждения, причиненные потерпевшему К., относятся к разряду легких, влекущих за собой незначительную утрату трудоспособности. В связи с этим Верховный суд отверг тяжкий характер причиненных осужденным телесных повреждений, признал их легкими и переклассифицировал содеянное на ч. 1 ст. 112 УК РСФСР, т. е. Судебная коллегия видоизменила фабулу обвинения, заменив одни обстоятельства другими, установленными самой кассационной инстанцией. Между тем в соответствии с действующим законодательством выше-

стоящий суд не вправе ни производить какие-либо новые следственные действия, ни признавать доказанными те или иные факты, не указанные в приговоре. Если он находит сомнительными отдельные факты фабулы обвинения и считает необходимым проверить их дополнительно, то должен отменить приговор и передать дело на повторное рассмотрение по существу, как этого требует ст. 342 УПК РСФСР.

Поэтому изменение вышестоящим судом фабулы обвинения может выражаться только в исключении из нее отдельных фактов (их признаков). Это возможно по разным причинам: чаще всего вышестоящий суд исключает из обвинения те или иные противоправные обстоятельства ввиду их недоказанности; иногда — за истечением давности сроков ответственности за отдельные противоправные действия, в силу акта амнистий или ввиду наличия неотмененного приговора в части этих фактов по другому делу. Нередко исключение из обвинения отдельных фактов вышестоящим судом объясняется тем, что эти факты не обладают необходимыми уголовноправовыми признаками.

При рассмотрении в кассационном порядке дела Абзалова, осужденного по ч. 2 ст. 206 УК РСФСР за нарушение общественного порядка на перроне вокзала и за сопротивление работнику милиции, Верховный суд Татарской АССР признал, что «действия осужденного, совершенные на перроне, содержат признаки только мелкого хулиганства, а сопротивление работнику милиции оказано не в ходе этих действий, а при доставлении в отделение милиции» и поэтому «мелкое хулиганство подлежит исключению из обвинения, остальные действия осужденного подлежат квалификации по ст. 191 УК РСФСР».

По данному делу сужение фабулы обвинения и перекалфикация содеянного вызваны не недоказанностью упомянутых действий осужденного, а отсутствием в них признаков преступления.

При этом не обязательно, чтобы исключение вышестоящим судом из обвинения отдельных фактов (эпизодов) повлекло за собой изменение юридической формулировки и правовой квалификации содеянного. Судебной практике известны дела, по которым исключение тех или иных фактов не сказывается на формулировке обвинения в целом.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Марийской АССР по делу Шакирзянова, осужденного по ч. 2 ст. 92 УК РСФСР за систематическое хищение кооперативного имущества, пришла к выводу о том, что «эпизоды хищения осужденным средств на 312 руб. путем завышения цен на туфли, ботинки и некоторые другие товары не находят подтверждения в материалах дела».

Соответственно этому такие факты за недоказанностью были исключены из обвинения, хотя правовая квалификация содеянного осталась прежней.

Нередко изменение фабулы обвинения в вышестоящем суде обуславливается уточнением тех или иных признаков содеянного. Такие уточнения по некоторым делам касаются сразу двух и более признаков состава преступления.

Так, Горячев был осужден по ч. 3 ст. 206 УК РСФСР за то, что он 10 октября 1967 г. в нетрезвом состоянии пришел в дом инвалидов, где работала его сожительница К., поругался с ней, ткнул ей пальцем в переносицу и угрожал убийством. Верховный суд Татарской АССР, рассматривая дело в кассационном порядке, признал, что «вывод народного суда о хулиганском мотиве осужденного и дерзком характере его действий не соответствует имеющимся доказательствам. Горячев пришел к потерпевшей и угрожал ей ножом не из хулиганских побуждений, а на личной почве. Поэтому в действиях осужденного усматриваются только признаки ст. 207 УК РСФСР, т.е. признаки угрозы убийством».

Верховный Суд РСФСР, рассматривая дело Будько в порядке надзора, не нашел в действиях осужденного признаков ч. 3 ст. 206 УК РСФСР почти по таким же основаниям: действия, совершенные осужденным Будько, — указал Верховный Суд РСФСР, — нельзя расценивать как хулиганство. Необходимым признаком состава хулиганства является умысел виновного на грубое нарушение общественного порядка. Действия осужденного были вызваны его личными, семейными отношениями с женой. Скандалы происходили не в общественном месте, а в квартире. Что же касается угрозы убийством, то ответственность за эти действия предусмотрена ст. 207 УК РСФСР. Соответственно Верховный Суд РСФСР исключил из обвинения указание на хулиганский мотив и на

нарушение общественного порядка, переквалифицировав содеянное на ст. 207 УК РСФСР¹.

В ряде случаев уточнение вышестоящим судом фабулы обвинения является следствием более тщательной конкретизации признаков противоправного деяния осужденного.

Мартазанов был осужден по ч. 3 ст. 92 УК РСФСР за то, что он, работая заведующим магазином, систематически растрачивал и присваивал вверенные ему товарно-материальные ценности и тем самым причинил государству ущерб на 3600 руб.

Вывод суда о хищении осужденным государственного имущества основывался на двух фактах: а) на наличии у осужденного недостачи на указанную сумму; б) на факте внесения им в кассу всей суммы недостачи непосредственно после ее обнаружения. Ни в самом приговоре, ни в материалах дела не содержались какие-либо другие конкретные данные, которые могли бы свидетельствовать о том, что недостача образовалась в результате хищения. По делу было установлено только, что Мартазанов злоупотреблял своим служебным положением, систематически раздавал в долг продукты питания, промтовары и деньги различным организациям и гражданам. При таких обстоятельствах Верховный Суд РСФСР, рассмотревший дело в порядке надзора, пришел к выводу, что действия осужденного неправильно расценены как хищение, в них есть признаки только злоупотребления служебным положением. Соответственно приговор был изменен, содеянное переквалифицировано на ч. 2 ст. 170 УК РСФСР².

В подобных случаях изменяется и фабула, и юридическая формулировка, и правовая квалификация обвинения. Но эти изменения обуславливаются уточнением фактических и юридических признаков совершенных осужденным действий, а не выявлением каких-либо новых фактов. Такие изменения в вышестоящем суде возможны, если обвинение не становится более тяжким.

В практике судов кассационной и надзорной инстан-

¹ См. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1968 г. № 7, стр. 9—10.

² См. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1963 г. № 12, стр. 7.

ций иногда встречаются дела; по которым они выявляют неточность установления нижестоящим судом какого-либо отдельного обстоятельства, имеющего важное значение для квалификации содеянного. Вышестоящий суд уточняет такие обстоятельства, как наличие или отсутствие конкретного квалифицирующего обстоятельства, состояния внезапно возникшего сильного душевного волнения, признаков превышения необходимой обороны, добровольного отказа от продолжения преступной деятельности¹ и т. д. В подобных случаях несколько изменяются как фактические контуры содеянного, так и его юридическая формулировка и правовая квалификация, но никакого нового противоправного факта вышестоящий суд не устанавливает. Он просто уточняет, конкретизирует фактические признаки действий (бездействия) осужденного и дает иную оценку обстоятельствам дела, изложенным в приговоре. При этом иногда в основу решения суда кассационной или надзорной инстанции кладутся также фактические данные, хотя и прямо не отраженные в приговоре, но бывшие предметом судебного разбирательства нижестоящим судом.

Некоторые процессуалисты ставят под сомнение правомерность такой практики, полагая, что изменение обвинения в вышестоящем суде должно осуществляться только на основе данных, изложенных в приговоре, и никакого исключения из этого правила не должно быть².

Такой взгляд представляется неточным. Он не вытекает из закона и лишен серьезного основания. Нельзя запрещать вышестоящему суду производить оценку всех доказательств по делу в совокупности, проверять законность и обоснованность приговора с учетом всех фактических данных и их источников, которые должны быть положены в его основу. Как подчеркивает В. А. Познанский, кассационная или надзорная инстанция «сама может по-иному оценить фактические обстоятельства, фи-

¹ См. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1963 г. № 4, стр. 7; № 5, стр. 12; 1964 г. № 4, стр. 7—8; 1968 г. № 2, стр. 5—6; № 9, стр. 15—16 и др.

² См. А. Л. Ривлин, Пересмотр судебных приговоров в СССР, М., 1955, стр. 23.

гурирующие в деле и бывшие предметом судебного исследования, но по тем или иным причинам неправильно указаны в приговоре или вовсе не указаны. Именно так понимает этот вопрос наша судебная практика, которая в известных пределах и при определенных условиях вносит изменения в приговор на основании обстоятельств, почерпнутых из всех материалов дела»¹.

Не подменяя суд первой инстанции и не перерешая дела в целом, вышестоящий суд в состоянии привести отдельные обстоятельства совершения преступного деяния, указанные в приговоре, в полное соответствие с теми фактическими данными, которые устанавливались самим же судом первой инстанции. Иное решение вопроса может повлечь за собой необоснованную отмену приговоров и отрицательно сказаться на стабильности акта социалистического правосудия.

В связи с уточнением тех или иных обстоятельств дела вышестоящий суд вправе изменить юридическую формулировку и правовую квалификацию содеянного, если при этом последнее сохраняется в своей основе, т. е. действия или бездействие осужденного остаются в принципе такими же, какими они признаны установленными в приговоре. Но при всех условиях эти изменения допустимы без отмены приговора только постольку, поскольку обвинение не становится более тяжким. В противном случае речь может идти лишь об отмене приговора и направлении дела на новое судебное рассмотрение.

Значительная часть изменений обвинения в вышестоящем суде связана с уточнением лишь юридических признаков и правовой оценки содеянного, без каких-либо изменений его фактических обстоятельств. Допустимость этих изменений главным образом зависит тоже от тяжести обвинений. Вышестоящий суд не вправе перейти на уголовноправовую норму с диспозицией о более тяжком преступлении, если даже он считает, что фактические признаки содеянного и назначенная мера наказания должны остаться прежними. Отступление от этого пра-

¹ См. В. А. Познанский, Последствия кассационного пересмотра приговоров в советском уголовном процессе, «Научные труды Саратовского юридического института», вып. 1, 1957, стр. 283.

вила является нарушением закона (ст. 340 УПК РСФСР) и по существу ухудшает положение осужденного, поскольку признание его виновным в более тяжком преступлении (хотя и с той же мерой наказания) может сказаться отрицательно при решении вопроса об условно-досрочном освобождении, снятии судимости, признании особо опасным рецидивистом и т. п.

В судебной практике изменение обвинения при той же фактуре встречается в разных вариантах. Порою это выражается в исключении из обвинения одной из уголовно-правовых норм.

Цыганков был осужден по ч. 1 ст. 109, ч. 3 ст. 206 УК РСФСР за то, что он 30 сентября 1967 г. избил своих детей, разрубил топором косяки входных дверей, разбил оконные рамы и нанес менее тяжкие телесные повреждения гр-ну Т., заступившемуся за детей.

Проверяя законность и обоснованность этого приговора, Судебная коллегия Верховного суда Татарской АССР признала, что, «поскольку причинение потерпевшему менее тяжких телесных повреждений имело место в процессе хулиганских действий осужденного, все содеянное охватывается ч. 3 ст. 206 УК РСФСР и дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 109 УК РСФСР не требуется». Соответственно Верховный суд Татарской АССР исключил из обвинения эту уголовно-правовую норму.

Некоторые суды при аналогичных условиях принимают решение о частичном прекращении дела по статье закона, неправильно примененной по делу. Однако такая практика является неоправданной. Частичное прекращение дела в вышестоящем суде должно производиться только при такой ситуации, когда одно из предъявленных по делу обвинений отпадает полностью, т. е. когда один из осужденных либо вовсе освобождается от ответственности, либо признается недоказанным одно из самостоятельных преступных деяний осужденного, образующих реальную совокупность. Когда же встает вопрос об исправлении ошибки, допущенной при квалификации доказанного деяния осужденного, никакого прекращения дела быть не может. В этом случае из обвинения исключаются те статьи уголовного закона (части, пункты), которые без достаточного основания включались в правовую квалификацию содеянного. Это подчер-

квал Президиум Верховного Суда РСФСР по делу Багдеева и Гладких¹.

Однако вышестоящий суд, как нам представляется, не вправе дать «дополнительную квалификацию» содеянному, признавая человека осужденным по обвинению в двух преступлениях, в то время как судом первой инстанции он признан виновным в совершении только одного преступления.

На практике можно встретиться с фактами, когда вместо покушения на убийство, признанного судом в приговоре, кассационная инстанция констатирует совокупность угрозы убийством и злого хулиганства (ст.ст. 206, 207 УК РСФСР); вместо хищения путем злоупотребления служебным положением признает совокупность злоупотребления служебным положением и приобретения имущества, добытого преступным путем (ст. 170, ч. 1 ст. 208 УК РСФСР), и т. д. И на первый взгляд может показаться, что это не таит в себе ничего предосудительного, поскольку мера наказания осужденному не усиливается. Однако при более тщательном анализе нельзя не видеть серьезных недостатков, присущих подобной практике.

В отмеченных случаях происходит существенное изменение правовой квалификации и юридической формулировки обвинения. Кроме того, признание лица осужденного за одно преступление, виновным в совершении двух, хотя и менее тяжких, преступлений не укладывается в рамки полномочий вышестоящего суда, в ряде случаев сопровождается формулированием нового (дополнительного) обвинения и нередко ухудшает положение осужденного, поскольку наличие в его действиях двух составов преступлений может повлечь неблагоприятные последствия для этого лица при решении ряда уголовноправовых вопросов, таких, как повторность, признание особо опасным рецидивистом и т. п. Поэтому «раздвоение» в вышестоящем суде преступного деяния, которое нижестоящим судом расценено единым преступлением, и квалификация его по нескольким нормам уголовного закона, а не по одной не согласуется с важ-

¹ См. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1968 г. № 3, стр. 6—7.

нейшими положениями процессуального права и не может считаться правомерным.

В вышестоящем суде вполне возможно признание единым преступным деянием действий осужденного, считавшихся до этого самостоятельными.

Кошкин был осужден по ч. 2 ст. 92 УК РСФСР за то, что он, работая продавцом сельмага, присвоил кооперативные средства и тем самым причинил сельпо материальный ущерб на 384 руб. При рассмотрении дела в кассационном порядке Верховный Суд пришел к выводу, что народный суд, квалифицируя действия осужденного по ч. 2 ст. 92 УК РСФСР, исходил из признака повторности преступления. Между тем из материалов дела усматривается, что Кошкин в разное время брал из магазина детские ботинки, брюки, настольные часы, продукты питания и т. д., имея единый умысел на хищение и пользуясь одним источником. При таком условии совершенные им действия составляют единое продолжаемое преступление и должны квалифицироваться по ч. 1 ст. 92 УК РСФСР.

Такие же решения встречаются и в практике других судебных инстанций¹.

Изменение юридической формулировки и правовой квалификации обвинения при тех же фактических обстоятельствах может быть следствием уточнения оценочных признаков содеянного.

Захаров был осужден по ч. 3 ст. 147 УК РСФСР за то, что он на железнодорожной станции познакомился с Наконечным, обманным путем завладел его имуществом и скрылся.

Рассматривая это дело в порядке надзора, Верховный Суд РСФСР указал: «Органы следствия и суд, квалифицируя действия Захарова по ч. 3 ст. 147 УК РСФСР, исходили из того, что преступлением был причинен потерпевшему значительный вред. Стаким выводом согласиться нельзя. Ущерб в сумме 100 руб. не может считаться значительным. Причиненный мошенническими действиями ущерб в размере 100 руб., даже если эта сумма является существенной для потерпевшего, испытывающего материальные затруднения, нельзя отнести

¹ См. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1968 г. № 1, стр. 15 и др.

к значительному ущербу». На этом основании Верховный Суд изменил обвинение, переqualифицировав содеянное при тех же фактических признаках на ч. 2 ст. 147 УК РСФСР¹.

Как видим, изменение юридической формулировки и правовой квалификации действий (бездействия) осужденного в вышестоящем суде может обуславливаться разными причинами и иметь различные формы. Приводить исчерпывающий перечень таких изменений нет никакой необходимости. Важно только подчеркнуть, что все они правомерны постольку, поскольку в результате соответствующих изменений обвинение не становится более тяжким, не ухудшается положение осужденного и не нарушаются процессуальные правила, регламентирующие порядок проверки законности и обоснованности приговоров.

Некоторые варианты изменения обвинения в суде кассационной или надзорной инстанции влекут за собой изменение и обвинения в процессуальном смысле, т. е. переход от публичного к частному обвинению, от частного или частно-публичного к публичному и т. д.

Сажин был осужден по ст. 113 УК РСФСР за то, что он зимой 1967 года неоднократно наносил побои своей жене в область шеи, лица и локтевых суставов.

При проверке законности и обоснованности этого приговора кассационная инстанция признала, что содеянное квалифицировано по ст. 113 УК РСФСР неправильно, ибо в нем нет признаков истязания. Поэтому она переqualифицировала действия осужденного на ч. 1 ст. 112 УК РСФСР.

В данном случае изменилось и обвинение в процессуальном смысле, правонарушение стало делом частного обвинения. Если по делу имеется жалоба потерпевшего и обвинение становится менее тяжким, то такие изменения в вышестоящем суде вполне допустимы.

Правда, И. Д. Перлов высказался против этого, считая, что «кассационная инстанция не вправе сама перейти от публичного к частному обвинению при отсутствии заявления потерпевшего. Если и есть такое заявление, то должна быть осуществлена примирительная проце-

¹ См. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1968 г. № 3, стр. 8.

дура, что исключается в заседании кассационной инстанции»¹. Однако смысл примирительной процедуры заключается в том, чтобы на самом первоначальном этапе уголовного судопроизводства стремиться восстановить нормальные отношения между потерпевшим и обидчиком, не допустить искусственного расширения их взаимной неприязни в результате публичного разбирательства их взаимоотношений, предотвратить возможность углубления вражды между ними и обиды потерпевшего публичной оглаской происшедшего без особой надобности. Так как потерпевший требует привлечения виновного к ответственности, дело уже разбиралось в суде и дошло до вышестоящих судебных инстанций, то говорить о необходимости «примирения» и выдвигать это в качестве основания прекращения дела бессмысленно. Советское законодательство не рассматривает указанное И. Д. Перловым обстоятельство ни как основание для прекращения дела в вышестоящем суде, ни как препятствие к внесению соответствующих изменений в приговор. Судебная практика стоит на той позиции, что при наличии жалобы потерпевшего вполне возможен переход в вышестоящем суде от публичного к частно-публичному или к частному обвинению без возвращения дела для повторного «возбуждения» с соблюдением примирительной процедуры². И это правильно, ибо нет никаких серьезных теоретических и практических соображений для иного решения вопроса.

Иногда вышестоящий суд при проверке законности и обоснованности приговора обнаруживает грубое нарушение существующих правил изменения обвинения в суде первой инстанции.

При рассмотрении дела Ефремова, осужденного по ч. 2 ст. 206 УК РСФСР за драку, совершенную из хулиганских побуждений, Верховный суд Татарской АССР отметил, что «в нарушение ст. 254 УПК РСФСР суд вышел за пределы разбирательства дела в отношении Ефремова, вменив ему в вину нанесение ударов Черемухи-

¹ И. Д. Перлов, Кассационное производство в советском уголовном процессе, «Юридическая литература», 1968, стр. 373.

² См. постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 декабря 1967 г. по делу Шара и Ольховникова («Бюллетень Верховного Суда СССР» 1968 г. № 3, стр. 25—26).

ну, хотя в первоначальном обвинении этот факт не фигурировал, до суда никем обвиняемому не инкриминировался».

В подобных случаях приговор суда может быть отменен с направлением дела на новое рассмотрение с соответствующей стадии процесса.

Когда суд надзорной инстанции сталкивается с ошибкой, допущенной в ходе кассационного производства, он может поступать двояким образом. Если исправление этой ошибки ухудшает положение осужденного, то кассационное определение отменяется и дело передается на новое рассмотрение. В остальных случаях необходимые изменения в обвинение вносятся самим судом надзорной инстанции.

Любое изменение обвинения в вышестоящем суде должно подробно мотивироваться и найти четкое отражение в соответствующем определении или постановлении; выводы об изменении обвинения и их мотивировка — в описательной части этих процессуальных актов, а краткое решение по данному поводу — в их резолютивной части. При этом необходимо иметь в виду, что если в резолютивной части приговора отражается не всякое изменение обвинения, имевшее место в стадии судебного разбирательства, то в вышестоящем суде любое изменение обвинения указывается и в резолютивной части определения (постановления) суда кассационной или надзорной инстанции.

Кассационное определение об изменении обвинения становится частью акта социалистического правосудия, вступает в законную силу вместе с приговором. Когда такие изменения внесены судом надзорной инстанции, этот документ тоже признается составным элементом акта правосудия, хотя уже и вступившего в законную силу. В обоих случаях при решении всех вопросов, связанных с законной силой и исполнением судебного приговора, за основу принимается измененное, окончательное обвинение.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-----------------------	---

Глава первая

Понятие, виды и структура обвинения в советском уголовном процессе

§ 1. Понятие и значение обвинения в уголовном процессе	5
§ 2. Виды обвинения в советском уголовном процессе	14
§ 3. Структура обвинения по уголовным делам	19

Глава вторая

Формулирование и общие вопросы изменения обвинения в советском уголовном процессе

§ 1. Формулирование первоначального обвинения в советском уголовном процессе	27
§ 2. Факторы, обуславливающие возможные изменения первоначального обвинения	35
§ 3. Понятие и классификация изменений обвинения в уголовном судопроизводстве	42
§ 4. Отличие изменения обвинения от смежных процессуальных институтов	44
§ 5. Отправные положения изменения обвинения по действующему уголовно-процессуальному законодательству	51

Глава третья

Изменение обвинения в стадии предварительного расследования

§ 1. Условия и процессуальный порядок изменения первоначального обвинения следователем и органом дознания	61
§ 2. Полномочия прокурора на изменение обвинения. Процессуальный порядок их осуществления	76

Глава четвертая

Изменение обвинения в стадии предания суду

- § 1. Общие вопросы изменения обвинения в стадии предания суду 87
- § 2. Конкретные варианты изменения обвинения в стадии предания суду 97

Глава пятая

Изменение обвинения в стадии судебного разбирательства

- § 1. Обвинение как предмет судебного разбирательства 102
- § 2. Изменения в судебном заседании обвинения, связанные с его фабулой 112
- § 3. Иные изменения обвинения в приговоре 130

Глава шестая

Изменение обвинения в вышестоящем суде

- § 1. Общие пределы изменения обвинения в вышестоящем суде 140
- § 2. Отдельные варианты изменения обвинения в вышестоящем суде 150

Фаткуллин Фидан Нургалеевич

«ИЗМЕНЕНИЕ ОБВИНЕНИЯ»

Редактор *Е. Я. Лямина*
Обложка художника *Н. Власик*
Художественный редактор *И. Е. Сайко*
Технический редактор *В. А. Серикова*
Корректор *И. Н. Тарасова*

Сдано в набор 16/XI 1970 г. Подписано в печать 6/V 1971 г. Бумага типографская № 3, формат 84×108¹/₃₂. Объем: усл. печ. л. 8,61; учет.-изд. л. 8,62. Тираж 8000 экз. А-02748.

Издательство «Юридическая литература», Москва, К 64, ул. Чкалова, д. 38—40.

Заказ 6556.

Областная типография Ивановского управления по печати,
г. Иваново, Типографская, 6.

Цена 52 коп.

34С65

Ф 27

Фаткуллин Ф. Н.

34С65 Изменение обвинения, «Юридическая лите-
Ф 27 ратура». 1971 г.

164 с

В работе освещаются такие вопросы, как: сущность, виды и структура обвинения; формулирование первоначального обвинения и его изменение, отличие последнего от частичного прекращения дела в различных стадиях уголовного судопроизводства.

Работа рассчитана на работников прокуратуры, суда, органов следствия, а также на преподавателей и студентов юридических вузов и факультетов.

1—10—2

99—70